
2013

ISSN 1987-5533

UDK (удк) – 34+32. 001

П - 685
L - 41

International scientific journal

LAW AND POLITOLOGY

Международный научный журнал

ПРАВО И ПОЛИТОЛОГИЯ

№ 23

Chisinau

June - 2013

Supreme Council on Science and Technological Development of the Academy of Sciences of Moldova and the National Council for Accreditation and Attestation of Moldova, recognized «Law and Politology» as a journal in law, political science, making part of “C” scientific journal (Decision no. 146 of 27 Jun 2013).

The journal “Law and Politology” is the periodical-scientific edition of the following academic partners

**INSTITUTE OF EUROPEAN INTEGRATION AND POLITICAL SCIENCES OF
ACADEMY OF SCIENCES OF MOLDOVA**

GELATI ACADEMY OF SCIENCES (GEORGIA)

**INSTITUTE ON HUMAN RIGHTS OF THE NATIONAL ACADEMY OF
SCIENCES OF AZERBAIJAN**

EDITORIAL BOARD

Mariam Tsatsanashvili - doctor of Legal Sciences, Professor – co-chairman of editorial board (**Georgia**)
Ion Guceac - doctor of Legal Sciences, Professor – co-chairman of editorial board (**Republic of Moldova**)
Kamal Makili-Aliyev - PhD, doctor of Law – co-chairman of editorial board (**Republic of Azerbaijan**)
Guram Markhulia - PhD, doctor of History, ass. Professor – deputy of co-chairman of editorial board (**Georgia**)
Namig Aliyev - doctor of Legal Sciences, Professor (**Republic of Azerbaijan**)
Hijran Huseynova - doctor of Political Sciences, Professor (**Republic of Azerbaijan**)
Ayten Mustafaeva - PhD, doctor of Law (**Republic of Azerbaijan**)
Victor Moraru - doctor of Political Sciences, Professor (**Republic of Moldova**)
Tariel Sikharulidze - PhD, doctor of Philology, ass. Professor in International Relations (**Georgia**)
Gheorge Costachi - doctor of Legal Sciences, Professor (**Republic of Moldova**)
Lew Spivak - professor (**Israel**)
Irina Galayeva - LL.M, Master of International Law (**University of Lund, Sweden**) – academic secretary

COORDINATIVE-SCIENTIFIC COUNCIL

Lala Ahmadova - doctor of Philological Sciences, (**Republic of Azerbaijan**)
Tamara Kiknadze - doctor of Political Sciences, Professor (**Georgia**)
Andrei Smochina - doctor of Legal Sciences, Professor (**Republic of Moldova**)
Tariel Sikharulidze - doctor of Philological Sciences, Professor (**Georgia**)
Kamil Salimov - doctor of Legal Sciences, Professor (**Republic of Azerbaijan**)
Anzor Totadze - doctor of Economics Sciences, Professor (**Georgia**)
Victor Balmus - doctor of Law, conf. (**Republic of Moldova**)
Nazim Imanov - doctor of Economics Sciences, Professor (**Republic of Azerbaijan**)
Eliko Tsiklauri-Lamich - LL.D, doctor of Law, Professor (**Germany**)

The journal is being issued since 2007

Address: Kishineu, Moldova.
Tel/FAX: +37322270313,
E-mail: guceac@mail.ru

The magazine registered
16th of august in 2007.
Reg. № 2320

The authors opinion does not necessarily coincide with position of editors

Решением Высшего совета по науке и технологическому развитию Академии наук Молдовы и Национального совета по аккредитации и аттестации журнал «Право и политология» признан как издание в области права и политологии, относящееся к научным журналам категории «С» (решение № 146 от 27 июня 2013 года).

Журнал «Право и политология» является периодическим изданием научных партнеров

**ИНСТИТУТ ЕВРОПЕЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ И ПОЛИТИЧЕСКИХ НАУК
АКАДЕМИИ НАУК МОЛДОВЫ**

**ИНСТИТУТ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ НАУК
АЗЕРБАЙДЖАНА**

ГЕЛАТСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК (ГРУЗИЯ)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Мариам Цацанашвили - доктор юридических наук, профессор – сопредседатель редколлегии (Грузия)
Ион Гучак - доктор юридических наук, профессор – сопредседатель редколлегии (Республика Молдова)
Камал Макили-Алиев - доктор философии в праве – сопредседатель редколлегии (Азербайджанская Республика)
Гурам Мархулия - доктор истории, ассоциированный профессор – заместитель сопредседателя редколлегии (Грузия)
Намик Алиев - доктор юридических наук, профессор (Азербайджанская Республика)
Хиджран Гусейнова - доктор политических наук, профессор (Азербайджанская Республика)
Айтян Мустафаева - доктор философии в праве (Азербайджанская Республика)
Виктор Морару - доктор политических наук, профессор (Республика Молдова)
Тариел Сихарулидзе - доктор филологии, ассоциированный профессор по международным отношениям (Грузия)
Георгий Костаки - доктор юридических наук, профессор (Республика Молдова)
Лев Спивак - профессор (Израиль)
Ирина Галаева - магистр международного права Лундского (Швеция) университета - ученый секретарь

НАУЧНО-КООРДИНАЦИОННЫЙ СОВЕТ

Лала Ахмадова - доктор филологических наук, (Азербайджанская Республика)
Тамара Кикнадзе - доктор политических наук, профессор (Грузия)
Андрей Смокинэ - доктор юридических наук, профессор (Республика Молдова)
Тариел Сихарулидзе - доктор филологических наук, профессор (Грузия)
Камиль Салимов - доктор юридических наук, профессор (Азербайджанская Республика)
Анзор Тотадзе - доктор экономических наук, профессор (Грузия)
Виктор Балмуш - доктор права, доцент (Республика Молдова)
Назим Иманов - доктор экономических наук, профессор (Азербайджанская Республика)
Элико Циклаури-Ламих - доктор права (Германия)

Журнал выходит с 2007 года

Адрес: Кишинэу, Молдова

Тел/ФАХ: +373 22270313,

E-mail: guceac@mail.ru

Журнал зарегистрирован

16 августа 2007 г

Регистрация № 2320

Мнение авторов не всегда совпадает с мнением редакции

CONTENT

12.00.00 LEGAL SCIENCES

VICTORIA KONAKH

ONLINE MEDIA: PRINCIPLES AND APPROACHES TO THE REGULATION
OF INTERNATIONAL AND NATIONAL LEGAL ACTS6

Camil SALIMOV, Shahla SAMEDOVA

PIRACIES: QUALIFICATIONS AND LIABILITY ISSUES IN INTERNATIONAL
CRIMINAL LAW IN THE REPUBLIC OF AZERBAIJAN12

Aidin SAFIHANLY, Gunel ISMIHANOVA

RIGHT TO LIFE IN FAVORABLE ENVIRONMENT18

Nailya VALIYEVA

INNOVATIVE APPROACH IN HUMAN RIGHTS AND LEGAL EDUCATION22

Kamal MAKILI- ALIYEV, Nadjiba MUSTAFAYEVA

INITIATIVE OF THE AZERBAIJAN REPUBLIC AT UNITED NATIONS26

Amir ALIYEV, Leyla ALIYEVA

INTERNATIONAL STANDARDS OF HUMAN RIGHTS TO LIBERTY
AND SECURITY OF PERSON30

23.00.00 POLITICAL SCIENCES

Lily BRAGA

DEMOCRATIC REFORM IN THE REPUBLIC OF MOLDOVA:
CULTUROLOGICAL EDGE35

Marina ISORIA

“DASHNAKTSUTUN” POLICY IN 1917-192045

Oksana MAZUR

POLITICAL REGIME AS A SYSTEM OF POLITICAL ORDER FORM AND SUPPORT52

Gela TSAAVA

SOME ISSUES OF THE ABKHAZIAN COLONIZATION (THE SECOND HALF OF THE 19TH
CENTURY - BEGINNING OF THE 20TH CENTURY).....59

Victor JUC, Marina GORBATIUC

SCIENTIFIC COOPERATION BETWEEN THE REPUBLIC OF MOLDOVA AND THE EURO-
PEAN UNION IN THE SEVENTH FRAMEWORK PROGRAMME64

Ruslan SHEVCHENKO

ARMENIAN-AZERBAIJANI CONFLICT OF 1988-1994: GENOCIDE OF THE AZERBAIJANI
PEOPLE AND CAPTURE OF KARABAKH70

СОДЕРЖАНИЕ

12.00.00 ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Виктория КОНАХ

ИНТЕРНЕТ-СМИ: ПОДХОДЫ И ПРИНЦИПЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В
МЕЖДУНАРОДНЫХ И ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННЫХ НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫХ
АКТАХ6

Камиль САЛИМОВ, Шахла САМЕДОВА

МОРСКОЙ РАЗБОЙ: ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ И ОТВЕТСТВЕННОСТИ В
МЕЖДУНАРОДНОМ И УГОЛОВНОМ ПРАВЕ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ.....12

Айдын САФИХАНЛЫ, Гюнель ИСМИХАНОВА

ПРАВО НА ЖИЗНЬ В БЛАГОПРИЯТНОЙ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЕ.....18

Наиля ВАЛИЕВА

ИННОВАЦИОННЫЙ ПОДХОД В ОБЛАСТИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ЮРИДИЧЕСКОГО
ОБРАЗОВАНИЯ22

Камал МАКИЛИ-АЛИЕВ, Наджиба МУСТАФАЕВА

ИНИЦИАТИВА АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В ООН.....26

Амир АЛИЕВ, Лейла АЛИЕВА

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СТАНДАРТЫ В ОБЛАСТИ ПРАВА НА СВОБОДУ
И ЛИЧНУЮ НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ30

23.00.00 ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

Лилия БРАГА

ДЕМОКРАТИЧЕСКОЕ РЕФОРМИРОВАНИЕ В РЕСПУБЛИКЕ МОЛДОВА:
КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ СРЕЗ35

Марина ИЗОРИЯ

ПОЛИТИКА «ДАШНАКЦУТЮНА» В 1917-1920 ГГ45

Оксана МАЗУР

ПОЛИТИЧЕСКИЙ РЕЖИМ КАК СИСТЕМА ФОРМИРОВАНИЯ И ПОДДЕРЖКИ
ПОЛИТИЧЕСКОГО ПОРЯДКА52

Гела ЦААВА

НЕКОТОРЫЕ ФАКТЫ ИЗ ИСТОРИИ КОЛОНИЗАЦИИ АБХАЗИИ
(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX ВЕКА - НАЧАЛО XX ВЕКА)59

Виктор ЖУК, Марина ГОБАРТЮК

НАУЧНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО МЕЖДУ РЕСПУБЛИКОЙ МОЛДОВА И ЕВРОПЕЙСКИМ
СОЮЗОМ В СЕДЬМОЙ РАМОЧНОЙ ПРОГРАММЕ.....64

Руслан ШЕВЧЕНКО

АРМЯНО-АЗЕРБАЙДЖАНСКИЙ КОНФЛИКТ В 1988-1994 ГОДАХ: ГЕНОЦИД
АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО НАРОДА И ЗАХВАТ КАРАБАХА70

Виктория КОНАХ,

кандидат политических наук,
главный консультант
национального Института Стратегических
Исследований при Президенте Украины

ИНТЕРНЕТ-СМИ: ПОДХОДЫ И ПРИНЦИПЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В МЕЖДУНАРОДНЫХ И ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННЫХ НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫХ АКТАХ

До недавнего времени Интернет не мог рассматриваться в качестве общедоступного средства массовой информации наравне с традиционными радио, телевидением и печатными СМИ. Однако во всем мире сейчас наблюдается тенденция падения тиражей ежедневных печатных СМИ и роста популярности Интернет-СМИ, что связано с очевидными преимуществами этих изданий по сравнению с традиционными, которыми в частности, являются: трансграничность, высокая скорость и оперативность подачи информации, отсутствие «дедлайна», интерактивность, отсутствие цензуры и т.д. Однако, наряду с позитивными последствиями развития Интернет-СМИ, глобальная компьютерная сеть формирует ряд новейших вызовов и угроз, среди которых: распространение конфиденциальной информации государств; случаи пропаганды насилия, жестокости, расовой, религиозной вражды, неонацизма, порнографии; нарушение авторских прав; манипулирование общественным сознанием и т.п. Вышеназванные и другие проблемы обуславливают необходимость нормативно-правового регулирования деятельности Интернет-СМИ как на международном, так и внутригосударственном уровне, а также потребность в дальнейшем изучении проблемы.

Цель данной статьи – анализ действующих международных и национальных нормативно-правовых актов в сфере СМИ, для определения в них статуса Интернет-СМИ и основных тенденций по регулированию их деятельности.

Анализ современных международных правовых норм и рекомендаций, относящихся к деятельности Интернет-СМИ, позволяет констатировать, что они, прежде всего, основываются на принципах стимулирования саморегуляции их деятельности и минимизации государственного контроля и ограничений, на распространении информации в Интернете, невозможности установления ограничений для контента в Интернете, больших, чем ограничения для других

медиа. В частности, на этом сосредоточен ряд документов, принятых Советом Европы, – Резолюция № 1120 «О влиянии новых коммуникативных и информационных технологий на демократию» (1997 г.), «Декларация о Европейской политике в области новых информационных технологий» (1999 г.), «Декларация о свободе коммуникаций в Интернете» (2003 г.), «Декларации о правах человека в сети Интернет» (2005 г.).

Так, в Резолюции № 1120 «О влиянии новых коммуникативных и информационных технологий на демократию» подчеркивается позитивная роль развития новых технологий и отмечается целесообразность поиска способов «избежания таких рисков как уменьшение политического выбора, манипуляция с сознанием, коммерциализация и фрагментация политических сообщений, избыточное количество общественных опросов, маргинализация парламентских процедур, социальная дискриминация, контроль за гражданами и тенденция к немедленной, но девальвированной форме демократии» (ст. 3), [1] и т.п.

В «Декларации о Европейской политике в области новых информационных технологий» признаются современные возможности информационных технологий по повышению открытости и прозрачности обмена информацией, укреплению демократической стабильности, а также – потенциальные вызовы и угрозы от использования этих технологий, как для отдельных лиц, так и для демократического общества в целом. Также в декларации ставится акцент на необходимости государствам-членам СЕ способствовать созданию условий для максимально широкого доступа к новым информационным и коммуникационным услугам, обеспечению беспрепятственного доступа к использованию новых информационных технологий, содействию свободному обмену информацией; обеспечению уважения прав человека, в частности свободы слова [2].

«Декларация о свободе коммуникаций в Интер-

Виктория КОНАХ

нете» устанавливает важнейшие условия его использования в странах Европы, среди которых [3]: невозможность установления ограничений для контента в Интернете, больших, чем ограничения для других медиа; поощрение по саморегулированию контента в Интернете; невозможность запрета доступа (блокировки или фильтрации) к ресурсам в Интернете, независимо от границ (за исключением ограничений для детей и ограничений, установленных законными решениями компетентных государственных органов); невозможность лицензирования или других ограничений при создании веб-сайтов; поощрение свободного рынка Интернет-услуг, невозможность установления для Интернет сервис-провайдеров специальных разрешительных ограничений или ограничений их доступа к телекоммуникационным сетям; невозможность возложения на Интернет сервис-провайдеров ответственности за контент и обязательств по мониторингу контента, к которому они предоставляют доступ, передают или хранят; сохранение анонимности пользователей Интернета при наличии прав компетентных государственных органов отслеживать обвиняемых в уголовных преступлениях.

В «Декларации о правах человека в сети Интернет» говорится, что новейшие ИКТ создают множество вызовов, в частности такие, как государственная и частная цензура, именно поэтому «свобода мысли, информации и общения должна соблюдаться как в цифровой, так и нецифровой среде и не должна подпадать под другие ограничения, кроме тех, которые установлены статьей 10 Европейской конвенции по правам человека, только на основании того, что общение осуществляется в цифровом формате [4]».

В то же время, в международных правовых нормах значительное внимание уделяется противодействию распространения противозаконного контента в сети Интернет. В частности, в принятом Европейским Союзом «Плане мероприятий по обеспечению безопасного пользования Интернетом» (от 1 января 1998 года) предоставляется толкование понятий «материалы противозаконного содержания» и «материалы предосудительного содержания». Под материалами противозаконного содержания понимаются относящиеся: к национальной безопасности (инструкции по изготовлению взрывных устройств, по незаконному производству наркотиков, инструкции по проведению террористических акций); к защите несовершеннолетних (оскорбительные формы маркетинга, сцены насилия, порнография); к защите человеческого достоинства (подстрекательства к расовой ненависти или расовой дискриминации); к экономической безопасности (мошенничество, инструкции по пиратскому использованию кредитных карточек); к защите информации (деятельность преступных хакеров), к защите частной жизни (неразрешенная

передача персональных данных, электронное преследование); к защите репутации (клевета в печати, незаконная сравнительная реклама); к интеллектуальной собственности (неразрешенное распространение произведений, защищенных авторским правом, например, компьютерных программ или музыкальных произведений) (ст. 1). Под материалами предосудительного содержания понимаются такие, распространение которых не является противозаконным, однако ограничено (например, только для взрослых), а также содержание которых может обидеть некоторых пользователей, хотя их публикация не ограничена в силу принципа свободы самовыражения (ст. 1), [5].

Учитывая указанное в отношении этих двух категорий, нужно употреблять совсем различные мероприятия. Так, материалами противозаконного содержания должны заниматься, по месту их создания, правоохранительные органы, действия которых регулируются национальными законодательствами и соглашениями о судебном сотрудничестве (ст. 2.1). Что же касается материалов предосудительного содержания, то, прежде всего, следует предоставить пользователям возможность самим решать проблему исключительно техническими средствами (с помощью систем фильтрации и рейтинговой оценки содержания), повышая родительскую осведомленность и развивая саморегулирование, способное создать необходимые рамки, в частности в отношении защиты несовершеннолетних (ст. 2.1), [5].

Вместе с тем следует отметить, что Европейская комиссия еще в конце 90-х гг. предпринимала попытки получить политическое влияние на регулирование Интернетом и возложить эти функции на отдельную международную организацию, тем самым уменьшив регуляторную монополию США. Однако США, прикрываясь концепцией саморегулирования отрасли [6], отвергли предложения Европейской комиссии и возложили эти функции на Internet Corporation for Assigned Names and Numbers – ICANN (международная некоммерческая организация с основным офисом в США), технически лишив Европейскую комиссию возможности принимать непосредственное участие и влиять на решения.

Отмечая отсутствие международного консенсуса по созданию новой международной организации для выполнения надзорных функций или возложение такой ответственности на любую существующую организацию, Европейская комиссия предложила альтернативный подход сделать ICANN внешне подотчетной международному регулированию и национальным правительствам. Однако такой подход был отвергнут.

В свою очередь, 13 сентября 2011 года правительства трех стран – Индии, Бразилии и Южной Африки (IBSA) призвали к созданию «нового глобально-

Виктория КОНАХ

го органа» в рамках системы ООН по управлению Интернетом, который должен выполнять задачи по разработке и внедрению международной публичной политики с целью обеспечения координации и согласования глобальных вопросов, связанных с Интернетом; интегрировать и контролировать органы, ответственные за техническое и операционное функционирование Интернета, включая введение глобальных стандартов; осуществлять арбитраж и разрешать споры, по необходимости, и т.п. [7]. Однако такой подход также не был реализован.

Утвердить на международном уровне более жесткие правила по регулированию Интернета и разделить сферу контроля за ним по фактическим границам пытались Россия, КНР и арабские страны во время Всемирной конференции международной электросвязи в Дубае (3-15 декабря 2012). Главным итогом конференции стало подписание нового Регламента международной электросвязи, однако в соответствии с пунктом 2 статьи 10 Регламента, он и дополнительные резолюции не имеют обязательного характера [8].

При разработке нового Регламента, основным предметом спора стал вопрос, должен ли Международный союз электросвязи взять на себя регулирование Интернета, а также предложение предоставить расширенные полномочия по управлению его национальными сегментами правительствам (в частности, право на распределение IP-адресов и доменных имен). В итоге слово «Интернет» в документе не встречается, однако в нем идет речь о «необходимости предотвращать распространение нежелательных массивов электронных сообщений» (ст. 5 В), [8]. В контексте ранее утвержденного экспертами ITR стандарта (рекомендаций) Y. 2770 на применение технологий Deep Packet Inspection, это означает, что Интернет-провайдеры тех государств, которые подписали Регламент и Рекомендации, будут анализировать не только заголовки пакетов данных, которые они пересылают, но и их содержание, что позволит обнаруживать и блокировать вирусы, а также доступ к сайтам, содержащим объекты, защищенные авторским правом, вредную информацию, противозаконный контент».

Из 159 делегаций-участников конференции пакет документов подписали только 89, свыше 50 – отказались. Еще 15 делегаций не были допущены к этой процедуре из-за отсутствия соответствующих полномочий. В частности, подпись под документом не поставили представители США, Великобритании, Канады и Германии [9].

Таким образом, несмотря на многочисленные корректировки первоначальных предложений к тексту договора, достичь настоящего компромисса и принять новые, обязательные для всех правила, не

удалось. Де-факто это означает, что регулирование Интернета остается таким же, каким было до конференции. Вместе с тем конференция показала, что в мире появилась новая линия противостояния относительно подходов к правовому регулированию глобального информационного пространства в целом, и Интернета в частности.

Анализ внутригосударственного законодательства в сфере СМИ позволяет констатировать, что, несмотря на отсутствие на международном уровне общеприменяемого определения понятия «Интернет-СМИ», ряд государств осуществляет попытки регулирования их деятельности, в основном путем применения к ним тех внутригосударственных правовых норм, которые распространяются на традиционные СМИ. Главное отличие внутри европейских стран заключается в том, что в англосаксонской правовой системе распространения юрисдикции традиционных законов на деятельность в сети происходит через судебную практику, а в континентальной – путем адаптации существующих законов к новым условиям.

Вместе с тем следует отметить, что такие страны как США и Англия вообще не имеют отдельного законодательства для СМИ. Любая информационная деятельность в этих государствах регулируется на основании гражданского, уголовного и другого законодательства. Поэтому выделение сетевых средств массовой информации из всего множества Интернет-ресурсов не является для них насущной проблемой [10].

В частности, в США Верховный суд в 1996 г. отменил на основании Первой поправки Закон о регулировании Интернета, а в 1998 г. Верховный суд штата Нью-Йорк принял решение, согласно которому все Интернет-сайты, независимо от их содержания и профессионального уровня, считаются средствами массовой информации. Таким образом, любой автор, публикующий свои материалы в сети, считается журналистом независимо от наличия соответствующего удостоверения или принадлежности к редакции и имеет право получать и распространять информацию также, как это делают сотрудники других СМИ [11].

Во Франции Государственный совет по юридическим вопросам в 1998 г. сделал вывод об отсутствии необходимости создавать отдельное правовое поле для Интернет-сети. Соответствующие решения базировались на уверенности, что создание совершенного во всех аспектах закона для Интернета, потенциал которого еще далеко не исчерпан, только усложнит дальнейшее развитие всемирной сети. Поэтому логичным является применение к Интернет-изданиям тех правовых норм, которые действуют в отношении других СМИ [12].

В Венгрии «Закон о СМИ» регулирует все виды средств массовой информации и медиа-контента,

Виктория КОНАХ

включая телерадиовещание, печатные и Интернет-СМИ. В частности, закон обязывает всех поставщиков информации, в том числе и Интернет-СМИ, обеспечивать надлежащее освещение новостей, а именно – предоставлять аутентичную, быструю и точную информацию о государственных делах на местном, национальном и европейском уровне, а также о любых событиях, которые являются актуальными для граждан Венгрии и венгров в мире [13].

Стоит отметить, что принятие «Закона о СМИ» в Венгрии вызвало широкую дискуссию и значительную критику со стороны ряда европейских государств и международных организаций. В частности, в отчете ОБСЕ отмечалось, что мотивированные ограничения, касающиеся деятельности средств телерадиовещания, не должны распространяться на печатные и интернет-СМИ [14].

В Республике Словения в соответствии с Законом «О средствах массовой информации» к СМИ отнесены газеты и журналы, радио и телевидение, электронные публикации и телетекст (ст. 2 пн.1), независимо от технической платформы распространения (ст. 3). Перед началом своей деятельности СМИ должно зарегистрироваться в соответствующем министерстве, предоставив о себе информацию в государственный реестр (ст. 12) В частности: название СМИ, название и адрес главного офиса или адрес постоянного места жительства издателя, тип СМИ и периодичность его распространения; язык СМИ, метод и предусмотренную зону покрытия; источники и методы финансирования и т.п. [15].

В России на Интернет-СМИ распространяются те же юридические нормы, что и на печатные СМИ. Согласно Закону РФ «О средствах массовой информации» (от 27 декабря 1991 г. № 2124-1), под СМИ понимаются «предназначенные для неограниченного круга лиц печатные, аудио-, аудиовизуальные и иные сообщения и материалы» (ст. 2), [16]. Таким образом, определение «массовой информации» в российском законодательстве вполне подходит и к информации, размещенной на сайтах, поскольку соответствующие сообщения, как и материалы СМИ (печатные, аудио-, аудиовизуальные и т.п.), предназначены для неограниченного круга лиц, за исключением сайтов с ограниченным доступом. Поэтому все Интернет-СМИ зарегистрированы в Роскомпечати, а в регистрационном удостоверении в графе «тип издания» указано: «другое – ежедневное интернет-издание».

Сам статус Интернет-изданий также законодательно закреплен. С 1 июля 2002 г. Госстандартом России введен в действие межгосударственный стандарт «Электронные издания. Основные разновидности и выходные данные», который определяет нормы по стандарту оформления издания, язык публикаций, наличие выходных данных и т.д. Среди прочего, Гос-

стандарт вводит классификацию электронных изданий по ряду критериев, в частности: наличие печатного эквивалента, природе основной информации, характеру взаимодействия пользователя и электронного издания, по периодичности, по целевому назначению и т.д. [17].

В Беларуси Закон «О средствах массовой информации» (ст. 11) даже декларирует отдельный порядок регистрации субъектов информационной деятельности, которая осуществляется через глобальную сеть Интернет Советом Министров Республики Беларусь) [18].

В Азербайджанской Республике в соответствии с Законом «О средствах массовой информации» к СМИ относятся – периодические печатные издания, телерадиопрограммы, информационные агентства, Интернет, программы кинохроники и другие формы распространения информации (ст. 3), [19].

В Республике Армения, согласно Закону «О массовой информации», СМИ делятся на три группы: на материальном носителе – выпускаются периодически, имеют постоянное название, порядковый номер и дату выпуска, причем количество экземпляров выпуска должно быть не менее 100 экз.; передаваемые с помощью телерадиовещания; создаваемые посредством общедоступной телекоммуникационной сети (сетевые средства массовой информации) – как объем информации, доступный для неограниченного количества людей, независимо от регулярности его обновления, срока хранения и других параметров (ст. 2), [20].

В Республике Казахстан в соответствии с Законом «О средствах массовой информации» к СМИ, наряду с периодическими печатными изданиями, радио и телепрограммами, кинодокументалистикой, аудиовизуальными записями и другими формами периодического или непрерывного публичного распространения массовой информации, также отнесены Интернет-ресурсы (ст. 1), [21].

Наиболее придирчивое регулирование Интернет-СМИ осуществляется в КНР, которая, по версии организации правозащитников «Репортеры без границ», входит в десятку «государств – врагов Интернета». Сайты, которые находятся в КНР, регистрируются в Министерстве промышленности и информационных технологий, которому предоставлено право выявлять авторов «незаконного контента». Кроме указанного, в соответствии с обновленными Правилами Интернет-регулирования (от 27 декабря 2012) легализовано официальное удаление пользовательских сообщений из популярных сервисов или web-страниц на сайтах, которые с точки зрения регуляторов содержат

«незаконную» информацию, без соответствующего судебного решения. Новый закон предлагает сервис-провайдером сразу же после обнаружения

Виктория КОНАХ

щать передачу незаконной информации и принимать соответствующие меры, включая удаление этих данных, сохранения записей пользователей и передачи этой информации надзорным органам [22].

Таким образом анализ международного и внутригосударственного нормативно-правового регулирования деятельности Интернет-СМИ позволяет выделить следующие основные тенденции:

- современные международные правовые нормы и рекомендации, относящиеся к деятельности Интернет-СМИ прежде всего основываются на принципах стимулирования саморегуляции их деятельности и минимизации государственного контроля и ограничений на распространение информации в Интернете, исключение составляют лишь «материалы противозаконного содержания», распространению которых противодействуют правоохранительные органы по месту их создания, в соответствии с национальными законодательствами и соглашениями о судебном сотрудничестве;
- несмотря на отсутствие на международном уровне общепринятого определения понятия «Интернет-СМИ», ряд государств осуществляет по-

пытки регулирования их деятельности, в основном путем применения к ним тех внутригосударственных правовых норм, которые распространяются на традиционные виды СМИ;

- при правовом регулировании информационной деятельности, в частности Интернет-СМИ, можно выделить два подхода: «восточный подход» предполагает более тщательный контроль со стороны государства за всеми правоотношениями в информационной сфере, наличие определенного вида премодерации информационных ресурсов, в частности в сети Интернет, в рамках политической идеологии страны, минимизацию саморегулирования отношений участниками информационной деятельности; «западный подход» базируется на принципах свободы пользования информационными ресурсами, установления разумного баланса между нормативно-правовой базой и инструментами саморегуляции, регулирования государством важнейших положений, которые в основном касаются общих принципов и технических стандартов информационной деятельности, а также признания того, что незаконная деятельность в режиме офлайн является незаконной и в режиме онлайн.

Литература:

1. Про вплив нових комунікативних та інформаційних технологій на демократію: Парламентська асамблея Ради Європи. Резолюція № 1120 (1997). [Електронний ресурс]. – Режим доступу: [http://www.coe.kiev.ua/docs/pace/res1120\(97\).htm](http://www.coe.kiev.ua/docs/pace/res1120(97).htm)
2. Декларация о европейской политике в области новых информационных технологий – Будапешт, 6-7.05.1999. [Електронний ресурс]. – Режим доступу: http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/994_040
3. Декларация про свободу комунікацій в Інтернет: Рада Європи Комітет Міністрів. - Страсбург, 28.05.2003. [Електронний ресурс]. – Режим доступу: – <http://www.pravo.org.ua/politicreformandconstitutionslaw/159-informlaw/theoryinfolaw/807-declarkmrevr-ua.html>
4. Declaration of the Committee of Ministers on human rights and the rule of law in the Information Society: Committee of Ministers. – 13.05.2005. [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <https://wcd.coe.int/ViewDoc.jsp?id=849061&BackColorInternet=9999C&BackColorIntanet=FFBB55&BackColorLogged=FFAC75>
5. План мероприятий по обеспечению безопасного пользования Интернетом: Европейский Союз. – 1.1.1998. – [Електронний ресурс]. – Режим доступу: http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/994_097
6. M. Mueller. ICANN and Internet governance: sorting through the debris of 'self-regulation'. - The journal of policy, regulation and strategy for telecommunications, information and media. – 1999. – Vol 1. – No 6. – P.10. [Електронний ресурс]. – Режим доступу: http://www.icannwatch.org/archive/mueller_icann_and_internet_governance.pdf
7. India, Brazil and South Africa call for creation of "new global body" to control the Internet. – Internet governance project. – 17.09.2011. – [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://www.internetgovernance.org/2011/09/17/india-brazil-and-south-africa-call-for-creation-of-new-global-body-to-control-the-internet/>
8. Заключительные Акты: Всемирная конференция по международной электросвязи. (Международный союз электросвязи). – Дубай, 15.12.2012. [Електронний ресурс]. – Режим доступу: http://wftp3.itu.int/pub/epub_shared/GS/WCIT-12/R/web/flipviewerxpress.html
9. ООН ухвалила новий Регламент міжнародного електров'язку. – MediaSapiens. – 17.12.2012. [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://osvita.mediasapiens.ua/material/13339>
10. Афанасьєва К. Правове регулювання діяльності інтернет-ЗМІ. – Меді критика. – 15.07.2009[Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://www.mediakrytyka.info/drukovani/pravovevrehulyuvannya-diyalnosti-internet-zmi.html>
11. Захист прав інтелектуальної власності: досвід Сполучених Штатів Америки: Зб. документів, матеріалів, статей // За заг. ред. О. Святоцького. – К.: Видавничий Дім «Ін Юре», 2003. – 368 с.
12. Иванов В. Правове регулювання Інтернет. Деякі аспекти. – Права человека в Украине: информационный портал Харьковской правозащит-

Виктория КОНАХ

ной группы. – 04.12.2002 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.khpg.org/ru/index.php?id=1039006699>

13. Act CLXXXV of 2010 On Media Services and Mass Media. – 20 December 2010. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.euractiv.fr/sites/default/files/dokumentum.pdf>

14. The Representative on Freedom of the Media: Organization for Security and Cooperation in Europe. – Yearbook 13, 2011. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.osce.org/fom/89307>

15. Mass Media Act (Zakon o medijih; ZMed) Ljubljana, 25 April 2001. № 010-01/99-8/3. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.srdf.si/File/predpisi/mass_media_act.doc

16. О средствах массовой информации: Закон Российской Федерации от 27.12.1991 № 2124-1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=127218>

17. Межгосударственный стандарт СИБИД. Электронные издания. Основные виды и выходные сведения: ГОСТ 7.83-2001 от 2002.07.01. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.internetlaw.ru/intlaw/laws/gost.htm>

18. О средствах массовой информации: Закон Республики Беларусь от 17.06.2008. № 427-3. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [file://localhost/C:/DOCUME~1/9335~1/LOCALS~1/Temp/Rar\\$EX00.421/O%20СМИ.html](file://localhost/C:/DOCUME~1/9335~1/LOCALS~1/Temp/Rar$EX00.421/O%20СМИ.html)

19. О средствах массовой информации: закон Азербайджанской Республики (с изменениями и дополнениями в соответствии с Законом АР №219-ПГД от 23.11.2001г. и Законам АР от 28.12.2001.). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://dam.az/az/zakon_o_sredstvax_massovoii_informasii.html

20. О массовой информации: закон Республики Армения от 13.12.2003г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://new.medialaw.ru/law_CIS_Baltic/Armenia/702/

21. О средствах массовой информации: Закон Республики Казахстан (с изменениями и дополнениями по состоянию на 23.11.2010 г.). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://medialaw.asia/document/-7465>

22. Правительство КНР легализовало удаление информации из интернета без решения суда. – SecurityLab by Positive Technologies. – 29.12.2012. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.securitylab.ru/news/435723.php>

Summary

In the article considered resolutions and declarations of the adopted by the Council of Europe, as well as The Action Plan on promoting safe use of the Internet of the European Union, in terms of regulation Online media. The basic Principle of such management are minimizing government control and restrictions on the dissemination of information on the Internet (except for "illegal content"), and to encourage self-regulation of their activities.

Analyzed national legislation of the U.S., France, Hungary, Slovakia, Rosiya, Belarus in the field of information management activities, in particular the Online media. Allocated two approaches to regulate the Internet media: «eastern», which provides better control of the state over all legal relationships in the field of information and the availability of certain types of pre-moderation of information resources, including the Internet; "western", based on ktortory principles of freedom of information resources and establish a reasonable balance between the legal framework and tools of self-regulation.

Keywords: The status of the online media, the international principles to regulations online media, the national approaches to regulations online media.

Камиль САЛИМОВ,
доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой криминалистики и
судебной экспертизы
Бакинского государственного университета

Шахла САМЕДОВА,
доктор философских наук по праву,
доцент кафедры уголовного права и криминологии
Бакинского государственного университета

МОРСКОЙ РАЗБОЙ: ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ И ОТВЕТСТВЕННОСТИ В МЕЖДУНАРОДНОМ И УГОЛОВНОМ ПРАВЕ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Международно-правовые основания ответственности за пиратство (морской разбой) содержатся в статьях 14-22 Женевской конвенции об открытом море 1958 г.; в ст.100-107 Конвенции ООН по морскому праву 1982 г.; в Римской конвенции о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности морского судоходства 1988 г. [2, 362-363]. Следует заметить, что, несмотря на то, что СССР являлся участником этих Конвенций, уголовные законодательства, действующие на территории СССР, и, в частности, предыдущий УК Азербайджанской ССР

1960 г. не предусматривали ответственность за пиратство. Этот пробел был восполнен лишь в новых УК, принятых теперь уже независимыми государствами, образованными на постсоветском пространстве. Не стал исключением в этом вопросе и действующий УК Азербайджанской Республики, принятый 30 декабря 1999 г. и вступивший в силу с 1 сентября 2000 г.

Однако следует заметить, что первоначальная редакция УК Азербайджанской Республики 1999 г. не устанавливала уголовную ответственность за пиратство. Этот правовой пробел был восполнен впоследствии Законом от 2 июля 2001 г., который дополнил УК Азербайджанской Республики ст. 219-1 (морской разбой). Законодатель же РФ изначально включил в

УК 1996 г. ст. 227 (пиратство), устанавливающую ответственность за это преступление международного характера. При наименовании ст. 219-1 законодатель УК Азербайджанской Республики в отличие от международных норм (piracy) и российского уголовного законодательства вместо слова «пиратство» использовал словосочетание «морской разбой», являющееся буквальным переводом названия этого преступления с азербайджанского языка [5, 90]. Учитывая, что слово «пиратство» в современное время используется в нескольких значениях (например, в случаях нарушения авторских и смежных прав, незаконном доступе к компьютерной информации и др.), на наш взгляд, название «морской разбой» является более точным и в целом соответствует характеру этого преступления. Поэтому и в названии настоящей статьи решено придерживаться именно термина «морской разбой», в содержании же статье используемые оба термина равнозначны.

Морской разбой, как мы уже отмечали, именуемый в международных актах и в законодательстве многих государств как пиратство, существует издревле. Так, в донесении секретаря египетскому фараону Рамсесу III (конец II в. до н.э.) сообщалось, что в восточной части Средиземного моря возле ожив-

Камиль САЛИМОВ, Шахла САМЕДОВА

ленных морских путей имелись удобные места (бухты и острова) для нападения на морские суда. Здесь и скрывались пираты, которые занимались не только морским разбоем, но и охотились на людей, обращая их в рабство. Финикийцы морскую торговлю успешно сочетали с пиратством, а также с охотой на людей. Позднее с финикийцами за господство в море стали воевать греки, которые тоже нередко занимались морским разбоем, связанным с похищением людей. Морским разбоем занимались фокейцы, этруски и карфагеняне.

Пиратство было самым настоящим бедствием для Великой Римской империи. По римскому праву пираты считались «врагами человеческого рода» (*hostis humanis generis*). Пиратов в Риме казнили, как и разбойников, распятием на кресте. Следует заметить, что именно древние римляне активно боролись с морским разбоем. Истории известны морские походы Гай Юлий Цезаря, Помпея, которые на многие годы очистили от пиратов бассейн Средиземного моря. В средние века вновь происходит всплеск пиратства. «Золотым веком» пиратства считается период XVI-XVII веков. Бенерсон Литтл, автор исследования «Тактика и техника пиратов» [11], отмечает, что пираты «классической эпохи» процветали столь долгое время потому, что смогли создать децентрализованную систему управления, способную проводить сложные военные операции. Они объединяли людей самого разного происхождения, профессий и классов, движимых одной целью. Благодаря этому, пираты могли долгое время успешно противостоять объединенным силам многих государств.

Впоследствии ряд фундаментальных причин послужили основанием для проигрыша пиратов романтического века. В частности, размеры и скорость торговых судов значительно выросли, и пираты стали проигрывать погони за ними. Из-за бурного развития колониальных империй существенно выросло их военное присутствие в пиратских районах и количество патрульных судов. В результате этого, пиратский промысел стал более рискованным занятием, и, главное, пираты лишились безопасных баз. Развитие колоний привело к росту численности населения и одновременно к усилению властного контроля; в результате пираты также лишились возможности успешно прятаться в труднодоступных местах, сбывать добычу и рекрутировать новобранцев. Кроме того, если изначально страны мира мирились с присутствием пиратов и даже иногда использовали их в своих интересах, то постепенно пиратство стало восприниматься как абсолютное зло. Без возможностей сотрудничества с властями пираты утратили тыл, и пиратство в целом перестало представлять существенную угрозу для международного морского судоходства.

Как это ни странно, но конец XX и первое де-

сятилетие XXI века опять-таки знаменуются новым всплеском морского разбоя, что, на наш взгляд, связано с глобальными технологическими, экономическими и политическими процессами. Джон Барнетт в книге «Опасные воды: современное пиратство и террор в открытом море» подчеркивает, что современные пираты также появились в качестве одного из результатов эволюции человечества [8]. Развитие технологий позволило им получить в свое распоряжение быстроходные катера, мощное оружие и средства связи, что сделало возможным уменьшение численности экипажей. В результате краха колониальных империй и появления большого количества территорий, которыми никто не управлял, пираты получили в свое распоряжение людские ресурсы, базы, береговую инфраструктуру, возможности приобретения оружия и техники и пр. Кроме того, изменился и состав пиратов. Если в прошлом подавляющее большинство экипажей составляли совсем молодые люди, зачастую подростки, а пиратский век был очень недолог (оценка Дэвида Кордингги в книге «Под черным флагом: романтика и реалии жизни среди пиратов» [9]), то ныне – это мужчины в расцвете сил, которые иногда делают разбойничью карьеру на протяжении десятилетий. Пираты не действуют в одиночку: большей частью они входят в состав криминальных (иногда террористических) синдикатов и полувоенных группировок, обеспечивающих им прикрытие. В XXI веке пираты оказались в идеальном положении, поскольку в отличие от прошлых веков, торговые и пассажирские суда ныне практически беззащитны. Их экипажи не имеют оружия, в лучшем случае это имеющийся пистолет у капитана. Уменьшились и экипажи: если в 1950-е годы среднестатистическим танкером управляла команда из 40-50-ти человек, то ныне – из 15-20-ти. Многие судовладельцы особо инструктируют капитанов, рекомендуя им не оказывать сопротивления пиратам, – в противном случае, пиратский abordаж может закончиться гибелью всех членов экипажа и уничтожением корабля.

Следует отметить, что окончание холодной войны также невольно способствовало возрождению пиратства. Советские военные корабли, которые курсировали в Атлантике, Тихом и Индийском океанах, своим присутствием отпугивая потенциальных морских грабителей, вернулись на базы. В свою очередь, присутствие бывших противников советских ВМФ – флотов США, Великобритании и пр. значительно уменьшилось. К примеру, в Индийском океане в 1998 году находилось наполовину меньше военных кораблей США, чем в 1991 г. Другая причина возрождения активности пиратства заключается в том, что бывшие колонии, получив независимость, так и не смогли создать стабильное государство, которое могло бы контролировать ситуацию в своих тер-

Камиль САЛИМОВ, Шахла САМЕДОВА

риториальных водах. Наглядным примером является Сомали, у которого полностью отсутствует военноморской флот. Поэтому в водах Сомали пираты могут чувствовать себя в полной безопасности.

Итак, в последнее десятилетие морской разбой привлекает к себе значительное внимание. Масштабы совершения этого преступления поражают воображение. По статистике Международного бюро по судоходству и мореплаванию (International Maritime Bureau), с каждым последующим годом увеличивается число кораблей, захваченных морскими пиратами. И соответственно увеличивается число жертв и материальных убытков. Немалую роль при этом, конечно, играет тот факт, что пираты с каждым годом совершенствуют свою практику и вооруженную оснащенность. Известны случаи, когда пираты захватывали крупный танкер и судно, груженное танками. Традиционно опасными местами считаются морские воды близ побережий Сомали, Нигерии, Индонезии, Бангладеш, Танзании, Аденского залива, Малаккского пролива. Однако следует также отметить итоги успешной консолидированной борьбы с пиратством за последние годы. Так, по заключению экспертов Международного бюро по мореплаванию в районе Сомали количество нападений морских разбойников на суда в первой половине 2012 г. резко снизилось: если с января по июнь 2011г. было совершено 266 вылазок, то за этот же период 2012 г. – 177, [15].

Как мы уже отмечали, морской разбой является преступлением международного характера. Это деяние признано преступлением в ряде международных договоров, указанных в начале статьи, которые провозглашали, что пиратов, находящихся вне территориальных вод своего государства, имеет право ловить и уничтожать военный корабль любой страны мира.

«Захват за пиратство может совершаться только военными кораблями или военными летательными аппаратами либо другими судами или летательными аппаратами, которые имеют четкие внешние знаки, позволяющие опознать их в как состоящих на правительственной службе и уполномоченных для этой цели» [2, 364]. В отношении лиц, виновных в пиратстве, действует принцип универсальности: захваченные пираты могут быть подвергнуты суду не только у себя на родине, но и в любой другой стране (например, в государстве, чьи военные моряки поймали пиратов, или в государстве, чьи граждане пострадали от пиратства). Однако входить в территориальные воды государства военные корабли не могли, т.к. это противоречило бы основным принципам международного права. Поэтому территориальные воды ряда африканских и азиатских стран стали настоящим прибежищем морских разбойников.

Интересно отметить, что международное право, определяя правовой статус территориальных вод как

составляющей части территории государства, в то же время оказалось бессильным (как и во многих других вопросах, противоречащих интересам отдельных государств) для принятия единых параметров территориальных вод. В силу различных факторов, государства не придерживаются размеров, установленных международным правом (12 миль), при определении размеров своих территориальных вод. Австралия, Германия, Катар, Великобритания и США придерживаются расстояния в 3 морские мили (5, 5 км), Алжир, Куба, Индия, Индонезия и бывший СССР – 12 миль (19, 2 км), Камерун, Гамбия, Мадагаскар и Танзания – 50 миль (92, 5 км), Чили, Перу, Никарагуа, Эквадор, Сьерра-Леоне – 200 миль (примерно 370 км).

Конец XX – начало XXI веков, как это ни парадоксально, характеризуется одновременным и ослаблением и усилением международного права. Мы все свидетели, что в целях борьбы с международными преступлениями (события в Югославии, Руанде, Сьерра-Лионе), с международным терроризмом (Афганистан, Ирак) международное сообщество приняло ряд мер, направленных на усиление международного правопорядка (другое дело, что при этом нормы международного права в некоторых случаях были грубо попорчены). И это ни секрет, что в целом усиление международного правопорядка, возрастание роли международного права возможны только при некотором ограничении суверенитета государств. Яркий пример этому – принятие в декабре 2008г. СБ ООН Резолюции №1846, которая дает разрешение на военные действия, в том числе и на проведение наземных операций, против пиратов, действующих в районе Африканского Рога. То есть, в отличие от указанных ранее международных конвенций 1958, 1982, 1988 гг., содержащих нормы борьбы с пиратством, Резолюция №1846 дала право государствам, чьи корабли борются с пиратами, входить в территориальные воды Сомали (преследовать по горячим следам) и бороться с морскими разбойниками так, как это позволено делать в международных водах. Этим, фактически, во внутренних водах Сомали разрешено иностранным государствам применять оружие в целях пресечения пиратства. Именно подобные факты мы расцениваем как одновременное ослабление и усиление международного права.

Похвально, что в борьбе с морским разбоем международное сообщество не ограничилось только принятием нормативно-правовых норм, но предприняло и организационные меры. В отступление от нашей темы отметим, что, к сожалению, принятые в 1993 г. четыре Резолюции СБ ООН (822, 853, 874 и 884) по вооруженному конфликту между Азербайджаном и Арменией ограничились только констатацией факта оккупации части территории Азербайджанской Республики. Никаких существенных организацион-

Камиль САЛИМОВ, Шахла САМЕДОВА

ноправовых мер по отношению к государству-агрессору, оккупировавшему не только Нагорный Карабах, но еще и семь других районов Азербайджана (Агдам, Физули, Кельбаджар, Зангелан, Лачын, Губадлы, Джабраил), не предпринято до сих пор. Вместо этого задействован «переговорный процесс», который долгие годы безуспешно действует в рамках так называемой «Минской группы».

Итак, вместо «мирного переговорного процесса» (как это имеет место с преступниками-агрессорами) с преступниками-пиратами, государства и международное сообщество избрали более действенный метод. Сегодня в районе Сомали находится большая международная группировка боевых кораблей – «Объединенная тактическая группа 150» (Combined Task Force 150), состоящая из 7-15-ти кораблей, предоставленных США, Великобританией, Канадой, Данией, Францией, Германией и Пакистаном, периодически к ней присоединялись корабли Австралии, Италии, Нидерландов, Новой Зеландии, Португалии, Испании и Турции. Кроме этого, в борьбе с пиратством задействованы НАТО (операция «Союзный Поставщик»), Европейский Союз (операция «Атланта»), Объединенные арабские государства Персидского залива. В других регионах мира – подобных Юго-Восточной Азии – существуют двусторонние и трехсторонние соглашения между государствами по борьбе с пиратством, однако проводимые ими операции относительно малы по сравнению с теми, что ныне происходят вблизи Африканского Рога.

В январе 2009 г. в ООН была создана объединенная военно-морская группировка (Контактная группа по борьбе с пиратством у берегов Сомали), предназначенная для борьбы с пиратами, в создании которой приняли участие 24 страны и шесть международных организаций, с целью координации эффективных международных мер по борьбе с пиратством у берегов Сомали и в прилегающих водах после принятия Советом Безопасности ООН резолюции №1851. Так, 28 января 2010 г. в Нью-Йорке была проведена встреча с представителями группы по борьбе с пиратством более чем из 50 стран и международных организаций. Были отмечены существенные успехи в расширении дипломатических усилий и устойчивый прогресс, предпринимаемые этой группой, в борьбе с преступниками, которые атакуют суда, доставляющие в Африку гуманитарную помощь, и другие корабли, следующие транзитом по одному из самых оживленных судоходных коридоров мира.

Но даже эти меры не могут полностью искоренить такое явление как морской разбой. Свидетельство тому – пусть и единичные, но все же имеющиеся факты захвата морских судов в 2010 г. Так, усилие государств по координации борьбы с пиратством наглядно было продемонстрировано при захвате пиратами

танкера «Московский университет» с российским экипажем на борту, происшедшим в мае 2010 г. Успешному проведению операции российскими военными моряками с корабля «Маршал Шапошников» способствовали также и американские военные. Вертолет одного из находившихся в районе кораблей ВМС США облетел танкер перед операцией и передал на российское судно собранную информацию. В России по факту захвата судна сразу же было возбуждено уголовное дело по ч. 3 ст. 227 УК РФ «(пиратство, совершенное с применением оружия организованной группой). Санкция этой статьи УК предусматривает наказание от 10 до 15 лет лишения свободы [7].

Итак, в последние годы международное сообщество приняло и продолжает принимать существенные меры, направленные на борьбу с пиратством, являющимся преступлением международного характера. В качестве непосредственного объекта этого преступления можно определить провозглашенную международным правом свободу мореплавания, а также экономические интересы государств. Реальные потери мировой экономики в результате действий пиратов оценить крайне сложно. Всемирный банк (World Bank) пришел к выводу, что годовой ущерб от деятельности пиратов составляет в среднем около 10-20 млрд. долларов [13]. Но все же экономический ущерб от пиратства намного ниже материальных затрат, потраченных государствами в целях пресечения фактов пиратства. В таком случае, на чем обосновывается активность мирового сообщества в борьбе с пиратством?

На наш взгляд, усиление борьбы с пиратством, а также широкое освещение в средствах массовой информации случающихся фактов пиратства связано с тем, что в наши дни происходит сращивание морского пиратства с другими преступлениями международного характера. Анализ фактов морского разбоя, совершенных в 2008-2012 гг., показывает, что это преступление в большинстве своем выступает не в виде самостоятельного преступления, а в качестве способа совершения таких преступлений как захват заложников (с требованием выкупа) и терроризм. Пираты традиционно также активно вовлечены в операции по перевозке контрабанды, наркотиков, оружия, рабов и активно сотрудничают с преступными сообществами.

Как показывает анализ вышеупомянутых международных договоров, определение морского разбоя в ст. 219-1 УК Азербайджанской Республики полностью соответствует международно-правовому определению этого преступления: «нападение на морское или речное судно в целях завладения чужим имуществом, совершенное с применением насилия либо с угрозой его применения» [6, 171]. Основным непосредственным объектом морского разбоя являются

Камиль САЛИМОВ, Шахла САМЕДОВА

общественные отношения, обеспечивающие безопасность морского и речного судоходства, дополнительным непосредственным объектом – чужая собственность, неприкосновенность, свобода человека, факультативными объектами могут быть здоровье и жизнь человека [3, 771]. Объективная сторона характеризуется активными действиями – нападением с применением насилия или угрозой его применения.

Как видно из международно-правового и уголовного определений морского разбоя, наличие специальной цели нападения (завладение чужим имуществом) является обязательным элементом субъективной стороны преступления. Именно многообъектность, общность специальной цели и действий, составляющих объективную сторону (нападение с применением насилия или угрозы его применения), моменты определения окончания этих преступлений (окончены с момента нападения независимо от завладения чужим имуществом) позволяют провести параллели между разбоем (ст. 181 УК) как одной из форм хищения чужой собственности и пиратством (ст. 219-1 УК) как преступлением международного характера.

По своему содержанию пиратство примыкает к разбою как преступление против собственности, однако является более опасным по сравнению с ним, поскольку совершается в отношении незащищенного в открытом море судна, создавая при этом угрозу гибели корабля, экипажа и пассажиров, осложняя экономические и политические связи между государствами. Учитывая место совершения преступления (открытое море или любое другое водное пространство, находящееся вне юрисдикции какого-либо государства) преступники имеют высокие шансы уйти от ответственности. Статья.100 Конвенции по морскому праву 1982 г. обязывает все государства сотрудничать «в максимально возможной степени в пресечении пиратства в открытом море или в любом другом месте за пределами юрисдикции какого-либо государства». До недавнего времени международная практика исходила из того, что действия, совершенные в территориальных водах (т.е. в водном пространстве, находящемся под юрисдикцией прибрежного государства), квалифицируются как разбой (ст. 181), а не пиратство (ст. 219-1). Следовательно, главное отличие разбоя от пиратства (морского разбоя) заключается в месте совершения преступления, т.е. критерием разграничения деяний, подпадающих под действие ст.181 или ст. 219-1 УК Азербайджанской Республики, является место совершения преступления. Место совершения преступления является обязательным признаком объективной стороны морского разбоя (ст. 219-1) и факультативным признаком объективной стороны разбоя (ст. 181) в уголовном праве Азербайджанской Республики.

В связи с определением места совершения пиратства как водной территории, находящейся вне юрисдикции какого-либо государства, заметим, что международная практика предусматривает иногда исключения. Вышеприведенная Резолюция ГА ООН, принятая в июле 2008 г., о разрешении военным кораблям иностранных государств пресекать случаи морского разбоя не только в открытом море, но и в территориальных водах Сомали тому наглядный пример. Фактически, это положение может привести к следующему международному прецеденту: в случаях, когда какое-либо государство не в состоянии обеспечить безопасность судоходства в своих территориальных водах, то иностранные государства получают право уголовной юрисдикции на территории другого государства.

Другие факультативные признаки объективной стороны морского разбоя (время, способы совершения преступления особого значения для квалификации не имеют). Большинство атак совершается в ночное время, когда на вахте стоит минимальное число моряков, и скорость кораблей ниже обычного. Другой момент, на который следовало бы обратить внимание при квалификации деяния, состоит в том, что пиратство предполагает совершение нападения на судно лицом, находящимся вне этого судна. Если чужим имуществом, находящимся на судне, либо самим судном пытается завладеть кто-либо из экипажа или пассажиров судна путем совершения насилия, опасного для жизни или здоровья, то состава пиратства не будет, а фактическое содеянное будет квалифицироваться как разбой, даже если деяние совершено в открытом море. В этом случае также будут приниматься во внимание положения ст.12 (действие уголовного закона в отношении лиц, совершивших преступление вне пределов Азербайджанской Республики) УК 1999 г.

Согласно ст. 105 Конвенции по морскому праву 1982 г., любые лица, совершившие морской разбой, подпадают под универсальную юрисдикцию государств и, фактически, могут быть привлечены к ответственности любым государством-участником международных договоров в области борьбы с пиратством. В современное время можно привести следующую классификацию морских разбойников: первую группу составляют обычные преступники, которые совершают примитивные операции, например, крадут что-либо. Ко второй группе относят членов организованных криминальных сообществ, которые проводят сложные операции и «разумно» распоряжаются похищенным (традиционно считается, что такого рода пираты особо многочисленны в Юго-Восточной Азии, некоторые из них входят в состав китайских «триад»). Третья группа состоит из представителей полувоенных организаций, иногда имеющих какой-либо официальный статус: за-

Камиль САЛИМОВ, Шахла САМЕДОВА

частую это вооруженные формирования, которыми руководят полевые командиры, нуждающиеся в постоянных доходах для поддержания собственной власти и контроля за какой-либо территорией – именно такого рода структуры составляют большинство пиратов Сомали и Индонезии. Пираты, составляющие третью группу, являются наиболее опасными, что и обуславливает активность международной борьбы с пиратством именно в этих районах.

Для правильной квалификации пиратства и отграничения его от других смежных преступлений большую роль имеют обстоятельства, характеризующие субъективные признаки этого преступления. Субъективная сторона морского разбоя характеризуется прямым умыслом со специальной целью завладения чужим имуществом с применением насилия, опасного для жизни или здоровья. Нападение же, совершаемое с иными целями, образует состав других преступлений (угон судна, захват заложников, терроризм и др.). Как уже отмечалось ранее, в последнее время пиратство выступает в качестве способа совершения угона судна, захвата заложников, терроризма и др. преступлений международного характера. Вместе

с тем в литературе встречается мнение, направленное на отождествление таких деяний как пиратство и терроризм. Например, это видно даже из названия статьи З.Гафарова: «Правовые аспекты морского терроризма (пиратства) как одного из серьезных преступлений международного характера» [1, 20]. На наш взгляд, это недопустимо, т.к. пиратство и терроризм, даже если это «морской терроризм» – самостоятельные виды преступлений.

Ст. 219-1 УК Азербайджанской Республики устанавливает ответственность за три вида пиратства: простой, квалифицированный и особо квалифицированный. Основной (ст. 219-1.1) и квалифицированный (ст. 219-1.2) составы морского разбоя входят в категорию тяжких преступлений, а особо квалифицированный состав – в категорию особо тяжких преступлений. Санкция за особо квалифицированный вид пиратства (ст. 219-1.3) является альтернативной и содержит такой вид наказания как пожизненное лишение свободы. Заметим, что законодатель Азербайджанской Республики устанавливает более строгое наказание за пиратство, чем законодатель Российской Федерации.

Литература:

1. Гафаров З. Правовые аспекты морского терроризма (пиратства) как одного из серьезных преступлений международного характера // Международное право,- (Баку), 2004, № 9, с. 20-24.
2. Действующее международное право в 3-х томах /Под ред. Колоскова Ю.М., Кривчиковой Э.С., Т.З.,-Москва: Международные отношения, 1999.
3. Комментарий к УК РФ /Отв.ред. А.А.Чекалин.- Москва: Юрайт-Издат, 2006, 1228 с.
4. Салимов К.Н. Современные проблемы терроризма.- Москва: Щит, 2000, 216 с.
5. Самедова Ш.Т. Уголовное право Азербайджанской Республики. Особенная часть. – Баку: Адильоглы, 2008 - 288 с.
6. УК Азербайджанской Республики 1999 г.- Баку: Юридическая литература, 2011 - 314 с.
7. УК РФ 1996г. - Москва: Проспект, 2012 - 224 с
8. John S. Burnett. Dangerous Waters: Modern Piracy And Terror On The High Seas. Paperback - 2003/09/01.
9. David Cordingly. Under the Black Flag: The Romance and the Reality of Life Among the Pirates. Random House Trade Paperbacks, 2006 - 336 p.
10. Peter Lehr, Violence at Sea: Piracy in the Age of Global Terrorism / bookre.org/reader
11. Benerson Little. The Sea Rover's Practice: Pirate Tactics and Techniques, 1630-1730. Washington: Potomac Books, 2005.
12. Virginia Lunsford. Dead Men Tell No Tales: A Cultural History of Piracy in the Modern Age.
13. <http://www.washprofile.org/ru/node/8351>
14. <http://www.washprofile.org/?q=ru/node/8352>
15. <http://www.rosbalt.ru/main/2012/07/16/1011442.html>

Summary

Article is devoted the bases of responsibility for a piracy (sea robbery), being a crime, as on international, and to national criminal law. According to authors, the international community accepts effective measures on struggle against this crime of the international character. Special danger of a piracy during modern time consists in danger of merging of this crime with other crimes of the international character – terrorism, capture of the hostage, illegal circulation of the weapon or drugs. In article the criminally legal analysis of structure of sea robbery, its difference from other similar crimes is given also.

Keywords: A piracy, sea robbery, the international struggle against a piracy, the criminal responsibility for a piracy, the Criminal Code of the Azerbaijan Republic.

Айдын САФИХАНЛЫ,
доктор философии в праве,
руководитель Аппарата Уполномоченного по
правам человека (Омбудсмана)
Азербайджанской Республики

Гюнель ИСМИХАНОВА,
диссертант кафедры общего международного права
Бакинского государственного Университета

ПРАВО НА ЖИЗНЬ В БЛАГОПРИЯТНОЙ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЕ

Право на жизнь в благоприятной окружающей среде относится к числу его фундаментальных прав. В его основе заложен естественный характер. Конституция Азербайджанской Республики, закрепляя непосредственно в ст. 39 право на благоприятную окружающую среду, дополняет его и другими экологическими правами: правом на достоверную информацию о состоянии окружающей среды и правом на возмещение ущерба, причиненного здоровью или имуществу лица экологическим правонарушением. Право граждан на благоприятные условия жизни предполагает реальные возможности проживания в здоровой, отвечающей международным и государственным стандартам окружающей природной среде, участие в подготовке, обсуждении и принятии экологических решений, осуществление контроля за их реализацией, получение надлежащей экологической информации, право на возмещение ущерба.

Права человека и гражданина на благоприятную окружающую среду принципиально различаются и по средствам защиты. Если право граждан на благоприятную окружающую среду защищается в судебном или административном порядке при помощи системы правоохранительных органов Азербайджана, то для защиты прав человека существует не только эта система, но и довольно сложная система международ-

ных органов по защите прав человека, включающая как региональные, так и универсальные органы.

В целях государственного регулирования воздействия на окружающую среду, оценки качества окружающей среды государством устанавливаются нормативы в области охраны окружающей среды. Например, в современном мире качество воды регулируется стандартами Всемирной организации здравоохранения, стандартами отдельных государств. Так, Советом Европейского Союза были приняты около 50-ти нормативов на питьевую воду [1. стр. 66].

Граждане обладают широкими полномочиями для реализации своих экологических прав, предполагающими возможность создавать общественные объединения по охране окружающей среды, вступать в такие объединения и фонды. Это право обеспечивается при помощи планирования и нормирования качества окружающей среды, мер по предотвращению экологически вредной деятельности и оздоровлению окружающей среды, предупреждения и ликвидации последствий аварий, катастроф, стихийных бедствий, а также социального и государственного страхования граждан, образования государственных и общественных резервных и иных фондов оказания поддержки, организации медицинского обслуживания населения, государственного контроля за состоянием окружаю

Аидык САФИХАНЛЫ, Гюнель ИСМИХАНОВА

щей среды и соблюдения природоохранного закон дательства [1, с. 71].

Право на благоприятную окружающую среду – одно из основных конституционных прав человека, относящееся к разряду экологических прав. Аналогично правам Конституция Азербайджанской Республики разграничивает также и обязанности гражданина. Относительно обязанности беречь природу и окружающую среду Конституция использует термин «каждый», распространяя эту обязанность, как на жителей нашей страны, так и на иностранных граждан, находящихся на территории Азербайджанской Республики. Так, законодатель закрепил обязанность каждого беречь природу, охранять ее богатства (ст. 78 Конституции Азербайджанской Республики). Таким образом, забота о природе – моральный долг каждого и по отношению к экологическим интересам последующих поколений.

На Стокгольмской конференции ООН по окружающей среде 1972 г. была принята Декларация принципов, в которых впервые в международном праве было сформулировано понятие права человека на благоприятную окружающую среду. Принцип Стокгольмской декларации провозгласил право каждого человека на свободу, равенство и благоприятные условия жизни в окружающей среде. По сути, в этом документе зафиксировано право человека на благоприятную окружающую среду, которое сейчас является одним из фундаментальных прав человека и одним из принципов международного права окружающей среды [3, с. 1566].

Право на благоприятную окружающую среду является естественным и необходимым для человека и принадлежит ему в силу самого факта рождения и существования.

Принципы охраны окружающей среды устанавливают обязательства охраны окружающей среды в случаях вооруженных конфликтов. Война неизбежно оказывает разрушительное воздействие на процесс устойчивого развития. Поэтому государства должны уважать международное право, обеспечивающее защиту окружающей среды во время вооруженных конфликтов, и, при необходимости, должны сотрудничать в деле его дальнейшего развития.

Жизнь и здоровье человека – основная цель охраны окружающей природной среды, всего экологического права. Из этого законодательного постулата вытекают и остальные принципы охраны окружающей среды, тесно связанные между собой. Например, в США дети обладают правами еще в утробе матери. Право на здоровье означает, что правительства должны создавать условия, в которых каждый человек может обладать возможно лучшим здоровьем. Такие условия включают обеспечение наличия медицинских услуг, здоровых и безопасных условий труда,

надлежащего жилья и здоровой еды. Это положение отражается и в Американской конвенции о правах человека. Каждый имеет право на наивысший достижимый уровень физического и психического здоровья. Например, государства-члены Совета Европы не согласны с привлечением лишь к уголовной ответственности за неосторожные действия, повлекшие смерть или серьезный ущерб от загрязнения. Они являются сторонниками международно-правовой оценки данных фактов. Государства, а также все Европейское сообщество в целом обязаны осуществлять меры по пресечению экологических угроз жизни человека, а также в таких случаях проводить соответствующие мероприятия. Все государства, а также Программа ООН по окружающей среде (ЮНЕП) должны проводить мониторинги в целях обнаружения скрытых угроз, а также создавать системы предупреждения о возникновении опасных ситуаций. Государства, получившие сведения об опасности для жизни людей другого государства, должны в обязательном порядке сообщить об этом в Управляющий Совет ЮНЕП.

Жизнь человека превыше всех материальных благ и финансовых соображений. В государстве, в случае нанесения серьезного экологического ущерба окружающей среде физические или юридические лица должны привлекаться к гражданской или юридической ответственности. И нет принципиальной разницы между попыткой, неосторожностью и небрежностью, имея виду форму совершения этих деяний. В Стокгольмской декларации об окружающей среде сформулировано право людей жить "в окружающей среде такого качества, которое предполагает жизнь, полную достоинства и благосостояния". Таким образом, предусматривается обширная система мер, обеспечивающая экологические конституционные права граждан [4, с. 315].

Право на благоприятную окружающую среду составляет важную часть конституционного статуса личности. Например, в ст. 66 Конституции Португалии указывается, что все имеют право жить в здоровой среде, в условиях экологического равновесия и обязаны защищать эту среду.

В нормативных актах должен быть выражен принцип приоритета благоприятных условий окружающей среды перед другими хозяйственными, экономическими интересами. Граждане имеют право создавать общественные объединения, фонды и иные некоммерческие организации, осуществляющие деятельность в области охраны окружающей среды.

Процессы, происходящие в окружающей среде, взаимосвязаны между собой. Человек всего лишь малая крупинка Вселенной. Отличительной чертой человека от иных живых существ является наличие разума. Но человек, злоупотребляя своей умственной деятельностью, наносит урон природе и рискует без-

Аидык САФИХАНЛЫ, Гюнель ИСМИХАНОВА

опасностью существования не только себя самого, но и всего человечества, всей окружающей среды. Ущерб, наносимый окружающей среде, является для человечества и животного мира не только биологическим, но и психологическим. Нарушается не только наше право на жизнь в благоприятной окружающей среде, но и право будущих поколений. Мы бездумно наносим непоправимый вред атмосфере, водным ресурсам, земле, в результате происходит отравление собственного организма. Пагубно проявляют себя бактериологические и химические вещества, являющиеся катализаторами быстрого наступления человеческой смерти. Именно поэтому экологические проблемы являются одними из главных глобальных проблем мира.

Чрезмерное загрязнение окружающей среды – причина многих патологий, всё чаще и чаще возникающих в последнее время. Так, загрязнение окружающей среды стало причиной появления 50% наследственных болезней. Сама структура болезней претерпела изменения, 10-15% населения, живущих в больших городах, страдают нервными расстройствами. Всё это связано с плохой экологией.

Главными экологическими проблемами, стоящими сегодня перед человечеством, являются – изменение климата, утончение озонового слоя, выпадение кислотных дождей, опустынивание, кризис ресурсов, увеличение количества населения (демографические взрывы) и т.п. Также следует отметить, что существование некоторых биологических видов поставлено под угрозу. В целом же надо отметить, что конец XX века ознаменовался экологическими проблемами, вопросами защиты прав человека, становления демократии и технического развития [5, с. 391].

Основные экологические проблемы Азербайджанской Республики:

- * загрязнение водных ресурсов отходами, в том числе и пограничных вод, низкое качество питьевой воды, потеря воды в процессе доставки её потребителю, неразумное расходование, ограниченное количество канализационных линий;

- * загрязнение воздуха транспортными средствами и промышленными заводами;

- * деградация плодородных земель (эрозия); несвоевременное и неправильное претворение в жизнь руководства по управлению промышленными, бытовыми отходами;

- * уменьшение биологического разнообразия;

- * уменьшение лесных запасов, фауны, в том числе рыбных косяков.

Вместе с правом на жизнь в благоприятной окружающей среде у человека есть и определённые обязанности, которые он должен соблюдать для претворения этого права. Иными словами это является и нашим правом, и нашей обязанностью.

Азербайджанская Республика приняла множество законов, так или иначе касающихся защиты окружающей среды, например: Законы "О защите окружающей среды" от 8 июня 1999 г., "Об экологической безопасности" от 4 января 1999 г. "О радиационной безопасности населения" от 30 декабря 1997 г., "Об использовании энергетических ресурсов" от 30 мая 1996 г. В законах предусматривается охрана и защита окружающей среды от пагубного воздействия человека.

За последние 15 лет и активисты, и исследователи сферы международного права придерживаются мнения, что модель развития международного права охраны окружающей среды, а также независимая правовая концепция самого права на жизнь в благоприятной окружающей среде относятся к доктрине прав человека. В отличие от самого международного права по охране окружающей среды и международных организаций, посредством права защиты прав человека, вопрос об охране окружающей среды можно рассматривать в международных судах и различных комиссиях по правам человека, так как без этого права невозможно говорить о реализации иных прав человека. С этой целью к делу привлекаются и специализированные в этой области юристы, которые могут дать новое толкование либо предложить идеи для развития международного экологического права. В данной области осуществляют свою деятельность как международные, так и национальные неправительственные организации. В понятие охраны окружающей среды в международном праве входит чистый воздух и вода, стойкий климат и защита от ультрафиолетового излучения. Эти права предусмотрены в законодательстве Америки, стран Африки, Европы, Латинской Америки, а также Азербайджана. Существование экологического законодательства, а также жёстких санкций за её правонарушение в наше время является необходимостью.

Человек – творец природы, однако именно он может нанести непоправимый вред экологии.

Мы обязаны сохранить для будущих поколений природу и природные ресурсы, предпринимая конкретные меры для обеспечения права на жизнь в благоприятной окружающей среде. Естественно, каждый должен стараться внести определённый вклад в своей отрасли, так, юристы должны стараться усовершенствовать законодательство, предприниматели должны отдавать предпочтение пользованию техникой, наносящей минимальный вред окружающей среде и т.п. Этот принцип также закреплён в законодательстве экономически развивающихся стран. В заключение следует отметить, что право человека на благоприятную окружающую среду напрямую зависит от него самого. У каждого из нас, наравне с

Аидык САФИХАНЛЫ, Гюнель ИСМИХАНОВА

правом на жизнь в благоприятной окружающей среде, имеются и обязанности по охране природы и ее сохранении для последующих поколений. Для претворения данного права в жизнь мы должны знать

и соблюдать связанные с этим правом обязанности. Право на проживание в здоровой окружающей среде обеспечивается за счёт сохранения природы и защиты её от загрязнений.

Литература:

1) Azərbaycan Respublikası Konstitusiyası 12 noyabr 1995-ci il. Bakı: Azərbaycan Respublikası Milli Məclisin nəşri 2002 - 113 c.

2) Блищенко И. П дипломатическое право.-М. 1990. с. 567.

3) David Hanter, Ceysms Salzman, Durvud Zealke Ətraf mühit haqqında beynəlxalq hüquq və siyasət. - Bakı: Adiloğlunəs. 2008 - 1719 c.

4) Əmir Əliyev Müasir beynəlxalq hüquqda insan hüquqları, əhali və miqrasiya problemləri Bakı:Avrasiya Hüquqsünaslar Assosiasiyası, 2007 - 487 c.

5) Həmid İmanov Fəlsəfə Bakı Turan evi 2005. 415 c.

6) İntiqam Əliyev və Kamal Abbasov. Avropa İnsan Hüquqları Məhkəməsi. - Bakı: İsmayıl nəş. Poliqrafiya 2002. с. 592.

7) Rüstəm Məmmədov Beynəlxalq hüquq - .Bakı: "Qanun" ,2002 - 418 c.

8) Lətif Hüseynov Beynəlxalq hüquq Bakı:..Hüquq ədəbiyyatı" 2002 - 418 c.

9) Лукашук И.И. Международное право Общая часть,- Москва 2005, с. 531.

10) www.eco.gov.az

Summary

The right to live in a healthy environment to include natural dairy collective rights as a private individual and collective. As an individual right, this right belongs to each person, but as a collective right to refer to all individuals. This right is provided for in Article 39 of the 3rd chapter of the Constitution Azerbaijani Republic, fundamental rights and freedoms of man and citizen.

1) Everyone has the right to live in a healthy environment.

2) Everyone has the right to gather information in the present state of the environment, and also has a right to damages caused to his health or property of environmental law.

The right to live in a healthy environment is one of the fundamental human rights. The right to live in a healthy environment in the first, it was widely discussed at the UN Conference on Environment held in Stockholm in 1972. At the preparatory stage of the conference working group members developed a draft State «On the Environment». This declaration was prompted to enter the following situation including the right to life of a human right to live in a safe and healthy environment».

Keywords: Azerbaijani Republic, a healthy environment, right to live, human rights.

Nailya VALIYEVA,
Ph.D. doctor of law
National Academy of Sciences of Azerbaijan

INNOVATIVE APPROACH IN HUMAN RIGHTS AND LEGAL EDUCATION

Presumably, each generation, since the beginning of human existence, somehow passed on its stock of values, traditions, methods and skills to the next generation. United Nations has proclaimed XXI century the Century of Education.

Referring to human rights education as „a universal priority”, the UN Commission on Human Rights recommended that ‘knowledge of human rights, both in theoretical dimension and in its practical application, should be established as a priority in educational policies’ and that international agencies for financial and technical cooperation should include support for such programmes [8, pp. 175].

It is common knowledge that the notion of the three generations of human rights age advanced by a Jurist, Karel Vasak in 1979 who was inspired by the three normative themes of the French Revolution *Liberté, égalité, fraternité*. The first generation are civil and political rights. The second-generation rights, those relating to equality (*égalité*) encompass economic, social and cultural rights. They ensure the right to be employed, the right to equal working conditions, the right to social security, the right to education, the right to cultural participation and the right to unemployment benefits. The concept of third generation of human rights comprising the rights of solidarity has been developed at some to include right to peace, development and the right to good and healthy environment [12].

Education aims at strengthening human rights. Although the goals and objectives of education may vary according to the respective historical, political, cultural, religious or national context, there is a growing consensus under present international law that tolerance and respect of human rights shall be major characteristics of educated human beings. For instance, the 160 States Parties to the International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights agree that education shall be directed to the full development of the human personality and the sense of its dignity, and shall strengthen the respect for human rights and fundamental freedoms [10, pp. 684].

On 10 December 2004, the General Assembly of the United Nations proclaimed the World Programme for Human Rights Education to advance the implementation of human rights education programmes in all sectors. According to the World Programme for Human Rights Education (2010-2014), human rights education can be defined as education, training and information aimed at building a universal culture of human rights. Effective human rights education not only provides knowledge about human rights and the mechanisms that protect them, but also develops the skills needed to promote, defend and apply human rights in daily life. Human rights education also fosters the attitudes and behaviors needed to uphold human rights for all members of society. Human rights education activities should convey fundamental human rights principles, such as equality and non-discrimination, while affirming their interdependence, indivisibility and universality.

The role of education, especially higher education, has never been as important as now in forming highquality human capital, as well as in building a strong economy. Its role in the human capital formation of Azerbaijan is undeniable as in other countries. The right to education is recognized as a human right. According to the Universal Declaration of Human Rights everyone has the right to education. Education shall be free, at least in the elementary and fundamental stages. Elementary education shall be compulsory. The right to education has been reaffirmed in the UNESCO Convention against Discrimination in Education 1960, the Convention on the Elimination of All Forms of Discrimination against Women, 1979 (art. 10), the International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights, 1966 (art. 13) [15, pp. 486]. Provisions on human rights education also have been incorporated into many international instruments and documents including the Universal Declaration of Human Rights, 1948 (art. 26); the International Convention on the Elimination of All Forms of Racial Discrimination, 1965 (art. 7); the Convention against Torture and Other Cruel, Inhuman or Degrading Treatment or Punishment, 1984

Nailya VALIYEVA

(art. 10); the Convention on the Rights of the Child, 1989 (art. 29); the International Convention on the Protection of the Rights of All Migrant Workers and Members of Their Families, 1990 (art. 33); the Convention on the Rights of Persons with Disabilities, 2006 (arts. 4 and 8); the Vienna Declaration and Programme of Action (Part I, paras. 33–34 and Part II, paras. 78–82); the Declaration and Programme of Action of the World Conference against Racism, Racial Discrimination, Xenophobia and Related Intolerance, 2001 (Declaration, paras.

95–97 and Programme of Action, paras. 129–139); the Outcome Document of the Durban Review Conference, 2009 (paras. 22 and 107); and the 2005 World Summit Outcome (paras. 131), [6, pp. 47].

Women and men have to be educated in human rights [3, pp. 37–40]. Human beings are prone to repeat discriminatory words and attitudes automatically, so making them aware of the negative connotations that this repetition has for human rights would promote change [11].

What to Teach. The subjects to be covered in human rights education emerge already from the listing above of the relevant instruments. Accordingly, the topics should include equal rights and opportunities across the spectrum of civil, cultural, economic, political and social rights, including dignity, identity, liberty, the human rights of women, elimination of racial, ethnic and religious discrimination, life in a free and democratic society, the rights of the child, sense of moral and social responsibility, the rights of disabled persons, self-determination, decolonization, human rights in the development process, peace, and so on. Human rights education should encompass both the theoretical dimension and practical application. The instruments attach special importance to the teaching about different civilizations, cultures and languages for the purpose of improving ethnic and religious relations. The right to human rights education is thus a major component in the realization of the rights of minorities and indigenous peoples [8, pp. 284].

The human rights education models presented here can be compiled into an adapted version of the "learning pyramid." At the large base, we would find the "values and awareness models," in the middle, the "accountability model," and at the narrow top, the "transformational model" [9, pp. 8]. So, 1. Values and awareness " the main focus of human rights education is to transmit basic knowledge of human rights issues and to foster its integration into public values. This model is what people commonly think of when human rights are concerned with the target audience being the general public with topics including global human rights and more cultural based matters. 2. Under the "accountability model", participants are already expected to be directly or indirectly associated with the guarantee of human rights through their professional roles. In this group, HRE focuses on the ways in which professional responsibilities involve

either directly monitoring human rights violations and advocating with the necessary authorities or taking special care to protect the rights of people (especially vulnerable populations) for whom they have some responsibility. 3. In the "transformational model", HRE programming is geared towards empowering the individual to both recognize human rights abuses and to commit to their prevention. In some cases, whole communities-not just the individual-are treated as the target audience. This model involves techniques (based partly on developmental psychology) that involve selfreflection and support within the community. A formal focus on human rights is only one component of this model, however. The complete program may also include leadership development, conflict resolution training, vocational training, work and informal fellowship.

Education in the Azerbaijan Republic is based on the International Conventions on Human Rights, as well as international treaties that the Azerbaijan Republic is party to. It develops through integration into the global education system whilst prioritizing national, moral, and universal values in education system. According to the article 42 of the Constitution of the Republic of Azerbaijan, every citizen has the right for education.

Azerbaijani government guarantees free obligatory secondary education [16]. Moreover, the state guarantees continuation of education for most gifted persons irrespective of their financial position. Education law of the Republic of Azerbaijan (19 June 2009) prescribes the basic principles of public policy in ensuring the citizens' educational rights. Furthermore, according to article above-mentioned Law, the main goals of education in the Azerbaijan Republic are composed of development citizens and personalities who understand his/her responsibility and accountability before the state, respects his/her nation's national traditions and the principles of democracy, human rights and liberties. The Republic of Azerbaijan has joined to the number of international conventions on education, and has established a fruitful cooperation with international organizations. As a result of this activity, education institutions of Azerbaijan have taken an active part in the work of agencies of the most prestigious international organizations, such as UNESCO, UNICEF, UNEVOC, ISESCO, as well as European Education Foundation, Council of Europe and European Union, occupied with the educational problems.

The most important global trend of modern education is its integration and internationalization, leading to the convergence of countries, creating the conditions for the formation of a single world education. Azerbaijan accession to the Bologna Declaration (2005), adopted by most European countries, is the direction of movement of our country in the direction of convergence of educational systems. The main provisions of the Bologna Declaration consist in following important points: the introduction of

Nailya VALIYEVA

a two-stage Higher Education system, acceptance credit system and degrees in Higher Education, controlling the quality of education, employing graduates, education of adults, extension of mobility and etc.

Since 1970, thousands of international students have studied the different specialties at universities of Azerbaijan that possess strong material and technical base, as well as high potential. The quantity of Azerbaijani students studying abroad has increased over the last years as well. Some steps were taken to recognize diplomas of students studied abroad. Since 2000, some measures have done to construct new education complexes. Take for example the academic programs of the Azerbaijan Diplomatic Academy making this education complex a clear intellectual epicenter in the Caucasian region. For example, Baku Summer Energy School has become an international success with faculty and participants from about 40 countries across the globe. The role of education, especially higher education, has never been as important as now in forming high-quality human capital, as well as in building a strong economy [17].

The Commissioner (Ombudsman) of the Azerbaijan Republic Mrs. Elmira Suleymanova pays special attention to the right of education. In order to prevent the violation of the right to protection of honor and dignity that were or may be committed by appropriate state bodies having power of coercion, especially police officers, the Commissioner proposed to organize special educational activities in this sphere. Such activities may increase the faith of people to the rule of law as well as the confidence in law enforcement agencies. The Commissioner recommends conducting sustainable educational courses for judges on the basis of requirements of the Law of the Republic of Azerbaijan "On Courts and Judges", other legislative acts as well as Ethical Code of Conduct for Judges [18]. Started in 2010 upon the initiative of the Commissioner (Ombudsman) of the Azerbaijan Republic Mrs. Elmira Suleymanova "Peer to Peer" hierarchical educational project basing on appropriate modules on child rights was successfully implemented in secondary schools of the capital of the Azerbaijan Republic.

Therefore, education in our country satisfies the international requirement. Moreover, Azerbaijani government gives special attention to improving and innovating education. (The word "innovation" derives from the Latin word *innovare*, which is the noun form of *innovare* "to renew or change", stemming from *in* "into" + *novus* "new". Economist Joseph Schumpeter, was contributed the theory of the innovation). In 2009, according to the World Bank and the International

Finance Corporation, Azerbaijan was recognized as the world's leader among the countries in terms of simply doing business.

On 26 September 2012, the President of the Azerbaijan Republic signed the decree devoted to "improving the safety of the information". According to this decree, special created organization should to provide technical innovations and to strengthen the teaching and training process.

One of the most poignant summaries of the market for innovative technology solutions in education is that it is forever in its infancy. So, the innovation and education system got better when the computers were introduced into the schools and universities.

The law school curriculum should be overhauled to provide a more solid foundation for legal learning with specified introductory courses (History; Pedagogy); doctrinal, practical, and professional instruction should be blended throughout the four-year period; and students should universally be required to have extensive legal clinical training experiences. Students should also be required to select a topical specialization or concentration (e.g. corporate, tax, intellectual property) that will determine their coursework. Alongside with practice in the legal clinics in the process of studying in the law faculty special attention pays to the case studies and simulation games. Firstly, this method has been used at the Harvard Business School in the beginning of the XX century.

According to the entity of the "Inclusive education in Azerbaijan and policy of deinstitutionalization" one of the main priorities of the education policy of Azerbaijan is to create equal opportunities for disabled people to receive a quality education. Pilot project on inclusive education of children in need of special care together with healthy children has been commenced in various cities, and certain positive results were achieved thereon. The well-known persons of the Azerbaijan Republic take active participate in the process to ameliorate the legislative for equal obtain the right to education.

Education is an important means of promoting human rights. By the way, in accordance with the Azerbaijan National Program for Action 2012-2015, it is planned to implement measures "on advancing human rights education in specialized secondary and higher education facilities and on developing hierarchical education on child rights in secondary schools".

So, learning and innovation go hand in hand. As Albert Einstein advised: to regard old problems from a new angle, requires creative imagination and marks real advance in science.

Nailya VALIYEVA

Bibliography:

1. The Constitution of the Republic of Azerbaijan.
2. Universal Declaration of Human Rights.
3. Convention on the Elimination of All Forms of Discrimination against Women.
4. International covenant on economic, social and cultural rights.
5. UNESCO Convention against Discrimination in Education.
6. World Programme for Human rights education UN, 2012 .
7. Education law of the Republic of Azerbaijan (19 June 2009).
8. Eide A., Krause C., Rosas A. Economic, Social and culture rights. - Leiden: Martinus Nijhoff Publishers, 2001.
9. Issue of the Democracy. Human rights education, March 2002, volume 7, number 1.
10. Melander G., Alfredsson G., Holmstrom, The Raoul Wallenberg Institute. Compilation of human rights instruments. - Leiden: Martinus Nijhoff Publishers, 2004.
11. Rebecca J. Cock, Human rights of women. -Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1994.
12. Vasak, K. "For the Third Generation of Human Rights. The Rights of Solidarity" Inaugural lecture. Tenth Study Session of the International Institute of Human Rights, 2nd July, 1979.
13. Баглай М.В., Конституционное право зарубежных стран. Москва: «Норма-Инфа» Publishing house, 1999.
14. Лукашева Б. А. Права человека, Москва: «Норма-Инфа» Publishing house, 2001.
15. Əliyev Ə., Müasir beynəlxalq hüquqda insan hüquqları, əhali və miqrasiya problemləri. - Baku: «NAT Co» Publishing house, 2007.
16. Cəfərov İ., Azərbaycan Respublikası Konstitusiyasının şərhli. - Baku: «Hüquqi Ədəbiyyat» Publishing house, 2001.
17. www.edu.gov.az
18. www.ombudsman.gov.az
19. <http://www.ada.edu.az>

Резюме

Общеизвестно, что образование в сфере прав человека является неразрывной составляющей самого права на образование, что в свою очередь относится к правам человека. Обладание знаниями в области прав человека в наши дни необходимо, так как они являются основным средством гарантии обеспечения и защиты прав. Право на образование относится ко второму поколению прав человека, по этой причине в статье представлена и раскрыта сама идея трех поколений прав человека. Особое внимание также уделено различным международным документам (договорам) в области прав человека, в которых так или иначе затрагивается право на образование, изучены мнения видных исследователей в этой области, затронуты основные положения законодательства Азербайджанской Республики. В то же время в статье исследуются модели преподавания прав человека и даны понятия инновационного подхода к правовому обучению.

Ключевые слова: Права человека, договоры, инновация, правовое обучение.

Камал МАКИЛИ-АЛИЕВ,
доктор философии в праве

Наджиба МУСТАФАЕВА,
магистр международного права московской
Государственной юридической академии имени
О.Е. Кутафина,
эксперт Центра стратегических исследований
при Президенте Азербайджанской Республики

ИНИЦИАТИВА АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В ООН

Современные международные отношения характеризуются возрастающей ролью международных межправительственных организаций, выступающих в качестве развитых и разнообразных механизмов упорядочения международной жизни.

Организация Объединенных Наций не только занимает центральное место в системе межгосударственных организаций, но и играет исключительную роль в современном международно-политическом развитии. Созданная в 1945 г. как универсальная международная организация, цель которой – поддержание международного мира и безопасности и развитие сотрудничества между государствами, ООН объединяет в настоящее время 193 государства мира

ООН является самым представительным форумом для дискуссий между государствами по актуальным проблемам международного развития. Устав организации является фундаментом современного международного права, своего рода общепризнанным кодексом поведения государств и их взаимоотношений. ООН также является важным механизмом международного нормотворчества и занимает совершенно особое место среди других организаций субъектов международного права. По инициативе и в рамках ООН заключены сотни международных конвенций и договоров, регулирующих положение

дел в самых разнообразных сферах общественной жизни. В принципах построения ООН (прежде всего в предоставлении особого статуса постоянным членам Совета Безопасности) нашли свое отражение объективные реалии международно-политической системы, а их изменение стало главным стимулом для ведущейся работы по реформированию этой организации [1].

Произошедшие в мире перемены обусловили новый этап развития ООН. Растущая активность Совета Безопасности и фактическое расширение его полномочий имеют положительный эффект [2]. Совет Безопасности занимает уникальное положение не только в ООН, но и во всей системе международных организаций, что связано с возложенной на него главной ответственностью за поддержание мира и безопасности. В этой связи, особый интерес представляет участие в работе Совета не только пяти постоянных членов, но и десяти непостоянных членов, избираемых на двухгодичный срок.

Воздействие ООН на современные международные отношения весомо и многогранно. Среди факторов, обуславливающих особую значимость организации – членство новых независимых государств постсоветского пространства. Распад СССР явился результатом изменения политической атмосферы в мире и возникновения новой геополитической ситуации.

Камал МАКИЛИ-АЛИЕВ, Наджиба МУСТАФАЕВА

Непосредственное присоединение к системе международных отношений новых независимых государств, в том числе Азербайджанской Республики, и проводимый ими внешнеполитический курс, отражающий их собственные интересы, определили новую раскладку межгосударственных отношений.

Провозглашение 18 октября 1991 года независимости Азербайджанской Республикой, расположенной на важном геополитическом пространстве, а также произошедшие в конце 80-х – начале 90-х годов в международной жизни изменения, выдвинули на передний план исключительно важную задачу формирования и реализации нового, соответствующего принципам национальной государственности, внешнеполитического курса [3]. 2 марта 1992 года Азербайджанская Республика, получившая за короткое время признание странами мира, была принята в члены ООН. 6 мая 1992 года было открыто постоянное представительство Азербайджана при ООН.

Начиная с первого дня сотрудничества с ООН, Азербайджанская Республика через платформу организации старалась привлечь внимание международной общественности к армяно-азербайджанскому конфликту и достичь мирного договора, используя потенциальные возможности ООН.

Так, в течение 1993 года Советом Безопасности ООН по армяно-азербайджанскому конфликту были приняты четыре резолюции под номерами 822, 853,

874, 884. Эти резолюции, подтверждая территориальную неприкосновенность Азербайджана, выдвигали требования немедленного объявления прекращения огня и военных действий, вывода оккупационных сил с территорий Азербайджанской Республики. К сожалению, положения известных резолюций до сих пор не были выполнены.

Проявив чувство глубокой обеспокоенности ухудшением гуманитарного положения в Азербайджане и появлением более одного миллиона беженцев и вынужденных переселенцев, Генеральная ассамблея ООН в 1993 году на своем 85-ом пленарном заседании приняла Резолюцию (A/RES/48/114) «Об оказании чрезвычайной международной помощи беженцам и вынужденным переселенцам в Азербайджане».

В течение 1992-1996 годов Председатель СБ ООН и Генеральный секретарь ООН выступали с рядом заявлений по конфликту, в которых они подтверждали территориальную целостность, суверенитет Азербайджанской Республики и поддерживали усилия Минской группы ОБСЕ, направленной на мирное урегулирование конфликта.

Благодаря принципиальной позиции Генеральной ассамблеи ООН, 23-го ноября 2004 года в повестку дня 59-й сессии был введен пункт под названием

«Положение в оккупированных территориях Азербайджана» за номером 163. Этот пункт, который был введен в Генеральной ассамблее ООН по инициативе Азербайджанской Республики, создал благоприятную почву для принятия полезных и справедливых мер в направлении предотвращения деятельности по заселению оккупированных азербайджанских земель, которую осуществляет Армения.

Так, 14 марта 2008 года Генеральная ассамблея ООН приняла резолюцию 62243 (резолюция 62/243) под названием «Положение на оккупированных территориях Азербайджана». Автором проекта является Азербайджан.

Резолюция вновь заявляет об «уважении и поддержке суверенитета и территориальной целостности Азербайджанской Республики «в пределах ее международно-признанных границ», «требует немедленно, полного и безоговорочного вывода всех армянских сил со всех оккупированных территорий Азербайджанской Республики», а также заявляет, что

«ни одно государство не должно признавать законной ситуацию, сложившуюся в результате оккупации территорий Азербайджанской Республики, и не должно содействовать или способствовать сохранению этой ситуации».

Новый этап сотрудничества Азербайджанской Республики с Организацией Объединенных Наций начался с избрания страны в Совет Безопасности ООН в качестве непостоянного члена.

Азербайджан был избран в ходе 17 тура голосования в Генеральной ассамблее ООН 24 октября 2011 года, получив 155 голосов из 193 и представляет Восточную Европу в Совете Безопасности уже второй год, начиная с 2012 года.

В мае прошлого года в порядке ротации наша страна председательствовала в СБ ООН. 4 мая 2012 года под председательством Президента Азербайджанской Республики Ильхама Алиева состоялась встреча на высоком уровне на тему «Угрозы, создаваемые террористическими актами международному миру и безопасности: усиление международного сотрудничества, выполнение обязательств по борьбе с терроризмом», в которой участвовали Генеральный секретарь ООН, министры, заместители министров и другие высокопоставленные лица.

На встрече генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун отметил значение рабочего визита Президента Ильхама Алиева в Нью-Йорк в связи с председательством Азербайджанской Республики в Совете Безопасности ООН. Он расценил как успешный шаг внесение по инициативе Азербайджана в повестку дня Совета Безопасности ООН вышеупомянутой темы и отметил, что в настоящее время этот вопрос является актуальным в мире. Он отметил, что первостепенны

Камал МАКИЛИ-АЛИЕВ, Наджиба МУСТАФАЕВА

ми целями в данном направлении являются усиление борьбы с терроризмом и создание устойчивой системы для защиты прав человека. В этой связи была особо оценена инициатива Азербайджанской Республики, вносящей вклад в международную антитеррористическую коалицию.

Генеральный секретарь коснулся значения «Национальной программы деятельности в области повышения эффективности защиты прав и свобод человека в Азербайджанской Республике», подписанной Президентом Ильхамом Алиевым в 2011 году, и подчеркнул, что данный документ вносит вклад в дальнейшее развитие демократии в Азербайджане. Пан Ги Мун выразил уверенность в том, что под руководством Президента Ильхама Алиева демократия в Азербайджане будет развиваться и дальше.

Президент Азербайджана выразил твердую политическую волю относительно участия нашей страны в вопросе поддержания международного мира и безопасности, решительно осуждая все формы и проявления терроризма. «Мы считаем, что все террористические акты являются тяжким преступлением, они должны быть осуждены, а их виновники – наказаны. Никогда нельзя позволять террористам обосновывать свои деяния. Никакой террористический акт, независимо от причин, не может быть обоснован. У терроризма меняются суть и облик, во многих случаях он связан с агрессивным сепаратизмом, экстремизмом и организованной преступностью» [4].

И. Алиев подчеркнул, что, несмотря на то, что международная общественность добилась больших успехов в предотвращении терроризма, предстоит еще многое сделать, чтобы пресечь эту беду, вести борьбу с ней. Отсутствие в международном праве четкого определения терроризма препятствует усилиям международной общественности по привлечению к ответственности не только отдельных террористов и террористических организаций, но и государств, поощряющих и финансирующих террористическую деятельность. С этой точки зрения Азербайджан подчеркивает важность достижения согласия по всеобъемлющей конвенции относительно международного терроризма, которая станет эффективным средством в борьбе с терроризмом.

Президентом Азербайджана было отмечено, что четкое определение терроризма и конвенция о международном терроризме могут внести вклад в решение ряда нерешенных вопросов, в том числе вопросов отказа от организации, финансирования, поощрения, инструктирования террористических действий, поддержки их другими прямыми или косвенными путями. Достижение такого согласия должно основываться на развернутом и открытом обсуждении основных причин терроризма. Особо была

отмечена необходимость усиления внимания вопросу социального и экономического развития, уровню образования, в рамках международных институтов, в частности, механизмов Организации Объединенных Наций.

В период председательства Азербайджана в Совете Безопасности прошли встречи, посвященные вопросам, касающимся угрозы международному миру и безопасности в странах Африканского региона – Судане и Южном Судане, Демократической Республике Конго, Гвинея-Бисау, Ливии, Западной Африке, Сомали, Азиатского региона – в Афганистане, в Европе – по миссии временного управления в Косово, Боснии и Герцеговине [5]. С этой точки зрения можно отметить заседания и встречи высокого уровня, проведенные в феврале по миру и безопасности в Африке, а в декабре под девизом «Мир и безопасность в Африке» и по теме положения в регионе Сахель. За время председательства нашей страны в Совете Безопасности были приняты три резолюции в отношении стран Африки (Судан и Гвинея-Бисау), что показывает, что Азербайджан весьма чувствительно относится к событиям в Африке и внимательно отслеживает процессы, идущие в этом регионе.

Необходимо также отметить участие Азербайджана в заседаниях и встречах Совета по Ближнему Востоку, являющемуся одной из горячих точек мира, имея в виду обеспечение безопасности, в обсуждениях, стоявших в повестке дня по Палестине, Сирии, Ливану и Йемену.

В августе прошлого года состоялась встреча на уровне министров, посвященная положению в Сирии, в сентябре того же года прошли встречи высокого уровня по обеспечению мира и безопасности на Ближнем Востоке. На этих заседаниях была представлена азербайджанская сторона, которая озвучила свою позицию.

Членство Азербайджана в Совете Безопасности ООН позволило нам найти новых партнеров в таких регионах, как Африка и Латинская Америка, что открыло путь к новому сотрудничеству в экономической, политической, культурной, социальной и гуманитарной сферах. Членство в Совете еще более укрепило позиции Азербайджанской Республики на международной арене и увеличило число государств, поддерживающих Азербайджан на международном уровне.

В октябре 2013 года в период очередного председательства наша страна приложит максимум усилий для сохранения международного мира и безопасности. Азербайджан всегда будет продолжать свою деятельность в этом направлении, реализуя успешное сотрудничество в рамках антитеррористической коалиции.

Камал МАКИЛИ-АЛИЕВ, Наджиба МУСТАФАЕВА**Литература:**

1. Торкунов А. В. Современные международные отношения.-Москва: Российская политическая энциклопедия, 1999, с. 123.
2. Международное публичное право. Особенная часть: учебник / отв. ред. Лукашук И.И. – Москва, 2005, с. 48.
3. Гасанов А. Современные международные отношения и внешняя политика. Азербайджана. – Баку, 2000 с. 249.
4. <http://www.trend.az/news/politics/2022656.html>
5. <http://1news.az/interview/20121230062317820.html>

Summary

The United Nations is the world's largest, foremost, and most prominent international organization. The stated aims of the United Nations include promoting and facilitating cooperation in international law, international security, economic development, social progress, human rights, civil rights, civil liberties, political freedoms, democracy, and the achievement of lasting world peace.

New era of cooperation in the framework of UN starts with the membership of young independent states such as Azerbaijan Republic after the collapse of Soviet Union. The main directions of this cooperation, particularly the initiative of Azerbaijan in Security Council related to anti terrorist policy and maintenance of international peace and security are analyzed in this article.

Keywords: United Nations, cooperation, international security, human rights, civil rights, civil liberties, political freedoms, democracy.

Амир АЛИЕВ,

доктор юридических наук, профессор,
декан юридического факультета
Бакинского государственного университета

Лейла АЛИЕВА,

магистр международного права,
консультант Верховного Суда
Азербайджанской Республики

**МЕЖДУНАРОДНЫЕ СТАНДАРТЫ В ОБЛАСТИ ПРАВА НА СВОБОДУ
И ЛИЧНУЮ НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ**

Одним из важнейших гражданских прав человека является право на свободу и личную неприкосновенность. Как справедливо отметил Б.А.Страшун данное право вместе с правом на жизнь «представляет собой основу практически всего статуса человека, ибо без такой предпосылки любые другие права и свободы утрачивают смысл» [6, 147].

Как и другие права первого поколения, указанное право, впервые было закреплено в национальных актах по правам человека, принятых под воздействием европейских буржуазных революций и войны за освобождения США.

И лишь после ужасов второй мировой войны фундаментальные права человека, в том числе и право на свободу и личную неприкосновенность стало закрепляться в международных документах по правам человека.

Всеобщая декларация прав человека 1948-го года, представила довольно «короткую и прагматичную версию этого права [15, 210]. Так, согласно статье 3 декларации, «Каждый человек имеет право на жизнь, на свободу и на личную неприкосновенность», а в соответствии со статьей 9 «Никто не может быть подвергнут произвольному аресту, задержанию или изгнанию» [1].

После декларации право на свободу и личную

неприкосновенность было предусмотрено и в последующих международных универсальных и региональных документах. Согласно статье 5 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. и статье 9 Международного пакта 1966 года о гражданских и политических правах, «Каждый человек имеет право на свободу и личную неприкосновенность».

Как видно по названию, право состоит из 2 компонентов. Первый компонент, право на свободу можно определить, как право человека располагать собой по своему усмотрению. К примеру, Р. М. Валеев описывает это право, как право самостоятельно определять свои поступки, располагать собой и своим временем [9, 223]. В то время как, М. В. Баглай отмечает, что согласно этому праву, человек вправе сам распоряжаться своей судьбой, выбирать свой жизненный путь [7, 123].

Второй компонент, право на личную неприкосновенность предусматривает недопустимость вмешательства в область личной свободы, как со стороны государства, так и со стороны третьих лиц.

Право на свободу и личную неприкосновенность понимается в юридической литературе, как в узком, так и широком смысле. В широком смысле право на свободу и личную неприкосновенность наряду с

Амир АЛИЕВ, Лейла АЛИЕВА

физической свободой включает также духовную и психическую свободу и неприкосновенность. Например, по мнению Г.Д. Садовниковой контексте права на свободу и личную неприкосновенность личности заключается в том, что никто не вправе насильственно ограничить свободу человека, посягать на его жизнь, здоровье, половую свободу, честь, достоинство, духовную, нравственную свободу [13, 34].

В узком смысле указанное право – это физическая свобода и неприкосновенность личности, которая может быть ограничена задержаниями и арестами [2,

116]. Именно в таком смысле, данное право подразумевается в международных документах по правам человека, таких как Международный пакт 1966 г. и Европейская конвенция 1950 г. Так, М. Маковой комментируя 5-ю статью Европейской конвенции, указывал, что следует понимать «личную неприкосновенность» в контексте физической свободы [8, стр. 26].

Ограничения права на свободу и личную неприкосновенность. Будучи естественным и неотчуждаемым правом человека, рассматриваемое право все же не является абсолютным. Международные акты, закрепляющие это право, при наличии определенных условий разрешают ограничивать его. Так, статья 9 Международного пакта 1966 г. гласит: «Никто не может быть подвергнут произвольному аресту или содержанию под стражей. Никто не должен быть лишен свободы иначе, как на таких основаниях и в соответствии с такой процедурой, которые установлены законом» [10]. Аналогичные положения были закреплены и другими международными договорами, в том числе и статьей 7 Американской конвенции о правах человека 1969 г. и статьей 6 Африканской хартии прав человека и народов 1989 г.

Таким образом, вышеуказанные международные договора определили основное условие лишения свободы – осуществление такого лишения на законных основаниях и в соответствии с процедурой, установленной законом. То есть, фактически оставили вопрос определения конкретных оснований такого ограничения на государства и не установили требования к национальным законодательствам в данной области.

Что касается понятия «произвольное задержание или арест» использованного в указанных положениях, то определение этого понятия было дано в «Исследовании о праве свободы от произвольных содержаний»: «Арест считается произвольным, когда осуществляется на таких основаниях и в соответствии с процедурами, которые не соответствуют основаниям и процедурам, установленным законом, либо осуществляется в соответствии с положениями закона, цель которого не соответствует принципу уважения права на свободу и личную неприкосновенность [17].

В отличие от указанных договоров Европейская Конвенция 1950 г. не только установила, что арест или задержание должны производиться на законных основаниях, но и определила конкретные случаи, допускающие ограничения права на свободу и личную неприкосновенность. Согласно статье 5.1, закрепляющей данные случаи «Никто не может быть лишен свободы иначе как в следующих случаях и в порядке, установленном законом» [3].

Как видно из данной статьи Конвенция ограничила лишение свободы 6 случаями, предусмотренными в статье 5. Европейский суд по правам человека также не раз отмечал что, конвенция установила полный список случаев лишения свободы и только узкое толкование этих случаев соответствует целям статьи [19, 63]. Так, в деле Курт против Турции суд подчеркнул, что «статья 5 п.1 ограничивает обстоятельства, при которых человек может быть лишен свободы на законных основаниях, хотя эти основания нельзя толковать расширительно, поскольку они являются исключениями из фундаментальных гарантий личной свободы человека [16].

С целью получить полную картину международных стандартов в области права на свободу и личную неприкосновенность, рассмотрим каждый случай лишения правомерного лишения свободы, предусмотренный статьей 5 п. 1 по отдельности.

1. Законное содержание под стражей лица, осужденного компетентным судом. Этот случай охватывает лишение свободы лиц, совершивших правонарушения, которым назначено наказание, связанное с лишением свободы.

Чтобы подпадать под действие этого пункта конкретный арест должен отвечать следующим требованиям:

Во-первых, арест должен быть осуществлен после вынесения приговора.

Во-вторых, приговор или решение о лишении свободы должно быть вынесено компетентным судом.

В-третьих, связь между осуждением и содержанием под стражей должна быть не только хронологической, но и причинно-следственной.

В-четвертых, арест и содержание под стражей должны быть законными, то есть должны осуществляться в соответствии с законодательством страны.

2. Законный арест или задержание лица за невыполнение законного решения суда или с целью обеспечения выполнения любого обязательства, предписанного законом.

Первая ситуация может возникнуть в том случае когда несмотря на наличие соответствующего судебного решения лицо отказывается явиться в суд или пройти медицинское обследование, тест на отцовство, или например когда лицо не исполняет назна-

Амир АЛИЕВ, Лейла АЛИЕВА

ченные ему судом наказания несвязанные с лишением свободы.

Что касается второй ситуации, то есть «ареста или заключения лица с целью обеспечения выполнения любого обязательства, предписанного законом», стандарт, предусмотренный европейской конвенцией, разрешает лишение свободы на этом основании на 2 условиях:

1. Лишение свободы связи с невыполнением конкретного обязательства должно предусматриваться в национальном законодательстве.

2. Главной целью такого лишения свободы должно быть обеспечение исполнения данного обязательства.

Однако согласно международным стандартам данное основание лишения свободы не распространяется на случаи неисполнения договорных обязательств. Так, согласно статье 11 Международного пакта и статье 1 протокола №4 к европейской конвенции «Никто не может быть лишен свободы на том только основании, что он не в состоянии выполнить какое-либо договорное обязательство». Указанная норма является важной гарантией прав участников договорных отношений. По существу, в приведенных статьях идет речь об ответственности должника перед кредитором за неисполнение или ненадлежащее исполнение им своего обязательства, возникшего из договора [4, 238].

3. Законный арест или задержание лица, произведенные с тем, чтобы оно предстало перед компетентным судебным органом по обоснованному подозрению в совершении правонарушения или в случае, когда имеются основания полагать, что необходимо предотвратить совершение им правонарушения или помешать ему скрыться после его совершения.

Главный принцип, действующий при таком задержании или аресте, называется «презумпция свободы». Согласно этой презумпции, так как каждый считается невиновным до вступления в силу обвинительного приговора, лица, подозреваемые в совершении правонарушения, как правило, должны оставаться на свободе, ограничения свободы этих лиц возможно только при наличии определенных оснований.

Этот принцип был закреплен в «Своде принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению, в какой бы то не было форме» утвержденной резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 9 декабря 1988-го года. Так, согласно 36-му принципу Свода «Арест или задержание подозреваемого на период проведения следствия и судебного разбирательства осуществляется только в целях отправления правосудия на основаниях и в соответствии с условиями и процедурами, установленными законом. Запрещается введение ограничений в отношении такого лица, в которых нет непосредственной необходимости с

точки зрения целей задержания или устранения помех для хода расследования или отправления правосудия, или поддержания безопасности и порядка в месте задержания» [14].

В соответствии со стандартами, установленными Европейской Конвенцией 1950-го года, арест и задержание подозреваемого допускается на следующих основаниях:

1. С тем, чтобы лицо предстало представления перед компетентным судебным органом по обоснованному подозрению в совершении правонарушения. В данном случае наличие «обоснованного подозрения» является главным условием, чтобы конкретное задержание на этом основании считалось законным. Согласно практике Европейского Суда под «обоснованным подозрением» подразумевается подозрение, основанное на фактах или информации объективно связывающих подозреваемого лица с предполагаемым преступлением [11].

2. В случае, когда имеются основания полагать что необходимо предотвратить совершение им правонарушения.

3. В случае, когда имеются основания полагать что или помешать ему скрыться после его совершения.

Будучи основанием для задержания или ареста лица вышеуказанные случаи, однако не являются основанием для содержания под стражей лица, после достижения цели задержания, то есть после того как лицо предстало перед компетентным судебным органом, или после того как было предотвращено совершение преступления, или попытка скрытия с места преступления.

Так, согласно статье 9.3 Международного пакта и статье 5 Европейской Конвенции каждое лицо, арестованное по уголовному обвинению (в редакции Европейской Конвенции по подозрению в совершении правонарушения) незамедлительно доставляется к судье или к другому должностному лицу, уполномоченному законом осуществлять судебные функции, и имеет право на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение до суда.

Вопрос об освобождении или содержании под стражей лица решается на основании следующего принципа: «свобода – правило, лишение свободы до вынесения приговора – исключение» [5, 64]. Другими словами, если нет никаких оснований для применения меры пресечения в виде содержания под стражей или когда есть возможность заменить ее другой мерой пресечения; лицо должно быть освобождено. В этом случае освобождение может быть обусловлено предоставлением гарантии явки в суд.

Что касается оснований продления предварительного заключения, то практика Европейского суда позволяет выделить 4 причины, по которым сроки

Амир АЛИЕВ, Лейла АЛИЕВА

предварительного заключения могут быть продлены: опасность, что лицо скроется, опасность вмешательства в процесс установления истины по делу, необходимость предотвращения совершения новых преступлений, необходимость поддержания общественного порядка.

4. Задержание несовершеннолетнего лица на основании законного постановления для воспитательного надзора или его законное задержание, произведенное с тем, чтобы оно предстало перед компетентным органом. Первое основание применяется в случаях, когда суд или административный орган выносят решение о помещении несовершеннолетнего лица под надзор в сочетании с лишением свободы. Второе основание охватывает случаи лишения свободы несовершеннолетнего, с тем, чтобы оно предстало перед компетентным органом «для обеспечения его вызволения из вредной среды».

5. Законное задержание лиц с целью предотвращения распространения инфекционных заболеваний, а также душевнобольных, алкоголиков, наркоманов или бродяг. Следует отметить что, Европейская Конвенция ограничилась тем, что допустила задержание данной категории лиц, а право определить правила такого задержания оставила за государствами. Также ни конвенция, ни Европейский суд не определили понятия душевнобольных, алкоголиков, наркоманов или бродяг. Эти понятия также должны определяться в соответствии с национальным законодательством государства. Однако как не раз отмечал Европейский суд, лицо, не может быть задержано на основании этого положения «только из-за того, что его взгляды или поведение отклоняются от норм, преобладающих в том, или ином обществе» [18].

6. Законный арест или задержание лица с целью предотвращения его незаконного въезда в страну или лица, против которого предпринимаются меры по его высылке или выдаче. Отличительная черта данных оснований лишения свободы заключается в том что, они применяются исключительно в отношении иностранцев. Согласно международным стандартам, задержанным на этих основаниях лицам должны предоставляться гарантии, предоставляемые задержанным по подозрению в совершении правонарушения.

Международные стандарты в области права на свободу и личную неприкосновенность наряду с основаниями ограничений этого права, также определяют и процедуры, согласно которым должно осуществляться такое ограничение. Лишение свободы, осуществленное на законных основаниях, однако без соблюдения этих процедур не может считаться законным.

Одной из таких процедур, выступающих в качестве гарантии права на свободу и личную неприкосновенность, является применяемая во многих стра-

нах процедура «Habeas Corpus». Это процедура была впервые предусмотрена в 1679-м году английским законом известным под названием «Habeas Corpus Act». Институт "Habeas Corpus" предусматривает применение 2 процедур, направленных на пресечение необоснованных арестов и задержаний:

1. Первая, эта процедура немедленного доставления лица к судье для решения судом вопроса об его освобождении до суда или применении в отношении него меры пресечения в виде ареста, об этой процедуре мы уже упоминали в части, касающейся задержания лиц подозреваемых в совершении правонарушения.

2. Вторая процедура же предусмотрена статьей 5.4 Европейской Конвенции и статьей 9.4 Международного пакта: «Каждому, кто лишен свободы вследствие ареста или содержания под стражей, принадлежит право на разбирательство, в ходе которого суд безотлагательно решает вопрос о законности его задержания и выносит постановление о его освобождении, если задержание незаконно».

Данная процедура является первой возможностью для задержанного лица и его защитника добиться его освобождения, в случае если задержание или арест были осуществлены с нарушением его прав [12, 41]. Необходимо также отметить что, процедура применяется только в случаях когда задержание или арест были осуществлены не на основании судебного решения, другими словами в случаях когда арест осуществлялся на основании судебного решения эта процедура не дает право на повторную проверку судом законности осуществления задержания и ареста. Однако в случае продления содержания под стражей эта процедура дает право контролировать законность продления ареста или задержания, осуществленного на основании решения суда.

В международных договорах также предусмотрены и другие гарантии права на свободу и личную неприкосновенность. Так, Международным пактом и Европейской Конвенцией были закреплены, обязанность незамедлительно сообщать арестованному на понятном ему языке причины его ареста и любое предъявленное ему обвинение, право каждого, кто был жертвой ареста или содержания под стражей, произведенных в нарушение положений международных стандартов, на компенсацию, обладающую исковой силой.

Подытожим, что вышеуказанные международные стандарты в области права на свободу и неприкосновенность личности являются лишь минимальными правилами, которыми должны руководствоваться государства, и применения этих правил становится возможным только путем создания государствами многогранной законодательной системы, обеспечивающей применения международных стандартов.

Амир АЛИЕВ, Лейла АЛИЕВА

Литература:

1. Всеобщая декларация прав человека 1948 г. http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml
2. Головистикова А.Н., Грудцына Л.Ю. Права человека. – Москва: Эксмо, 2008. – 445 с.
3. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950-го года http://www.echr.coe.int/Documents/Convention_RUS.pdf
4. Канашевский В.А. Международные нормы и гражданское законодательство России. – Москва: Международные отношения, 2003. – 266 с.
5. Комментарий к конвенции о защите прав и основных свобод и практике ее применения: под общ. ред. В.А.Туманова, Л.М.Энтина. – Москва: Норма, 2002. – 340 с.
6. Конституционное (государственное) право зарубежных стран: Том 1. Часть общая/ отв. ред. проф. Б.А. Страшун. – Москва: БЕК, 1999. – 765 с.
7. Конституционное право зарубежных стран/ под общ. ред. М.В.Баглая, Ю.И. Лейбо и Л.М.Энтина. – Москва: Норма, 2008. – 1043 с.
8. Маковой М., Разумов С.А. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод. Статья 5. Право на свободу и личную неприкосновенность. Прецеденты и комментарии. – Москва: Российская академия правосудия, 2002. – 115 с.
9. Международная и внутригосударственная защита прав человека/ под ред. Р.М.Валеева. – Москва: Статут, 2011. – 829 с.
10. Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г. http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml
11. Мюррей против Соединенного Королевства, решение Европейского Суда по правам человека от 28 октября 1994/ Европейский суд по правам человека. Избранные решения: В 2 томах, Т. 2. – Москва: Норма, 2001. – 802 с.
12. Права человека и предварительное заключение: Сборник международных стандартов, касающихся предварительного заключения. – Нью-Йорк и Женева: ООН, 1994. – 138 с.
13. Садовникова Г.Д. Комментарий к конституции Российской Федерации. – Москва: Юрайт, 2008. – 188 с.
14. Свод принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме от 9 декабря 1988 г. – <http://www.zakonprost.ru/content/base/77733/ugolovnoispolnitelnyj-kodeks>
15. Alfredsson, G. The Right to Human Rights Education. – A. Eide, K. Krause, A. Rosas (eds.) Economic, Social and Cultural Rights. – Dordrecht: Martinus Nijhoff, 1995 – p. 223.
16. Kurt V. Turkey, Judgement of 25 may 1998, <http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/pages/search.aspx?i=001-58198>
17. United Nations. Study on the right of Everyone to be free from Arbitrary Arrest, Detention and exile. – New York: UN Publication, 1965
18. Winterverp V. Netherland, judgment of 24 October, 1979 <http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/pages/search.aspx?i=001-57597>
19. Marguénaud J. La cour Européenne des droits de l'homme. – Paris: Dalloz, 2005. – 155 p.

Summary

One of the most important civil rights is the right to liberty and security of person. According to Article 5 of the European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms of 1950 and Article 9 of the 1966 International Covenant on Civil and Political Rights, "Everyone has the right to liberty and security of person". The right consists of two components.

The first component of the right to freedom can be defined as the right to have a person on your own. The right to liberty and security of person is understood in the legal literature, as in the narrow and broad sense. In a broad sense, the right to liberty and security of person, along with the physical freedom also includes the spiritual and mental freedom and integrity.

The second component of the right to security of the person includes the inadmissibility of intervention in the area of personal freedom, both from government and from third parties.

Keywords: European Convention, human rights, right to liberty, security of person, integrity.

Лилия БРАГА,
доктор философии,
Институт Европейской Интеграции и
Политических Наук,
Академии наук Молдовы

ДЕМОКРАТИЧЕСКОЕ РЕФОРМИРОВАНИЕ В РЕСПУБЛИКЕ МОЛДОВА: КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ СРЕЗ

В настоящее время Республика Молдова, подобно большинству стран постсоветского пространства, переживает один из наиболее сложных исторических этапов своего развития, сущность которого состоит в переходе от одной социально-политической системы, преимущественно опиравшейся на тоталитарные методы управления, к другой, базирующейся на принципах и идеалах демократии. Неслучайно в профильной литературе долгое время указанный исторический этап обозначали понятием «переходный период» как наиболее адекватно отражающим его сущность. Однако со временем использование данного понятия как предельно широкого, в какой-то мере ориентирующего на достижение относительно скорого результата, в научной литературе практически «сошло на нет», полностью уступив место такой категории как «демократическая модернизация», точнее фиксирующей характер и направленность перемен, а также их осмысление как длительного и сложного исторического процесса.

Процесс демократической модернизации, разворачивающийся ныне в Молдове, является составной частью современного глобального движения к демократии. Развиваясь по пути демократизации уже более 20 лет, Молдова занимает в этом общемировом процессе свое особое положение, входя, наряду со многими другими молодыми демократиями, в группу так называемых стран третьей волны.

Безусловно, в различных странах молодой демократии процессы демократической модернизации протекают неодинаково, обнаруживая значительные различия даже среди тех, которые связаны между собой недавним общим историческим прошлым. Многие эксперты, в частности, констатируют, что в ряде стран Восточной Европы, таких как Польша, Венгрия, Чехия, страны Балтии, демократические реформы идут более успешно. Что же касается большинства постсоветских стран, то здесь картина скла-

дывается не слишком обнадеживающая [1, с. 304]. В этих странах, в числе которых и Республика Молдова, демократическое реформирование продвигается невысокими темпами, а порой дела двигаются даже с определенной регрессией [2, с. 32]. Поэтому в профильной литературе уже принято относить такие страны к особой категории стран так называемой «падающей», «дефектной», «формальной», «усыхающей изнутри» демократии.

Действительно, следует признать, что демократическая модернизация в Молдове пока не приносит ожидаемых результатов. Сниженная результативность модернизационных процессов находит свое адекватное отражение в общественном осмыслении происходящих в стране изменений. Большинство граждан страны (более 80%), в целом поддерживающих и разделяющих ее демократический выбор, убеждено в том, что сегодня Молдова вообще развивается не в том направлении [3]. В этой связи возникает закономерный вопрос: что же, собственно, происходит сегодня в Республике Молдова и что необходимо предпринять, чтобы стартовавшие в стране процессы демократической модернизации стали приносить более ощутимые результаты?

То критическое отношение, которое доминирует сегодня в массовом сознании по отношению к молдавскому миру политики, безусловно, не лишено своих оснований. Вместе с тем, если попытаться обобщить уже достигнутые в стране результаты перемен, становится очевидным, что в Молдове уже немало сделано в направлении формирования новой политической системы. На сегодняшний день главный итог процесса модернизации состоит, прежде всего, в том, что в стране созданы и функционируют демократические политические институты, в то же время произошли значительные изменения в ценностно-политических ориентациях молдавских граждан, свидетельствующие о вытеснении тоталитарного мышления из массо-

Лилия БРАГА

вого сознания общества. При этом, подтверждая свою готовность и далее двигаться по пути углубления демократического реформирования, Республика Молдова в лице официальных властей продолжает строго придерживаться намеченного еще на рубеже 2000-х гг. стратегического курса на евроинтеграцию, что требует дальнейшего приведения политической системы в соответствие с европейскими стандартами и нормами политической жизни.

В то же время, не менее очевидными являются и издержки, которые сопровождают процесс реформирования. Сформированные в стране политические институты еще слишком слабо укоренены и недостаточно устойчивы, эффективность их функционирования снижена. Подобное обстоятельство с необходимостью сказывается на характере политической жизни: страну потрясают затяжные политические кризисы, усиливаются тенденции к авторитаризму, а порой даже звучат обвинения в узурпации власти. Что же касается ценностных изменений в массовом политическом сознании молдавского общества, то следует отметить, что процесс формирования культуры демократии протекает далеко не линейно, отличаясь ситуативным характером и нередко допуская движение вспять. В условиях наблюдающегося в стране углубления социально-экономического и политического кризиса, который ведет к существенному ухудшению положения простых граждан, новый всплеск приобретают ностальгические настроения, растет недоверие и апатия по отношению ко всему тому, что связано с миром политики. Конечно, речь пока не идет о кризисе в массовом сознании самой идеи демократии, вместе с тем, сомнения в ценности формирующейся в стране политической системы уже пускают свои корни. Люди нередко задаются вопросом: зачем нам такая демократия? На этом фоне растет число тех, кто сожалеет о распаде советской державы и при всей декларативной приверженности молдавского общества ценностям демократии, более трети граждан с симпатией относятся к идее восстановления прежней политической системы [4]. Более того, проводимая политической элитой стратегия на евроинтеграцию в последнее время все более утрачивает поддержку в массах (около 50% «за» и около

30% «против»), одновременно происходит переориентация на идею возрождения традиционных связей и отношений в виде участия в Таможенном союзе Россия-Беларусь-Казахстан (52% «за» и 23% «против») [3].

Ситуация, складывающаяся в политической жизни Молдовы, которая, так или иначе, характерна и для большинства стран постсоветского пространства, выявляет общую для всех реформирующихся обществ задачу. Если в первые годы демократического реформирования главная задача заключалась в формиро-

вании новых политических институтов, то сегодня основная проблема должна состоять в том, чтобы добиться их эффективного функционирования. При условии, если молдавское общество во главе с его политическим руководством в действительности стремится преодолеть порог между формальной и реальной демократией. Чтобы понять, возможно ли это, и как это сделать, необходимо ответить, по крайней мере, на два ключевых вопроса: почему сформированная политическая система работает неэффективно, и что необходимо предпринять, чтобы созданный политический механизм работал на полную мощь?

Сегодня вокруг указанных вопросов в молдавской политологической среде ведутся ожесточенные споры. Однако какие бы мнения ни высказывались, какие бы предложения ни звучали, сквозь них наиболее отчетливо просматривается одна общая преобладающая тенденция, сущность которой состоит в том, что осмысление проблем демократической модернизации приобретает, в конечном итоге, субъективистскую трактовку. Это означает, что трудности демократического реформирования, сказывающиеся на эффективности функционирования политической системы, в конечном счете, истолковывают как результат просчетов и ошибок политической элиты, с одной стороны, с другой, как плод неразвитости/незрелости массовой политической культуры. Неразвитость культуры демократии, по существу, рассматривается в качестве основной угрозы развитию и углублению демократического процесса, а также движению страны по пути евроинтеграции. Поэтому культивирование политической культуры, основанной на европейских ценностях, приобретает значимость решающего условия успешности молдавской демократии [5].

Чем обусловлено доминирование культурологического подхода к проблемам демократической модернизации в современной молдавской политологической мысли? Субъективистское осмысление, получившее широкое распространение в исследованиях молдавских политологов, как, впрочем, и на всем постсоветском пространстве, сложилось преимущественно под влиянием источников западной политологии, посвященных проблемам демократической модернизации, с которыми молдавская научная общественность начала знакомство еще на рубеже

90-х гг. прошлого столетия. Важно отметить, что значительная часть из указанных работ была написана еще в середине прошлого века. Тем не менее, идеи, сформулированные в этих работах, а позднее воспринятые, в том числе и молдавскими аналитиками, и по сей день рассматриваются значительной частью научной общественности в качестве универсальной методологической базы современных исследований по демократическому реформированию.

По словам Г. Алмонда, который является одним из

Лилия БРАГА

родоначальников научного направления, связанного с изучением процессов демократической модернизации, цель этих работ заключалась в том, чтобы

«создать своеобразную формулу», следуя которой западные государства могли бы оказывать поддержку демократическому развитию стран третьего мира. С этой целью Г. Алмондом и его коллегами (С. Верба, Л. Пай и др.) была разработана концепция политической культуры. Задача этой концепции, как признается Н. Петро, состояла в том, чтобы увеличить политическую активность общественной науки, условно говоря, легитимизировать экспорт демократической политики с помощью воспитания идеально соответствующей ей культуры [6, с. 38].

В обобщенном виде суть концепции политической культуры можно свести к следующим основным положениям:

1) субъективная составляющая мира политики образует отдельный – (ориентационный) – уровень функционирования политической системы, именуемый политической культурой;

2) политическая культура связывается с эмпирически заметным поведением и в этой связи рассматривается как совокупность ориентаций на политические действия;

3) политическая культура трактуется как конечная детерминанта политики, поэтому характер всего политического процесса в целом увязывается с субъективно-психологическими предпочтениями участвующих в нем людей, с их верованиями, чувствами, настроениями; в этой связи, значимость культурных факторов выдвигается на передний план в исследовании процессов демократической модернизации;

4) постулируется идея о тесной связи демократии с культурой, которая базируется на аксиоме о том, что демократия опирается на народ и в этом смысле демократическая политическая система предполагает соответствующую «культуру демократии», требующую массового участия людей в политической жизни;

5) вводится понятие «гражданской культуры», используемое как обобщенное название культуры демократии, т.е. политической культуры, свойственной стабильной современной демократии; это понятие обозначает политическую культуру смешанного характера, т.е. производное от «участника», «подданного» и «прихожанина», основными характеристиками которой являются многообразие, плюрализм, консенсус;

6) обосновывается роль гражданской культуры в демократическом процессе, которая сводится к балансированию противоположных импульсов (к развитию и к постоянству); в этой связи формирование гражданской культуры считается одним из основных условий демократической стабильности

и эффективности функционирования политической системы;

7) разрабатывается «техника» культивирования гражданской культуры, которая должна опираться на процесс политической социализации, предполагающий обучение людей культуре демократии в контексте их вовлеченности в деятельность различных социальных и политических структур, таких как система образования, политические организации и т.п.

Концепция политической культуры необычайно быстро была принята западной сравнительной политологией, сразу после ее появления в начале 60-х годов прошлого столетия. Как отмечал в это время Р. Такер, политико-культурный подход прочно вошел в культуру американской политической науки [7, с. 175]. Эта концепция легла в основу самых различных политических теорий (в том числе широко известной теории Р. Инглхарта «бесшумной революции»), которые доказывали, что лишь посредством изменений в культуре общества можно преодолеть так называемый «кризис образа жизни», разразившийся на Западе во второй половине XX века [8, с. 76-77]. Однако уже к концу 70-х годов, когда бихевиоризм превратился в один из объектов широкой научной критики, популярность концепции политической культуры на Западе стала постепенно стихать. По выражению Инглхарта [1, с. 301], к этому времени она уже «вышла из моды», а сегодня, как показывает Л. Даймонд [9, с. 448], западные политологи вообще стараются избегать употребления самого понятия «политическая культура». Это, как нам представляется, стало результатом того, что основанные на культурологическом подходе теории социальных трансформаций так и не нашли своего реального воплощения, обнаружив, попросту говоря, свою социальную утопичность. Таким образом, остается заключить, что значимость концепции политической культуры в современной западной политологии не столь уж универсальна. У нее всегда имелось немало оппонентов.

За что же что критикуют концепцию политической культуры? Во-первых, за одностороннюю зависимость методологии Г. Алмонда от бихевиоризма: оппоненты полагают, что поведенческий подход ошибочен и ненаучен. Слабость научной концепции, опирающейся на бихевиористский подход, состоит, по мнению критиков, в следующем: а) она утверждает, что межличностные отношения (политический процесс это отношения субъектов в процессе реализации политической власти) определяют долгосрочную поддержку той или иной политики; б) поддержка официальной политики населением доказывается просто существованием и функционированием конкретных властных институтов (а ведь индивид может счесть выгодным скрывать свои истинные политические чувства); в) в так называемом «хожде-

Лилия БРАГА

нии по кругу»: зачастую реальность существования определенной политической культуры доказывается на примере характерного для нее типа поведения, а последний в свою очередь объясняется спецификой той же самой политической культуры; г) в изучении политики опирается на методы точных наук, считая предметом политического анализа эмпирически заметное поведение (необходимые компоненты – социологическая выборка, интервьюирование, математическая обработка данных, статистический анализ). Самым большим провалом концепции политической культуры, опирающейся на бихевиористский подход, по мнению Н. Петро [7, с. 36], стала ошибка, допущенная в своих расчетах и анализах советологией, которая не сумела предсказать поражение коммунизма и распад советской системы, полагая, что «российская политическая культура – более авторитарная и коллективистская, поэтому победа демократического движения в России принципиально невозможна». Самый серьезный вызов поведенческому подходу был брошен «интерпретирующей теорией». Указанная теория, как показывает Петро, поставила под сомнение традиционное понимание политической культуры как совокупности способов поведения в политике и предложила «символистский» или «интерпретационный подход» (Вилдавский, Дитмер, Виарда, Такер), который предлагает более широкое определение политической культуры как «комплекса реальных и идеальных культурных образцов» и в этой связи призывает изучать и учитывать символы при поиске значений политического действия и характеристике политических структур (символ демонстрирует изменение политических предпочтений). При этом аналитическая полноценность теории политической культуры будет не только сохранена, но и увеличена.

Во-вторых, за доминирование субъективистского подхода к анализу явлений политической жизни. Главными оппонентами культурологического подхода являются сторонники проэкономического взгляда на проблемы развития, делающие упор на оптимизацию производства [10, с. 5-19]. Некоторые авторы из числа некультуралистов (А. Пшеворский) вообще отрицают существование заметного воздействия культуры на устойчивость демократических институтов. Большинство же других сторонников этой позиции признают, что культурные особенности играют какую-то свою роль в развитии общества, однако основное внимание концентрируют на географических, климатических, ресурсных и политико-институциональных факторах развития. Попутно важно отметить укоренившуюся в современной научной литературе тенденцию: когда речь идет о разработке моделей устойчивого развития в мире, приоритет отдается проэкономическому подходу, роль интегратора глоболизирующегося мира отводится рыночным институтам.

Однако когда речь заходит о развитии стран, ставших на путь демократической модернизации, верх берет субъективистский, культурологический подход, который к числу движущих факторов развития относит распространение в обществе демократических ценностей и их институциональное воплощение.

В третьих, за элитарный подход к анализу проблем демократизации: концепция политической культуры объясняет различную восприимчивость обществ к демократии доминирующей в них культуры. Согласно этой логике, не все общества «культурно» предрасположены к демократии. В частности, считается, что культурная среда таких стран, как Россия, Беларусь, Украина, Армения и Молдова не слишком благоприятствует демократии. Одно время также считалось, что специфические ценности, разделяемые азиатскими странами, делают их непригодными к демократии [1, с. 305]. Однако успехи демократического развития в Японии, Южной Корее, Тайване опровергли подобную точку зрения, оставив позади себя многие реформирующиеся страны Европы [11].

Существует и такая точка зрения [12, с. 18], что работы американских политических ученых 1950- 60-х годов (Г. Алмонд, С. Верба и др.) строили свое определение демократии в соответствии с действительной практикой в США и Британией. Поэтому они являются не столько научным анализом, сколько идеологией времен холодной войны. Иными словами, культурологический подход, превалирующий в современном научном осмыслении проблем демократической модернизации, представляет собой, согласно указанной точке зрения, продолжение идеологии холодной войны в контексте глобализации. Подход, квалифицирующий ценности западной демократии в качестве нормативного идеала демократического развития в мире под влиянием Соединенных Штатов по существу навязывает современному миру исключительно либеральное толкование демократии. Такие понятия как «либеральная демократия», «западная демократия», «американская демократия» используются в современном научном контексте по большей части как синонимы, в то же время, либерально-демократические концепции считаются «классическими», общепринятыми. Одной из лучших иллюстраций подобного толкования являются взгляды современного американского социолога Ф. Фукуямы, который после краха системы социалистических стран провозгласил «конец истории» и победу либеральных ценностей. По его мнению, США являются примером торжества либеральных ценностей, а путь, по которому указанная страна развивается, следует считать единственно верным и универсальным. В этой связи, неслучайно оппоненты подобного рода интерпретаций считают доминирующий в США консерватизм крайне идеологизиро-

Лилия БРАГА

ванным, что выражается в стремлении повсеместно распространить западные демократические нормы и идеи [13, с. 63]. Ссылаясь на встречающуюся в политологической литературе критику подобного подхода (Даль, 2003; Шмиттер, 2002), К. Крауч, в частности, подчеркивает, что получившая распространение на Западе либеральная модель демократической политической системы в реальности представляет собой лишь исторически обусловленную форму, а не нормативный идеал [12, с. 18].

В то же время, определенные сомнения вызывает правомерность и такой установки, согласно которой демократия во многих случаях рассматривается как единственно легитимная форма правления [11, с. 40-43]. Распространение подобного рода убеждений позволяет мировому общественному мнению не только оправдывать, но и приветствовать различную, в том числе военную помощь, оказываемую западными демократиями недемократическим странам в их борьбе с антидемократическими режимами, несмотря на то, что подобные действия попирают их суверенитет и национальную независимость. Соответственно возникает вопрос о пределах воздействия со стороны развитых демократий на другие государства под предлогом их демократизации. Процесс, осуществляющийся в современном мире и получивший название экспорта демократии, принимая порой крайне навязчивую и агрессивную форму, ведет, как это отмечают некоторые исследователи, к девальвации либеральных ценностей, все более ассоциируясь с откровенными имперскими амбициями. Идеи демократии, прав и свобод человека превратились в слова, прикрывающие агрессию и использование силовых способов осуществления политики, выражающей интересы капитала [13, с. 63].

Своеобразной реакцией на давление, осуществляемое со стороны стран развитой демократии на соответствующие страны с целью продвижения демократических ценностей, стала концепция «суверенной демократии», разрабатываемая в настоящее время российскими политологами. Данная концепция предлагается для использования целому ряду стран (Россия, Индия, Китай, страны СНГ, Юго-Восточная Азия, Латинская Америка) в качестве идеологической и внешнеполитической контрконцепции, противодействующей вмешательству США в их внутренние дела. Суть указанной концепции сводится к идее о том, что демократическое реформирование, чтобы быть успешным, должно идти с учетом национальных условий развития. Посткоммунистические страны могут и должны усваивать демократические ценности исходя из собственных исторических традиций и особенностей. При прямом переносе на национальную почву готовых западных моделей обычно происходит их отторжение. Признавая значимость универсальных цен-

ностей либеральной демократии, концепция, вместе с тем, настаивает на праве самостоятельно, с учетом собственных национальных интересов, определять «повестку дня» и этапы процесса модернизации, высказываясь одновременно против практики «цветных революций», призванных внешними усилиями обеспечивать развитие демократических ценностей и политических институтов [11, 14].

Таким образом, как можно видеть, у исследовательского подхода, опирающегося на концепцию политической культуры, всегда было немало оппонентов, которые оспаривали и оспаривают его претензии на универсалистскую методологическую роль в политических исследованиях. С существующим критическим отношением к культурологическому подходу, конечно, можно не соглашаться, но не учитывать его нельзя. Тем более, что в настоящее время оно все настойчивее задает тон международным политологическим дискуссиям. Речь, прежде всего, идет о Всемирном конгрессе политологов, который собирается в различных частях света с регулярностью один раз в 3 года, чтобы подытожить мировой исследовательский опыт и обсудить наиболее острые политические проблемы глобального характера. Так, на XIX конгрессе в 2003 году, проходившем в Дурбане (ЮАР), парадигмальный подход к анализу проблем демократизации мировой политики, в соответствии с которым западная модель рассматривалась как нормативнообразцовая, был подвергнут широкой и резкой критике. А на XX конгрессе в 2006 году (Фукуока, Япония) господствующей тенденцией при обсуждении мировой политики стала модель многополюсного мира. Было предложено рассматривать современную демократию, прежде всего, с точки зрения ее эффективности и социальной справедливости, как длительный историко-цивилизационный процесс, который имеет значительные особенности в различных странах.

Новые тенденции, отчетливо проявившие себя в мировой политологической мысли, свидетельствуют об углубляющемся кризисе демократических теорий на современном этапе, который обусловлен тем, что во многих обществах произошли системные изменения, требующие дополнительного анализа и уточнения теории и методологии исследований. М. Каазе, используя теоретические наработки известных политологов (Р. Инглхарта, А. Лейпхарта, Ф. Шмиттера, Р. Даля, Р. Далтона и др.), выделяет ряд факторов, влияющих на демократическое развитие в XXI веке и трансформирующих его. Среди них – ускоряющаяся глобализация и ее воздействие на мир политики, европейская интеграция, кросскультурная миграция, демографические тренды, технологические изменения как следствие НТР и быстрые экономические трансформации, появление новых ценностей, в том числе постмодерна, сильный эффект медиатизации,

Лилия БРАГА

падение значения социального капитала. В результате этого, по мнению М. Каазе, происходят существенные изменения в политическом действии в демократических странах [11, с. 38-40].

Складывающаяся в современной политической теории кризисная ситуация, обнажившая многие слабые места концепции политической культуры, позволяет предположить, что в будущем более предпочтительным методологическим подходом к проблемам демократизации может стать тот, который, разрабатывая так называемый «реалистический взгляд» на мир политики, исходит из социокультурной динамики, из взаимообусловленности культуры и развития, из единства субъективных и объективных факторов политического процесса. Следует признать, что в условиях, характеризовавшихся существенной стабильностью социально-политического развития в западных странах (а именно в такое время и была разработана теория политической культуры), значимость субъективной/культурной составляющей политики демократических стран возрастала, по существу, выдвигая ее на передний план. Однако сегодня, когда в мире происходят глубокие системные изменения, дестабилизирующие всю совокупность общественной жизни, напротив, на передний план все больше начинает проступать значимость объективных предпосылок, которые задают направленность всему общественно-политическому развитию в целом, включая его субъективный контекст.

Реалистический подход несколько не снижает значимости ценностных доминант для становления и развития демократической политической системы, считая политическую культуру, наряду с демократическими институтами, необходимым, неотъемлемым компонентом, обеспечивающим ее функциональность. В то же время, позволяет понять, что демократическая политическая культура, нередко трактуемая как «конечная детерминанта политики», и, в этой связи зачастую неоправданно идентифицируемая с ее основным источником, не является некой независимой, самодостаточной величиной, какой-то отдельной сферой, представляющей собой определенный свод поведенческих норм и стоящей в одном ряду с другими ее компонентами, либо где-то над общественно-политической жизнью. В реальности, политическая культура общества являет собой своего рода качественный срез мира политики, вплетенный в его общую ткань, в целом, отражающий ее основное содержание и фиксирующий преобладающие тенденции развития. Во многом развиваясь в соответствии со своими внутренними специфическими законами, политическая культура, в то же время, всегда бывает вплетена в общий контекст исторического развития общества. В этой связи, трансформации в господствующих политических ориентациях с

необходимостью отражают изменяющийся характер доминирующих общественных связей и отношений.

Несмотря на динамизацию современного общественного развития, политическая культура, как и культура в целом, продолжает и сегодня оставаться той гранью общественной жизни, в которой изменения идут достаточно медленным ходом, прокладывая себе путь сквозь сложную систему взаимодействий между ее традиционной и динамической частями. В периоды так называемого «демократического момента», когда начинают происходить кардинальные общественные трансформации, сопряженные со взрывом чувств «демократической эйфории» и установлением в обществе «продемократического консенсуса», динамика изменений в политической культуре существенно возрастает, буквально взрывая изнутри уже устоявшиеся в политической жизни традиции. Это такие моменты истории, когда в политических ориентациях общества происходят стремительные революционные изменения, способствующие установлению новых, демократических, ценностных доминант. Однако устойчивость указанных изменений в политической культуре в масштабах общества может быть обусловлена лишь устойчивой динамикой во всех сферах общественного существования, способствующей укреплению самого субстрата демократического режима, на который он опирается и из которого черпает основную энергию и силы. Если подобной динамики в реформирующемся обществе не наблюдается, бесосновательно ожидать и кардинальных устойчивых перемен в доминирующей политической культуре, которая, по сути, представляет собой не более чем адекватный духу исторического времени способ ориентации людей в политике. В этой связи, реально существующую в нашем обществе на данный момент доминирующую политическую культуру никак нельзя считать издержкой современного демократического развития в стране. Напротив, отражая на своем специфическом «культурном языке» сущность происходящих социально-политических процессов, политические ориентации людей являются своего рода «культурной голограммой» реальной политики, «культурным кодом» формирующихся в стране политических отношений, или, наконец, симптомом, по которому можно судить о глубине и направленности разворачивающихся демократических перемен.

Будучи необходимым атрибутом демократической политической системы, так называемым «резервуаром», из которого демократия черпает свою способность к функционированию, культура демократии, тем не менее, является не столько ее источником, сколько особого рода рычагом, приводящим в действие весь этот самый сложный механизм общественного управления. Формирование подобного «рычага» политической жизни тесно связано с раз-

Лилия БРАГА

витиём индустриального общества, с характерным для него массовым производством и значительным ростом численности рабочих и других трудовых коллективов, превращающихся в могучую организованную социальную силу, способную оказывать серьезное влияние на политику. Поэтому не случайно наиболее характерной чертой культуры демократии является культура участия, которая и отличает демократические общества от недемократических или псевдодемократических. Наблюдающийся на Западе упадок культуры участия, свидетельствующий о кризисных явлениях в демократической политике западных стран, показывает, что социальные связи и отношения в современном глобализирующемся мире вступают в новую фазу развития. В складывающихся в постиндустриальную эпоху условиях происходят существенные социальные трансформации, способствующие размыванию тех основ, на которые опирается развитая демократия.

Изучение модели развитых демократий в свое время позволило составить представление об универсальных демократических ценностях, которые наиболее соответствуют стабильности демократии. Основная эвристическая значимость этих представлений состоит в том, что они задают необходимые ценностные ориентиры, в соответствии с которыми должна развиваться политическая культура общества, вставшего на путь демократической модернизации, чтобы обеспечить наибольшую успешность данного процесса. Однако, оставаясь на позициях реалистического подхода, важно понимать, что демократические ценности, несмотря на их универсальный характер, не могут быть «экспортированы» из более развитых демократических стран в менее развитые. Механический перенос западных моделей и норм политических взаимодействий в условия, характеризующиеся ярко выраженной национально-исторической спецификой, никогда не даст ожидаемых быстрых положительных результатов. Напротив, западная модель может оказаться не только малоэффективной в ином социально-историческом контексте, но и рискует быть отторгнутой исторически устоявшейся системой ценностей как чужеродная культура, несогласующаяся либо противоречащая сложившимся политико-культурным традициям. Поэтому реальные политико-культурные трансформации в демократизирующихся обществах возможны лишь как результат общей социально-политической эволюции, разворачивающейся с учетом специфических особенностей национального развития. И в этом смысле, формирование культуры демократии всегда будет носить национально-исторический характер, в то же время универсальные демократические ценности смогут стать столь необходимой для реальной демократии действенной силой лишь превратившись в неотъем-

лемую часть национальной культуры реформирующегося общества.

Безусловно, процесс формирования культуры демократии в демократически реформирующихся странах с необходимостью должен включать в себя обучение нормам и стандартам демократического поведения. Однако без соответствующего прогресса в социально-экономической и политической сфере приобретенные знания будут оставаться мертвым капиталом, в действительности всякий раз уступая место более «прагматичным» в складывающихся обстоятельствах методам организации политической жизни и развертывания политической конкуренции.

Реалистический взгляд на современный мир политики, оспаривающий универалистские претензии субъективистского подхода к анализу проблем демократической модернизации, приобретает в настоящее время все большее распространение. Однако в попытках учесть новые, наметившиеся в политологической мысли, тенденции, в то же время, представляется крайне важным не утратить то рациональное зерно, которое содержит в себе концепция политической культуры. Тщательное изучение субъективного контекста политики позволяет судить о качественном состоянии демократии. В то же время, указанная теория разрабатывает идеальную модель демократии, которую, безусловно, никому и никогда не удастся достигнуть в полной мере, однако роль ее состоит в том, чтобы задавать необходимый ориентир, особенно важный в современных условиях, когда в мире наблюдается ослабление демократии.

Безусловно, «измерить» политическую культуру общества, построив в соответствии с полученными данными относительно реалистическую качественную картину его демократического реформирования, невероятно сложно. Наиболее распространенным научным методом, господствующим во всем мире, продолжает оставаться опрос общественного мнения. Следует признать, что указанный метод несет в себе немало погрешностей, приводя порой к значительным искажениям. Вместе с тем, этот метод позволяет выявить наиболее характерные черты и тенденции развития актуальных политических ориентаций людей, умелая интерпретация которых способна воссоздать наиболее общую картину политической жизни с точки зрения ее качества. Такую возможность в Молдове предоставляют результаты различных исследований общественного мнения, опора на которые позволяет придать культурно-политической картине современного молдавского общества более обобщенный вид.

Анализ ценностно-политических ориентаций [15], современного молдавского общества позволяет утверждать, что за период демократизации в молдавской политической культуре произошли

Лилия БРАГА

существенные изменения. Сегодня общество в своем подавляющем большинстве высказывается в пользу универсальных демократических ценностей, таких как признание и уважение прав человека и его свобод, свободные и честные выборы, равенство перед законом, плюрализм, независимая судебная система, прозрачность в правительстве, подотчетность властей перед гражданами и т. п. Это свидетельствует о сохраняющемся в стране продемократическом консенсусе, достигнутом еще в начале перемен. Наличие продемократического консенсуса означает, что сегодня ни одна политическая сила страны не ставит под сомнение ценности демократии и не выступает против демократии как системы политического устройства. Вместе с тем, подавляющую часть молдавского общества, убежденного в том, что страна развивается не в том направлении, не устраивает та модель политической системы, которая формируется в настоящее время в результате политического реформирования. Это говорит о том, что складывающаяся в стране на современном этапе политическая реальность вступает в противоречие с распространенными в обществе идеальными представлениями о системе демократии. Причем, неприятие общества вызывают не только так называемые «издержки роста», отражающие незрелость формирующейся политической системы (коррупция, правовой нигилизм, инкомпетентность властей и т. п.), но и в значительной мере превалирование либералистских тенденций в развитии молдавской демократии. Неприятие идеологии либерализма большей частью молдавского общества, находящегося в результате углубляющейся нищеты на грани выживания, находит свое проявление в настроениях реабилитации целого ряда ценностей, относящихся к эпохе тоталитаризма, и, прежде всего, широкой социальной поддержки граждан со стороны государства.

Таким образом, при наличии в стране продемократического консенсуса, в настоящее время в Молдове, тем не менее, нет политического единства относительно модели демократического устройства молдавского общества. Одной из наиболее характерных черт молдавской политической культуры, в этой связи является расколотость. Доминирующая в стране «культура раскола» означает, что в обществе, в целом политически ориентированном на демократию, нет политического единства даже по самым фундаментальным вопросам, касающимся развития страны, отсутствует настрой на развитие политического диалога, на поиск консенсуса, в отношениях между политическими силами доминирует конфронтационный подход. На массовом уровне в политических настроениях превалирует апатия, усталость от политики, индифферентизм, скептицизм по отношению ко всему, что связано с миром политики (партиями, государственными структурами, политическим лично-

стям), неверие в демократические механизмы решения общественных проблем. Граждане страны осознают свою отстраненность от реальной политики и ведут себя в ней главным образом как наблюдатели. В целом, в современной политической жизни Молдовы продолжают доминировать традиционные патриархально-подданические (пассивные, отстраненные) и приходские (местечковые, без конкретных политических ролей) ориентации, сохраняется патерналистский дух и этатистский менталитет (подчинение воли властей). В то же время, доля культуры участия, предполагающей самые разнообразные формы активной вовлеченности широких масс людей в политическую жизнь, в современных политических ориентациях молдавских граждан ничтожно мала. Выражаясь, главным образом, в форме электоральной активности (готовность молдавского электората принять участие в предстоящих выборах превышает в настоящее время более 80%), политический активизм принимает, по большей мере, негативистский характер [3]. Иными словами, молдавский электорат проявляет наибольшую политическую активность лишь тогда, когда речь идет о препятствовании продвижению к власти определенных политических сил. В межэлекторальный период, предполагающий позитивное участие граждан в политике, интенсивность активизма резко идет на спад. Подобная картина, свидетельствующая о невысоком качестве молдавской демократии, вынуждает международных наблюдателей, располагать Молдову в категории «дефектных демократий».

Слабую развитость культуры демократии в Молдове нередко объясняют специфическим генетическим кодом молдавского народа, господством особого народного духа, препятствующего укреплению в стране демократических/европейских ценностей. В стране широко растиражировано мнение о том, что молдавский народ по своей природе пассивен, апатичен, безынициативен, многотерпелив. Расхожим является также убеждение в том, что ценностное наследие тоталитарного строя, прочно укоренившееся в генетическом коде постсоветских народов, не позволяет молдавскому обществу подняться до высокого цивилизационного уровня. Ряд современных молдавских политиков, расценивая свою декларативную политическую приверженность европейским ценностям как более высокую ступень культурного развития, демонстрируют плохо скрываемое пренебрежительное отношение к собственному народу, не способному, с их точки зрения, к усвоению культуры демократии. Нередко в их оценках даже проскальзывает плохо скрываемая обида на народ, который чего-то «не понимает», «упрямится», «не хочет». Поэтому неудивительно, что такие политики ратуют за скорейшее радикальное искоренение из жизни страны «позорной культурной архаики». Все это вместе взято

Лилия БРАГА

навязывает молдавскому народу некий комплекс неполноценности, который на массовом уровне проявляется в настроениях разочарования и неуверенности общества в собственных силах, в сомнениях в ценности государственного суверенитета, в уповании на активную внешнюю поддержку в лице других государств и международных структур: Евросоюза, России, Румынии, Таможенного Союза, НАТО и т.п.

Любая политическая культура с необходимостью включает в себя два уровня или слоя: традиционный (генетический) и динамический. Генетический комплекс по своей сути является одним из основных элементов более широкой системы, включающей в себя всю совокупность субъективных факторов, которые образуют качественный потенциал политического развития общества. Особое место среди составляющих этой системы занимают политико-культурные факторы, которые, безусловно, тесно связаны и даже во многом обусловлены воздействиями культурной генетики, однако полностью не отождествимы с ней. Очевидно, что в той или иной степени все социально-политические изменения неизбежно оказываются опосредованными спецификой национальной культуры и исторически сложившегося менталитета. Однако, сохраняя в себе некие генотипы, политическая культура в то же время находится в постоянной динамике и изменении [16, с. 11].

Изменения в молдавской политической культуре в настоящее время идут не столь динамично, как это происходило в период демократического момента. Моменты резких, революционных преобразований, как правило, всегда сопровождаются существенными изменениями в массовом сознании, замещением одних ценностных доминант другими, несмотря на то, что массовое сознание представляет собой наиболее инерционную сферу жизнедеятельности человека [17, с. 51]. Изменения в любой культуре вообще идут самым медленным темпом. Это крайне сложный процесс, который порой допускает как забегание вперед, так и движение вспять. Но в любом случае, как культура в целом, так и политическая культура, в частности, своеобразным образом, на своем специфическом "культурном языке" отражают существующие тенденции и закономерности развития общества, выступая неким культурным кодом переживаемого исторического этапа. Необходимо признать, что, несмотря на оптимистические оценки со стороны международных наблюдателей реформаторской деятельности правящих в настоящее время в Молдове политических сил, в культурном коде современного молдавского общества продолжают доминировать традиционные политические ориентации, в то время как ценности культуры демократии сохраняют в массовом сознании главным образом лишь декларатив-

но-эмоциональный характер. Это говорит о том, что демократическое реформирование, осуществляющееся, как и во многих других странах постсоветского пространства, сверху вниз, проводится на неподготовленной почве, в условиях отсутствия соответствующей как социальной, так и экономической базы для своей реализации.

Важнейший вопрос современного этапа демократического реформирования в Молдове, таким образом, заключается в том, можно ли вообще повлиять на характер доминирующей сегодня в стране политической культуры? Большинство молдавских политологов сходятся в том мнении, что это не только возможно, но и настоятельно необходимо. Однако преобладающей тенденцией осмысления данного вопроса остается просветительский подход. Идея такова: поскольку «издержки» политико-культурного развития (сохранение духа патернализма, этатистского менталитета, подданнические и местечковые ориентации, глубоко укорененные в сознании людей, инкомпетентность политиков и политическая малограмотность народа и др.) являются по существу основным препятствием формированию механизмов репрезентативной демократии, постольку наиболее устойчивым и перспективным механизмом, обеспечивающим процесс демократизации, должно быть обучение демократии и политической культуре [18, с. 8]. Поэтому, согласно указанной точке зрения, залогом успешности молдавского демократического процесса должно стать формирование «новой политической культуры», которое должно осуществляться не только посредством участия людей в митингах, демонстрациях, протестных политических акциях, но и путем усвоения политических знаний, столь важных в процессе демократического реформирования общества [19].

Несмотря на признаваемую политиками страны высокую актуальность указанной проблемы, воспитание демократической политической культуры, тем не менее, за годы демократического реформирования так и не сумело стать объектом целенаправленной государственной политики. В этой связи, те меры, которые все же предпринимаются исходя из возникающих инициатив, направленных на формирование культуры демократии (учреждение молодежного парламента, политической академии, обучение молодых политиков за рубежом и др.), носят случайный, бессистемный характер. Подобные усилия рассчитаны главным образом на молодежный контингент. Насколько указанные меры эффективны, еще предстоит определить. Но сегодня ясно одно: ощутимых сдвигов в направлении формирования культуры демократии в молдавском обществе они пока не дают.

Лилия БРАГА

Литература:

1. Инглхарт, Р. Культура и демократия. Политология: Хрестоматия. Сост. Б.А. Исаев, А.С. Тургаев, А.Е.Хренов. - Санкт-Петербург: Питер, 2006, с. 301-306.
2. Buscher, K. Transformation of political system of Moldova: A balance sheet. В: Puterea, Democrația și Tranziția în Moldova: între trecut și prezent. - Chișinău, 2003, с. 29-35.
3. Barometrul de opinie publică. Republica Moldova, aprilie. - Chișinău, 2013.
4. Barometrul de opinie publică. Republica Moldova, mai. - Chișinău, 2010.
5. Брага Л. Политический процесс и политическое участие в Республике Молдова. В: Revista de Filozofie, Sociologie și Științe Politice. - Chișinău: Tipografia-Sirius SRL, №1, с. 98-110; №2, с. 87-100.
6. Петро Н. О концепции политической культуры, или Основная ошибка советологии. - Политические исследования, 1998, №1, с. 36-51.
7. Tucker R. Culture, Political Culture, and Communist Society. - В: Political Science Quarterly. 1973, vol. 88, №2, с. 175.
8. Puterea politică și coeziunea socială în Republica Moldova din perspectiva integrării europene. - Chișinău: Print-Caro SRL, 2010. – 222 с.
9. Даймонд Л. Прошла ли «третья волна» демократизации? Политология: Хрестоматия. Сост. Б.А. Исаев, А.С. Тургаев, А.Е.Хренов. - Санкт-Петербург: Питер, 2006, с. 437-450.
10. Семененко И.С. Глобализация и социокультурная динамика: личность, общество, культура. - Политические исследования, 2003, №1, с. 5-19.
11. Ирхин Ю. В. Всемирный конгресс политологов в Японии «Работает ли демократия?». - Политология, 2006, №2, с. 32-50.
12. Крауч К. Постдемократия. Перевод с английского Н.В. Эдельмана. – Москва: Издательский дом Государственного университета – Высшей школы экономики, 2010. – 192 с.
13. Кудряшова М.С. Гуманизм и политика. - Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки, 2006, №2, с. 61-68.
14. Кочетков В.В. К вопросу о суверенной демократии: анализ дискуссии. Политическая культура современной России: состояние, проблемы, пути трансформации. Материалы «круглого стола». Под редакцией Н.С. Федоркина, Н.В. Карповой. – Москва: КДУ, 2009, с. 100-108.
15. Barometrul de opinie publică. Republica Moldova. - Chișinău, 2001-2013.
16. Карпова Н.В. Политико-культурный контекст российских реформ (историко-социологический сравнительный анализ). Политическая культура современной России: состояние, проблемы, пути трансформации. Материалы «круглого стола». Под редакцией Н.С. Федоркина, Н.В. Карповой. - Москва: КДУ, 2009, с. 10-24.
17. Башкирова Е. И. Трансформация ценностей российского общества. - Политические исследования, 2000, №6, с. 51-81.
18. Dmitrenco S., Mocanu V., Rusandu I. Societatea contemporană: aspecte social-economice și politice. Analiza opiniei publice. - Chișinău: I.E.P. Știința, 2007, 168 с.
19. Poțac Gr., Casiadi O., Popescu S. Științe Politice. - Chișinău: Academia „Stefan Cel Mare” a MAI, 2008. - 346 с.

Summary

The article deals with the problem of democratic reform in the Republic of Moldova in its political and cultural interpretation. The author points out that this interpretation prevails in the Moldovan political thought. Therefore, most of the problems of democratic reform in Moldova have a subjectivist interpretation. However, the author believes that in the context of globalization and post-industrial development the realistic approach is more fruitful. Based on this approach, the author suggests that the political process in the republic of Moldova, in fact, leads our country to the post-democracy.

Keywords: Democratic reform, globalization, post-industrial development, political process, post-democracy.

Марина ИЗОРИЯ,

доктор политических наук, профессор,
Грузинского гуманитарно-экономического
университета

ПОЛИТИКА «ДАШНАКЦУТЮНА» В 1917-1920 гг.

В условиях отсутствия независимого национального государства как главного условия поступательного развития нации и необходимого политического института обеспечения и защиты национальных интересов в армянской политической жизни в 1890 г. состоялось рождение новой политической организации «Дашнакцутюн» [1, с. 3].

В яркой палитре различных политических партий, действовавших на Южном Кавказе и в Малой Азии, партия Дашнакцутюн занимает особое место. Как известно, в течение длительного времени деятельность этой партии освещалась исключительно на армянский лад. Имеющиеся в нашем распоряжении источники фиксируют деятельность партии Дашнакцутюн как националистическую, которая оставила черный след в истории народов Южного Кавказа.

В Грузии вопросы, касающиеся создания, целей и основных этапов деятельности «Дашнакцутюна», не являлись предметом специальных исследований вплоть до последнего времени, в то время, как изучение истории армянского националистического движения представляется нам важным и актуальным. Актуальность исследования этого вопроса подтверждается новыми проявлениями армянского национализма и их агрессивными действиями против соседних государств [2, с. 12].

Наличие кризисной ситуации во всех взаимосвязанных сферах общественного бытия не могло не отразиться на крайнем осложнении межнациональных отношений. Армянская национальная идея о создании «Великой Армении» из исторических территорий Грузии, Турции, Азербайджана стала крайне распространенной, фальшивой идеологией.

В социологической науке пока крайне мало исследований о том, к каким явным последствиям для ментальности народа приводят столкновения культур. И практически нет работ, посвященных тому, как интернационализация культурных систем влияет на политическую составляющую менталитета. Вопрос

актуален и не только в теоретическом отношении. Он напрямую влияет на характер принимаемых внешнеполитических решений, на отношения между народами. Он имеет весьма важный эвристический эффект при анализе причин зарождения этнических конфликтов, а также для обсуждения специфики восприятия окружающего мира и понимания преемственности этнонационального менталитета. Армения представляет собой практически идеальный научный «полигон» для исследования динамики внешнеполитического менталитета, учитывая гомогенность общества и специфические константы взаимоотношений с соседними государствами. В различные периоды своей истории руководители армянского народа всегда оказывались перед необходимостью уточнять особенности своей самоидентификации.

И каждый раз это происходило в периоды международных конфликтов, которые сопровождались давлением ценностных систем на традиционные нормативные системы армян, побуждая их определять, кто

«Мы», а кто – «Они». И все же в массовом сознании армян сохранилось базовое «ядро» – «Великая Армения» и ее смысло-жизненные установки, имеющие глубокие социокультурные и архитиповые корни, которые в совокупности формируют идеальный тип армянского человека, обладающего незаурядными адаптационными способностями в чужих пространствах, к культурным интервенциям и присвоением местного, не армянского. Поэтому изучение армянского менталитета вообще и внешнеполитического менталитета в особенности – это важный и актуальный вопрос понимания политики армянской националистической партии Дашнакцутюн.

Высокий потенциал жертвенности, сопричастности к этнической общности, привязанности к различным структурам в армянском менталитете обеспечивает возможность довольно гармонично переживать смены идентичности, возникающие в результате ослабления функций социокультурной традиции под влиянием извне. В результате, как правило, не насту

Марина ИЗОРИЯ

пает деструкция ценностно-смыслового ядра менталитета, способная дать толчок цепной реакции в виде аномии, ценностно-нормативного вакуума, разрыва в преемственности социальных и культурных норм и роста ретритизма. Проведенный компаративный анализ периодов развития армянского общества на протяжении веков позволил выявить ряд долгоживущих социокультурных констант и каузальной зависимости между экзогенными факторами и адаптивной реакцией на их воздействие. Если выполняется одно и то же условие – появление угрозы военной, экономической или информационной безопасности общества, то вне зависимости от других многообразных взаимодействий экономических, политических, социальных, культурных факторов, воспроизводится один и тот же паттерн внутри- и внешнеполитические реакции: включаются защитные механизмы, охраняющие фундаментальные ценности группизма, патернализма, преклонения перед авторитетом сильной власти, склонности к адаптации к внешним влияниям в целях гармонизации отношений, обособления в мире и абсолютизации своей национальной специфики.

Источником этнополитических конфликтов могут быть многие проблемы: социальные, политические, этнокультурные, лингвистические и др. Однако в данном случае причиной всех конфликтов на Южном Кавказе в 1918-1920 гг. была политика Дашнакцутюна, руководствующаяся древнеармянской идеей о воссоздании «Великой Армении».

Создание новой Армении из исторических грузинских и азербайджанских областей в 1918 году и влияние армянской пропаганды на общественное сознание граждан Грузии и Азербайджана остались на периферии научного исследования, так как нашим обществам в те времена не удалось сохранить историческую память граждан на своих исторических территориях, наоборот, произошла трансформация массового сознания [3, с. 127].

Проанализировать эволюцию армянских претензий, проследить их трансформацию, выявить новые формы их действий имеет важное значение в исследовании вопросов политики партии «Дашнакцутюна». Несмотря на вековую историю, т.н. «армянский вопрос» не теряет своей актуальности, а, наоборот, развивается, приобретает новые формы, виды, требует новых путей решения, и это затрагивает как наш регион, так и весь мир.

Партия «Дашнакцутюн», действующая под лозунгом социал-революционеров, применяла свою политику жестокого национализма, воинственности, реакционности не только против соседей турков и азербайджанцев, но были также беспощадно маузерской партией по отношению к своему народу. В 1912 году дашнаки завершили процесс формирования планов «Армении от моря до моря». «Армения без тюр-

ков» и «Этническая чистка» выдвигались как первый этап этого коварного плана. Дашнакские лидеры открыто требовали: «население Армении должно состоять только из армян. И язык, и религия, и одеяния, и памятники в этой стране должны принадлежать только армянам. Мы должны полностью арменизировать нашу жизнь. Самое большое несчастье армян состоит в том, что они соседствуют с Азербайджаном и с азербайджанцами.

Сначала очистите Армению от неармян, в первую очередь татар и тюрков. Питайте ненависть к тюркам, истребляйте мусульман, поджигайте их деревни, грабьте их имущество».

Армянские политические организации создали механизм перенесения бредовых идей «Великой Армении от моря и до моря» в плоскость конкретных военно-политических событий, что нашло свое выражение в их антиазербайджанской деятельности в 1918-1920 гг. [4, с. 43].

Месамедасисты (начальное название соц.-дем. партии Грузии) не вооружили грузинский народ маузерами. Партия принялась за культурную работу. Города, местечки, села покрылись публичными библиотеками-читальнями, их много было в Кутаисской губернии, в особенности в Гурии, в этой колыбели демократии Кавказа. Народные чтения, брошюры: популяризирующее учение Маркса о солидарности народов, об общности интересов угнетаемых классов... Вот тот талисман, которым месамедасисты отрезвили грузинский народ, отвлекли его от ненависти к своим соседям [5, с. 56].

К великому нашему несчастью, писал (Кариби) Петр Гелеишвили, не такая проповедь раздавалась среди армян. У них всегда разжигались национальные страсти, их всегда отравляли ядом шовинизма и человеконенавистничества.

Армянский Дашнакцутюн, вместо идеи равенства всех трудящихся, с первых же шагов своей деятельности начал прививать армянскому народу идею сепаратизма, стал внушать, что он не такой варвар, как его сосед курд или татарин, а избранный Богом народ, призванный прогнать эти некультурные народы и создать на их территории свое собственное национальное царство... [6, с. 57].

Допустим турецкие власти кровожадны. Но поставьте вместо Турции христианскую Россию или высококультурную Германию. Что бы Россия сделала, если бы русские поляки, во имя идеи объединения в один государственный организм всех поляков, проживающих в Европе, примкнули бы к австрийским полякам, пошли бы войной на Россию, поданными которой они состояли? Что бы сделала Германия, если бы французы Эльзаса и Лотарингии организовали добровольческие дружины для борьбы с Германией? Естественно, эти культурные христианские госу-

Марина ИЗОРИЯ

дарства сделали бы то же самое, что делала и делает Турция с армянами... [7, с. 58].

Армянские публицисты стремятся несчастье своего народа объяснить чрезмерной культурностью и свободолюбием армянского народа. Но такое объяснение нельзя считать серьезным... Причина в партии Дашнакцутюн, в этом ужасном зле армянского народа, в этом биче всех народов Малой Азии и в особенности Закавказья... [8, с. 25].

Провозглашение Азербайджанской Республики 28 мая 1918 г. в г. Тифлисе и образование в тот же день ее правительства сформировали новые политические реалии, не считаясь с которыми армянские политические организации не могли. Перед ними возникла жизненная необходимость изменения своей тактической линии в связи с резким сужением сферы деятельности по завоеванию гегемонии в Закавказье. Они постоянно занимались дестабилизацией ситуации [9, с. 78].

Тотальное уничтожение населения стало наиболее эффективным, быстрым, возможно, удобным способом для армян добиться своего желаемого результата [10, с. 74–77].

Насилие всегда играло и продолжает играть большую фундаментальную роль в жизни армянского общества. И в этом нет ничего случайного: практически вся история Армении насыщена самыми разнообразными методами насилия. Многогранность этого понятия ставит ученых самых разных областей знаний перед необходимостью обращаться к проблеме его изучения и объяснения.

Многовековая армянская этническая экспансия исторических южных областей Грузии не могла размыть исторические границы Грузии, однако армяне, обармянив грузинские топонимы и целые области, посчитали, что живут не в Грузии, а в Армении.

Новые армянские лидеры, приобщившись к древним, вековым тайнам и стремлениям своего народа, обновили новыми политическими «концепциями» свои права на излюбленные ими южно-грузинские области, так что древнему замыслу была придана новая форма, соответствующая новой эпохе [11, с. 83].

Грузинские общественные и политические деятели прекрасно видели неразрывную связь между древней армянской мечтой и новой дашнакской формой неизменного стремления к захвату новых грузинских областей, к тому же, они сами невольно оказались соавторами идеи «этнического размежевания», давая дашнакам повод и определенное чувство «справедливости» своих претензий к Грузии.

Безнравственные критерии, характерные для «творчества» дашнакских «мыслителей», особенно проявились в декабре 1918 года, в начале необъявленной позорной войны против Грузии. Исконно грузинские земли неожиданно стали предметом прямо-

го вооруженного посягательства со стороны тех, кто клялся нам в вечной дружбе и жил рядом с нами на протяжении веков.

В то время, когда в Ереване велись переговоры по мирному разрешению всех спорных вопросов между республиками и вырабатывались основы для намеченной конференции, армянские войска вели соответствующие приготовления вдоль границ Грузии для решения указанных вопросов военным путем.

7 декабря 1918 года, в 4 часа ночи Армения неожиданно, без объявления войны напала на Грузию. Этим своим шагом дашнакские руководители Армении вписали одну из самых черных страниц в историю армяно-грузинских отношений.

Армянские войска сняли пикеты грузинских пограничников в районе Кобера и зверски обошлись со спящими грузинскими солдатами [12, с. 86].

Комментируя вероломное нападение Армении на Грузию, И.А. Джавахишвили писал: «...несмотря на горькие уроки истории, правительство Армении не постеснялось вторгнуться в пределы Грузии и силой овладеть нашей столицей. Нетрудно представить, насколько у них возрастет аппетит, когда они вновь забудут горькие дни истории, поэтому грузинский народ и его правительство... обязаны обратить должное внимание на государственные границы и строго стоять на их защите. Это не помешает ни братству, единству, ни добрососедским отношениям с теми, кто, действительно, думает о братстве и добрососедстве» [13, с. 60-61].

Таким образом, планы дашнакского правительства Армении оторвать от Грузии ее южные области провалились, потерпев сокрушительное поражение. Своими действиями в отношении Грузии правительство Армении разрушило многовековые добрососедские отношения грузинского и армянского народов и вписало одну из черных страниц в историю взаимоотношений двух государств.

На международной арене не остались в стороне от этого армянского феномена, который используется сегодня в качестве средства для достижения политических целей. Применение насилия, очищение территории от не армян являются неотъемлемыми атрибутами дашнакской политики, которая представляет собой сферу довольно многообразную, постоянно обновляемую и во многом непредсказуемую.

Акты войны, агрессии, этнических чисток, политических убийств, репрессий по отношению к противникам отмечаются во все периоды истории Армении. Та распространенность, и те опасные последствия, которые являются неизбежным атрибутом насилия, делают необходимым теоретическое осмысление ряда проблем, относящихся к практике его применения. Сегодняшняя Армения – доказательство того, что она не может жить в бесконфликтном мире.

Марина ИЗОРИЯ

Мартовские события 1918 г. в Баку, в целом в Азербайджане, стали продолжением этой кровавой политики. Обстановка анархии, безвластия и безнаказанности, которые особенно усилились после 1917 года, открывала все новые и широкие возможности армянским национальным силам для реализации своих замыслов относительно создания собственного государства, границы которого подразумевались гораздо шире уже расчищенных от азербайджанского населения территорий. Борьба продолжалась, судьба будущей «Великой Армении» решалась в городах, в том числе и в Баку.

Уже в начале 1918 года партия «Дашнакцутюн» приступила к осуществлению преступного плана по выдавливанию азербайджанцев с их исконных земель для последующей их колонизации армянами [14, с. 33].

К началу 1918 г. армяне имели устойчивые политические, экономические и общественные позиции в Баку, будучи представленными во всех областях городской жизни. Армяне занимали третье место по численности всего населения г. Баку и его окрестностей после азербайджанцев и русских [15, с. 9]. Интересы армянского общества Баку представлял Армянский Национальный совет, куда входили почти все видные представители армянской знати и элиты. Армяне играли заметную роль в торговле, ремесле, финансах, были посредниками, ростовщиками и преуспевали даже в международных сделках. Армяне занимали ведущие места во всех ветвях и органах городской власти. Армянская церковь в Баку исполняла все те же функции «Эчмиадзина» – «особого теократического образования, успешно заменявшего армянам официальную государственность» [17, с. 12]. В Баку действовали местные организации всех армянских политических партий и организаций, в том числе «Дашнакцутюн», кроме того, армяне были членами местных организаций почти всех российских политических партий разного толка и направлений. Особенно широко они были представлены в большевистской организации, а также в самом Бакинском совете, который возглавлял также армянин – Степан Шаумян. Этот, на первый взгляд субъективный фактор, впоследствии сыграл довольно решающую роль в разыгравшейся мартовской трагедии. Будучи довольно известным большевистским лидером, С.Шаумян выделялся своим крайне враждебным отношением к такому марксистскому принципу как право народов на самоопределение, выступая даже против простого его декларирования. Именно за такую позицию В.И.Ленин критиковал его еще в 1914 году: «Не стыдно ли российскому марксисту стоять на точке зрения армянского курятника?

...из армянской слепоты Вы становитесь подручным Пуришкевичей и их национализма» [18, с. 302].

Накануне мартовских событий в газете «Бакинский рабочий» за 15 марта 1918 г. было опубликовано письмо В.И.Ленина, где Шаумян также подвергался резкой критике за позицию по национальному вопросу. Однако очень скоро выяснилось, что крайне неприемлимое отношение С.Шаумяна к предоставлению автономии народам, относилось только к другим народам, в том числе азербайджанскому. А в отношении собственного народа национальные интересы в этом «русском марксисте» брали верх над классовыми. Не случайно, именно Шаумян должен был выполнить задачу по реализации плана создания армянской автономии на временно оккупированной русскими войсками турецкой территории. В подписанном В. И. Лениным и И. В. Сталиным «Декрете о Турецкой Армении» от 29 декабря 1917 г. Совет народных комиссаров объявлял армянскому народу, что «Рабочее и Крестьянское правительство России поддерживает право армян оккупированной Россией «Турецкой Армении» на свободное самоопределение» и Шаумян, назначенный Лениным чрезвычайным комиссаром по делам Кавказа, лично «обязывался» оказывать всяческое содействие армянским организациям «для проведения в жизнь национальной идеи, которую ждал в течение веков угнетенный армянский народ» [19, с. 298-299].

Таким образом, Российское правительство – хотя и не царское, а большевистское – декретом от 29 декабря 1917 г., наконец-то представило Армении долгожданное право автономии на территории Турции, поручив его осуществление новоявленному большевистскому наместнику Кавказа – «русскому марксисту» и «верному сыну армянского народа» Степану Шаумяну. Однако никакой реальной власти для воплощения этой «автономии» в жизнь ни у большевиков, ни у Шаумяна, при всех военных возможностях армянских национальных сил и «Дашнакцутюн», в это время не было. Россия сама была охвачена гражданской войной, анархией и разрухой, Бакинская нефть являлась «главным нервом всей российской фабрично-заводской промышленности и транспорта» [20, с. 2], и директивы Москвы требовали от Шаумяна решительных действий для упрочения Советской власти в самом Баку, где решался вопрос жизни и смерти большевистской власти во всем Закавказье. Не случайно, что именно в это время большевистские лидеры всерьез вынашивали планы по отторжению Баку и других прикаспийских территорий Бакинской губернии от Азербайджана с последующим их включением в состав Российской Федерации. Идея отторжения Баку от Азербайджана была выгодна и партии «Дашнакцутюн», поскольку облегчала реализацию ее планов по включению обширных территорий Бакинской и Елизаветпольской губерний в состав будущего армянского государства в Закавка-

Марина ИЗОРИЯ

зь [21, с. 41]. Позиции армянских националистов и большевистской организации Баку, костяк которой составляли также армяне, совпадали в отношении ограничения азербайджанских национальных сил, во главе с «Мусават», в их стремлении к независимости. Они оказались абсолютно солидарны и в вопросе разгрома азербайджанских национальных сил в Баку, и в уничтожении социальной базы этих сил – мусульманского населения. Так, Шаумяна, открыто заявляющего в газете «Бакинский рабочий» в феврале 1918 г.: «Мусаватисты, желающие автономный Азербайджан, получают в итоге груды развалин» [22, с. 3], полностью поддерживал Армянский Национальный совет, лихоградоно собирающий армию, которая и должна была превратить Азербайджан в

«груды развалин». Организацией армянского армейского корпуса и отправкой воинов-армян на Кавказ занимались и высшие армянские военачальники, находящиеся в Петрограде. Так, для нужд армянского корпуса были отправлены несколько бронепоездов, автомобилей, технических средств и снаряжений, санитарный поезд. 6 февраля 1918 г. в Баку прибыл генерал-майор Иван Баграмян, а 7 марта приехали генералы Ростом Зарьян и Акоп Багратуни [23, с. 2]. Стремясь задержать в Баку армянских солдат, возвращавшихся с фронта, и использовать их в готовящемся вооруженном сражении, Армянский Национальный совет в начале марта 1918 г. обратился с воззванием «К армянским воинам» и в слегка завуалированной форме призывал их держать оружие при себе и быть готовыми применить его везде, где этого потребует защита интересов армянской нации [24, с. 3].

Одна из первых масштабных операций армянских формирований по этнической чистке территории Закавказья от азербайджанцев была осуществлена в Эриванской губернии. С 17 по 21 февраля 1918 года регулярные армянские вооруженные формирования под командованием полковника Пирумова, применив артиллерию, стерли с лица земли в этой губернии 21 азербайджанское село [13]. В целом же в период с начала 1917 года по март 1918 года в Эриванской губернии было разграблено и уничтожено 197 азербайджанских сел [25, с. 30].

М. Э. Расулзаде, охарактеризовав произошедшую трагедию как национальную резню, отмечал, что число уничтоженных мусульман доходило до 10 тысяч человек, подавляющую часть которых составляли рабочие и обездоленные слои населения, среди них тысячи женщин, детей и людей, не способных носить оружие [26, с. 11]. Уже после расследования мартовских событий, согласно обобщающему отчету Чрезвычайной следственной комиссии, было названо наиболее вероятное число погибших только тюркомусульманского населения: 11 тысяч человек. Более

точное число – 12 тысяч человек было указано чуть позже [27, с. 15].

Было бы ошибкой считать, что геноцид азербайджанцев в Баку произошел стихийно: он был тщательно организован, в том числе с идеологической и психологической точек зрения, и был подготовлен заранее. Планирование, подготовка, развязывание или ведение агрессивной войны в соответствии с армянской национальной идеей оправдывалось всеми слоями армянского общества. Действия армянских формирований – это преступление не только против азербайджанского народа, но и преступление против мира, поскольку ведут к нарушению мирного сосуществования народов и государств, многочисленным человеческим жертвам, невероятным страданиям мирного населения, в том числе женщин и детей.

Безнаказанность вышеуказанных армянских зверств против мирного азербайджанского народа привели к новым посягательствам армян, теперь уже и на Азербайджанскую государственность, так, оккупация Нагорно-Карабахской области и прилегающих к ней областей является тому доказательством, ныне 20% исторической территории Азербайджана оккупирована, более миллиона азербайджанцев являются беженцами в своем же государстве. Причиной, объясняющей такую политику Армении, и ее действия против соседнего народа, является древняя армянская идеология, главная цель которой – создание «Великой Армении» из территории Азербайджана, Турции и Грузии.

Армянская идеология на протяжении веков была сформирована армянскими историками на ложной исторической основе. Эта ложная идеология стала основной доктриной всего армянского народа, популистическое утверждение «о принадлежности Армении определенной части исторических областей Грузии, Азербайджана и Турции», присвоение культурного достояния грузинского и азербайджанского народов порождено стремлением возвеличения армянского народа и представления собственной нации в глазах мирового сообщества определенного сознания «былого величия» многострадального армянского народа.

Принято считать, что популизм как явление характерно исключительно для политического деятеля. Однако оно стало политическим оружием для целого армянского народа. Многие ученые посвятили этому армянскому феномену свои исследования, отмечая, что суть этого явления остается неуловимой: «никто не представляет себе в точности, что же это такое: его смысл ускользает, не поддается определению». Возникнув как армянская идея, оно стало народным движением в борьбе против тех народов, которые приютили их, он видоизменялся и появлялся на политической арене в качестве «нового курса», новых

Марина ИЗОРИЯ

действий в соответствии с новым временем, но суть остается прежней – демагогия преподносится мировому сообществу как историческая правда.

Важными элементами на пути строительства из земель сопредельных народов национального армянского государства стали: фальсификация истории, национальный популизм, постоянное подогревание националистических страстей, поиск «врагов» в среде ближнего, психологическое давление на умы и сердца людей, заставляющее их быть единым воплощением нации. Общая природа армянского национального народного популизма и национализма связана с наличием консолидирующей общности и основывается на исторической демагогии. Армянский этнопопулизм превратился в метод политической борьбы, цель которого – сохранение и расширение приобретенного армянского геополитического пространства.

Армянский этнопопулизм является идеологией, это постоянно варьирующий тип армянского мышления, проявляющийся в различных исторических условиях в результате возникновения особой политической ситуации. С точки зрения политической психологии, армянский этнопопулизм характеризуется недоверием и подозрительностью ко всем соседям, проникнут враждебностью ко всему чужому. Он весь «анти», антитурецкий, антиазербайджанский, антигрузинский, при необходимости, антироссийский и т.д.

Как свидетельствует история, популизм исчез, растворяясь в более устойчивых идеологиях

и движениях. Один из путей вел к национализму, армянский этнопопулизм на протяжении истории реформировался в соответствии с политической погодой, и сводился к тому, что армянский этнопопулизм является идеологией, исходящей из признания народа главной ценностью ложной истории, в противовес объективной истории других народов и государств.

Таким образом, понимание и определение тенденций развития современной системы коллективной безопасности, поиск ее четких стратегических ориентиров в условиях, многоуровневого и разноскоростного сближения государств на европейском пространстве являются важнейшей и приоритетной задачей. В силу глобального характера угроз, стоящих сегодня перед миром, обеспечение безопасности любого государства возможно только в рамках коллективной стратегии. В зависимости от того, каким будет место и роль Грузии и Азербайджана в данной коллективной стратегии, зависит как ее будущее, так и позитивное развитие всей системы норм, принципов и институтов мира и безопасности наших государств. Думается, что геополитическое будущее наших стран предопределено самой судьбой: жить всем вместе и совместно бороться против наших государственных врагов, тогда нам не помешает не только политика Дашнакцутюна, но и геополитические действия держав. Совместными действиями мы вернем наши оккупированные территории для мирного развития нашего общего дома - Кавказа

Литература:

1. Варандян М. История партии Дашнакцутюн (1890–1950), 1950, т. 2.
2. Markhulia G. "Dashnaktsutium" and its politics in 1918-1920 years. - Tbilisi, 2010.
3. Мархулия Г.Р. «Дашнакцутюн» вновь на службе России. //Кавказ и мир, (Тбилиси), 2010, № 7.
4. Адрес-календарь Азербайджанской Республики на 1920 г. (Министерство иностранных дел. Министерство призрения). В сб.: История Азербайджана по документам и публикациям, с. 167–179. – Баку: Элм, 1990.
5. Кариби. Красная книга. – Тифлис, 1919.
6. Кариби. Красная книга. – Тифлис, 1919.
7. Кариби. Красная книга. – Тифлис, 1919.
8. Алиев И.Г. Карабах. – Баку: Элм, 1989.
9. Качазнуни О. Дашнакцутюн больше нечего делать! – Баку: Элм, 1990.
10. Мархулия Г.Р. Армяно-грузинские взаимоотношения. – Тбилиси: Универсал 2008. - 258с.
11. Ахалцыхская нетерпимость. В сб.: История Азербайджана. -Баку: Элм, 1990.
12. В архивных документах «небрежно» были зачеркнуты сводки оперативного значения, где нам удалось вычитать, что 17 грузинским пограничникам были отрезаны головы. -//ЦГИАГ, ф. 1969, оп. №1, д. №21, л. 18.
13. И.А. Джавахишвили, Границы Грузии. – Тбилиси, 1919. (на груз. яз.).
14. ЦГИАА, ф. 894. оп. 10, д. 80, л.л. 49-56.
15. Айдин Балаев. Мартовские события 1918 года в Азербайджане. – Тбилиси: Универсал, 2009. - 56с.
16. Документы по истории Баку. 1810-1917.- Баку, 1978.
17. ГАППОД АР, ф. 277, оп. 2, д. 26, л. 2.
18. Наджафов Б., Лицо врага. Ч. 1. - Баку, 1993.
19. Ленин В.И. Полн. Собр. Сочинений, т. 48.
20. Декреты Советской власти. – Москва, 1957, т. 1.
21. Известия Бакинского Совета (Баку), 1918 г., 21 мая.

Марина ИЗОРИЯ

22. А. Балаев. Февральская революция и национальные окраины. Мартовские события г. в Азербайджане.- Баку, 2007.
23. Бакинский рабочий 1918, 17 февраля.
24. Армянский Вестник (Ереван), 1999 г., № 1-2 (электронный вариант).
25. Документы по истории Баку. 1810-1917. - Баку, 1978.
26. А. Балаев. Азербайджанское национальное движение 1917-1918 гг. - Баку: ЭЛМ, 2008.
27. Наджафов Б. Лицо врага. Ч. 1,- Баку, 1993.

Summary

In the absence of an independent nation-state as the main condition for sustained development of the nation and the necessary political institution for ensuring and protection of national interests in the political life of Armenia, in 1890 a new political organization "Dashnaktsyutyun" was established.

Armenian ideology is a constantly maneuvering type of Armenian thinking revealing in different historical conditions as a result of the formation of a particular political situation. From the standpoint of political psychology Armenian ethno-populism is characterized by mistrust and suspicion to all the neighbors, is inspired with hostility to anything alien. It is all "anti" – anti-Turkish, anti-Azerbaijani, anti-Georgian and in case of need anti-Russian, etc.

Impunity of Armenian atrocities against innocent people of Azerbaijan nowadays has led to new Armenian attacks on the statehood of Azerbaijan. The reason for this Armenian policy and the Armenian people behavior against the neighboring people is an ancient Armenian ideology, the main objective of which is the creation of "Great Armenia" from the territory of Azerbaijan, Turkey and Georgia.

Keywords: Nation-state, political institution, ideology, attacks, territory.

Оксана МАЗУР,
кандидат политических наук,
доцент кафедры Политологии
и Международных Отношений
Восточноукраинского национального
университета им. Владимира Даля

ПОЛИТИЧЕСКИЙ РЕЖИМ КАК СИСТЕМА ФОРМИРОВАНИЯ И ПОДДЕРЖКИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПОРЯДКА

Глобальные политические изменения, которые состоялись на рубеже XX и XXI веков, поставили перед учеными большие концептуальные задания. Большинство стран начали формировать новые политические системы под воздействием транзитных процессов, что привело к активизации использования в политических исследованиях понятия политического режима и наполнения его обновленным содержанием. Следствием этих тенденций стало умножение альтернативных форм концепта политического режима, в частности выделение большого количества под-типов, таких как «неопатримониальный режим»,

«военная демократия», «авторитарная демократия», «протодемократия» и др. Как отмечают Д. Кольтер и С. Левицкий, анализ современной литературы дает возможность обнаружить свыше 550 определенных лишь демократического режима, так сказать «с прилагательными» [1, с. 176].

Проблемы и особенности формирования и функционирования политических режимов стали предметом исследований таких ученых, как К. Бакстер, Ж.М. Денкен, К. Дойч, М. Дюверже, К. Лоуренс, С. Мейнваринг, Ч. Моррис, Ф. Редер, Л. Санистебан, М. Сейвард, С. Хантингтон, Й. Шумпетер и др. В Украине и на постсоветском пространстве известны имена таких ученых как В. Горбатенко, О. Донченко, О. Категоренко, В. Ребкало, Ф. Рудич, О. Соловьев, Б. Цимбалистый, А. Чемшит, Ю. Шемшученко и др. Большинство ученых уделяет внимание проблемам формирования и развития политических режимов, их институционализации и легитимации. Недостаточно разработанной, на наш взгляд, остается проблема результативности политических режимов, их способности к конкретной реализации цели политического развития.

Исходя из этого, цель работы заключается в том, чтобы определить взаимосвязь сущности и функциональной эффективности политического режима, его способности обеспечить институционализацию и

воссоздание политической власти в виде механизмов ее формирования, внешней и внутренней легитимности, принятия политических решений, политического участия граждан, доминирующих моделей политического поведения и тому подобное.

Определяя сущность и современные черты политических режимов, необходимо учитывать вывод Дж. Сартори о важности избегания концептуального растягивания понятий. То есть, нужно подниматься

«лестницей абстрактности» [2, с. 104], продвигаясь к концептам, которые имеют меньше определяющих атрибутов, и потому характеризуют большую совокупность случаев. В соответствии с этим главной целью научного анализа является объяснение и актуализация разных модификаций концепта политического режима, избегая чрезмерного концептуального растягивания и храня достаточный уровень дифференциации.

Рассмотрим спектр определений, предложенных в проанализированных современных исследованиях. Необходимо отметить, что категория «политический режим» достаточно часто используется весьма неоднозначно в одном ряду с такими категориями, как политическая система, государственный режим, политический строй, государственный строй, форма правления. Как справедливо отмечал по этому поводу А. Мельвиль, в политической науке для определения социального характера и порядка отношений между управляющими и управляемыми, а также методов и эффективности господства в целом используется категория политического режима. Этот термин возник в западной литературе еще в XIX столетии, а в широкое научное обращение вошел сразу после второй мировой войны. Но до сего времени есть много вариантов употребления и трактовки этого понятия [3, с. 153].

Один из первых в современной науке подходов к интерпретации политического режима предложил М. Дюверже, который рассматривал его в двух основных

Оксана МАЗУР

аспектах. В первом случае, как «структуру правления, тип человеческого общества, которое отделяет одну социальную общность от другой», а во втором – как «определенное сочетание системы партий, способа голосования, одного или нескольких типов принятия решений, одной или нескольких структур групп давления». Совокупность политических институтов, которые действуют в данной стране в определенный момент, складывают «политический режим», в определенном смысле политические режимы – это созвездия, звездами которых являются политические институты [4].

Другой французский политолог Ж. – Л. Кермонн, отталкиваясь от предложенной М. Дюверже формулировки, дополнил понятие «политический режим», включив в него принцип легитимности, структуру институтов, партийную систему, форму и роль государства. Таким образом, он предложил следующее определение: «Под политическим режимом понимает совокупность элементов идеологического, институционального и социологического сорта, которые способствуют формированию политического управления определенной страны на определенный период» [5].

Известный французский социолог Р. Арон включал в содержание политического режима следующие составляющие: 1) конституцию, которая интерпретируется политиками как средство правления; 2) характер партийной системы; 3) функциональные показатели (избирательный закон, выборы, полномочия и состав парламента, их отношения с правительством); 4) роль групп давления; 5) характер политической элиты [6].

По мнению классика американской политической науки Р. Макридиса, политический режим «означает специфические пути и средства, которыми общие функции политической системы могут быть структурированы и встроены в институты и процедуры, а также специфические взаимоотношения, которые возникают в ходе этого» [7].

Особенность понимания политического режима американским политологом Г. Лассуелом заключается в исследовании режима, прежде всего, как средства упорядочения и легитимации политической системы. По мнению ученого, «режим» или «форма правления или политический порядок» является образцом политических форм, который создается для того, чтобы минимизировать элемент принуждения в политическом процессе» [8]. Характерным является то, что Г. Лассуел разделяет понятие «политический режим» и «политическое правление», последнее, по его мнению, включает в себе пути распределения и реализации контрольных функций в политике.

Исследователи современного политического транзита Г. О’Доннел и Ф. Шмиттер, отмечают, что

политический режим – это «совокупность структур, явных или скрытых, которые определяют формы и каналы доступа к ведущим правительственным должностям, а также характеристики деятелей, которые подходят или не подходят к таким структурам, и используемые ими ресурсы и стратегии с целью получения желательного назначения» [9]. Особенность такого определения заключается в акцентировании не только формально-правовых, нормативных черт политической организации общества, но и реальных средств и методов осуществления публичной политической деятельности.

Достаточно распространенными являются определения политического режима как качественной характеристики, сущности государства. Так, Ж. Бурдо с помощью понятия «политический режим» предлагал определять политическую демократию как уровень прав и свобод, характер политической системы и другой. Ж. Бурдо утверждает, что именно эти признаки играют решающую роль в организации государственной власти [10, с. 13-14].

Американский политолог М. Хагопян использует понятие «полития», «политическая система» и режим как синонимы. Именно эти категории, по мнению ученого, означают «фундаментальную организацию политической жизни», поскольку выражают общие структурные характеристики политического порядка [11].

Российские исследователи М. Грачев и В. Ирхин определяют политический режим как «категорию, которая раскрывает способ функционирования политической системы, в самом общем виде включает в себя совокупность методов осуществления политической власти, степень реализации демократических прав и свобод личности, отношения государственных институтов к правовым принципам собственной деятельности, а также меру соответствия между официальными нормами и реалиями политической жизни». Они также отмечают, что характер политического режима отражает соотношение основных компонентов государства и их опосредования политической системой [12, с. 7].

Политическая наука различает также понятие «государственный режим» и «политический режим». Если первое характеризует методы осуществления государственной власти, то второе определяет среду и условия политической жизни общества, иначе говоря, определенный политический климат, который существует в определенном обществе в определенный момент исторического развития [13, с. 86]. Ф. Кардозо [14] отмечает: «Важным является вопрос различения понятий политического режима и понятия государства. Под понятием «политический режим» я имею в виду формальные правила, которые связывают главные политические институты (законодатель-

Оксана МАЗУР

ную власть к исполнительной, исполнительную к судебной власти, к партийной системе, к ним вместе), равно как и результат политической природы связей между гражданами и правителями (демократический, олигархический, тоталитарный или любой другой). Определение понятия «государство» является сложным вопросом, но в нем есть определенная степень согласия в том, что на наивысшем уровне абстракции понятие государства ссылается на базовый альянс, основной «договор преимущества», который заключается между социальными классами или группами доминирующих классов и норм, что гарантирует их доминирование над подчиненными».

Этой позиции придерживается также и Л. Спиридонов, который отмечает: «Политический режим - характеристика не только (и даже, возможно, не столько) государства, но и всей политической системы: отношения между людьми по поводу государственной власти и отношения людей с государственной властью, которые складывают содержание политического режима, разворачиваются именно в сфере политической системы» [15, с. 217].

В. Корельский подчеркивает, что политический режим представляет собой методы осуществления политической власти, итоговое политическое состояние общества, которое складывается в результате взаимодействия и противоборства разных политических сил, функционирования всех политических институтов и характеризует демократизм или антидемократизм [16, с. 238]. М. Марченко определяет политический режим как средство взаимосвязи государства с населением страны, которая содержится в применяемых методах управления обществом [17, с.193].

Используя понятие «политический режим» для обозначения совокупности приемов и методов, с помощью которых осуществляется политическая власть, Ю. Мациевский обращает внимание на такие характерные признаки: а) процедуры и способы формирования властных институтов; б) стиль принятия политических решений; в) взаимосвязь между властью и гражданами. Стоит отметить, что перечисленные признаки политического режима дают возможность легко различать устоявшиеся автократии или демократии, однако они не очень пригодны для определения переходных режимов. Поэтому для анализа политического режима государства, которое находится именно в процессе трансформации, эти признаки (индикаторы) необходимо уточнить [18].

В контексте проблематики общественнополитического развития русский ученый Д.Лубнин в диссертации на тему «Эволюция, формы и перспективы развития политического режима в современной России» (2009 г.) определяет, что политический режим – это особенное состояние общественных отношений, которое складывается в результате

применения определенных средств осуществления публичной власти и характеризуется уровнем развитости и гарантирования прав и свобод человека. Выступая в качестве составной части формы государства, он представляет собой совокупность методов и средств политического владычества, которые создают определенные условия жизнедеятельности лица в обществе. Демократическим политическим режимам присущи правовые, ненасильственные методы и средства осуществления властного влияния, активное использование правовых стимулов и договорных отношений. Антидемократические политические режимы, напротив, применяют, преимущественно, неправовые средства влияния, насильственные методы, популизм, вводят практику правовых ограничений, жесткой централизации управления и концентрации власти. В них преобладает принуждение, а не убеждение [19].

Как модель функционирования политической системы общества трактуется политический режим в диссертации Н. Горева «Трансформация политического режима в постсоветской России» (2010 г.). Содержание этого феномена русская исследовательница видит в средствах функционирования политической системы, совокупности приемов и методов владычества, фактическом состоянии политических отношений, прав и свобод граждан, политической активности, состоянии законности [20].

Более четко соотношение политического и государственного режима прослеживается при исследовании структуры данных явлений.

Структура государственного режима ограничена по сравнению с политическим режимом и включает лишь элементы, которые характеризуют реализацию функций государства. К ним можно отнести: методы, средства и способы осуществления государственной власти органами государства и их должностными лицами; «инструменты» осуществления непосредственного участия населения в осуществлении государственной власти; методы, которые используются международным сообществом относительно конкретного государства; наконец, методы, средства и способы управления осуществляемые другими субъектами в порядке делегирования государственных полномочий. Очевидно, что данный перечень полностью включается в совокупность элементов политического режима. Следовательно, мы обоснованно можем сделать вывод о том, что государственный режим является частью режима политического.

Таким образом, понятие политический, в отличие от государственного, является полнее, поскольку содержит в себе не только властные отношения, которые нормируются государством и в которых субъектами и объектами является государство с его органами (сфера государственного), но и те отношения, которые

Оксана МАЗУР

выходят за пределы государственного и принадлежат к взаимодействию в сфере гражданского общества. Следовательно, политический режим содержит в себе совокупно государственный режим (как конституционно закрепленную форму территориальной организации власти и государственного самоопределения народа), негосударственные институции и политические отношения гражданского общества.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о достаточной обоснованности политического режима как совокупности методов, средств и приемов осуществления власти. В то же время, недостаточно разработанным остается исследование системных характеристик эффективности и результативности политического управления. По определению Р. Арона, важнейшее задание современных конституционно-плюралистических режимов – не в том (или не только в том), чтобы смягчить олигархичность правления, а в уменьшении риска распыления власти и бессилия правителей [21].

Именно такой подход к анализу политического режима встречаем в известном труде С. Хантингтона «Политический порядок в меняющихся обществах» [22]. Автор определяет, что главное отличие разных стран в политическом отношении есть не форма правления, а степень развития политического управления. Демократические страны и диктатуры, по мнению С. Хантингтона, отличаются одна от другой меньше, чем те государства, политическая жизнь которых характеризуется согласием, прочностью общественных связей, легитимностью, организованностью, эффективностью, стабильностью, от тех стран, где этого недостает.

Таким образом, в качестве главной характеристики режима выступает политический порядок, как способность высокоинституционализованной политической системы хранить свою качественную определенность путем привлечения новых групп в политику таким способом, чтобы они действовали в соответствии с уже принятыми в обществе нормами и ценностями. Особенный вес проблема политического порядка приобретает в обществах, которые осуществляют трансформацию политической системы. Как отмечает С. Хантингтон, главная проблема этого процесса – не обеспечение свободы, а утверждение законного политического порядка, стойкость которого и становится одной из главных ценностей переходного общества. «Порядок может, без сомнения, существовать и без свободы, но свобода невозможна без порядка», – утверждает ученый [23]. Перед тем, как задаваться вопросом об ограничении власти и достижении свободы, должна существовать сама власть, но именно власти и не хватает в обществах, которые модернизируются, именно там она является заложницей противоборства политических сил.

Политический порядок – это структура системы общественных отношений, которые материализуются в разного рода институтах, принципах, правилах и обеспечивают целостность той или другой социальной системы [24, с. 93-95]. Проблему порядка рассматривали во многих теориях: общественного договора Ж. – Ж. Руссо, ценностного согласия О. Конта, социокультурной динамики П. Сорокина, коммуникативного действия Ю. Хабермаса, открытого общества К. Поппера, расширенного порядка человеческого сотрудничества Ф. А. Хайека, структуризации Е. Гидденса и тому подобное.

Как отмечает О. Киндратец, социальный порядок порою называют каркасом общества. Существуют разные точки зрения на условия формирования социального, политического порядка. Одни ученые рассматривают порядок как состояние общества, которое имеет естественный, самоорганизационный характер. Другие, напротив, считают, что порядок возникает в результате принуждения, является искусственным и управляемым [25].

В современных политических системах и идеологических конструктах политический порядок рассматривается как нормативный идеал, выступает в качестве преимущественно консервативной ценности и означает, прежде всего, политическую стабильность.

В пределах структурно-функциональных и системных подходов категория политический порядок, как правило, не является самостоятельной, а используется для характеристики системных качеств. Здесь порядок выступает или как системно-структурная целостность, или стабильность, или противоположность качественным изменениям. В теории рационального выбора порядок рассматривается как равновесие, синергический подход анализирует процессы формирования порядка из хаоса, что протекают в открытых, сложно организованных системах.

Определенно, что традиционная политическая теория рассматривает проблему порядка или в ракурсе «политического договора», который отражается в конституциях и законах, или «моральной обязанности», чаще связанной с религиозными наставлениями. Вне пределов научного исследования остаются два других вида порядка: порядок, основанный на уме и рациональности, и порядок, который устанавливается путем «соревнования и принуждения» [26].

По мнению авторов методологии «нового» институционализма, все разновидности политического порядка тесно связаны. Политический порядок в соответствии с таким комплексным подходом должен рассматриваться как совместная деятельность и общение людей, которое основывается на соглашениях и обязанностях, рациональности и целеполагании, состязательности и конфликте, и конкретизируется в концептах исторического, темпорального, эндогенно-

Оксана МАЗУР

го, нормативного, демографического и символического порядков [27].

В докторской диссертации П. Панова «Политический порядок: проблема концептуализации и институционализации» (2011 г.) политический порядок рассматривается как разновидность социального порядка, институционализация которой происходит в пределах гетерогенной социальной группы макроуровня, и которая позволяет связать социальные порядки, которые сложились в отдельных социальных группах микроуровня за счет того, что на макроуровне возникает властный центр или несколько властных центров, генерирующих общие модели поведения и культурные концепты [28].

Исследователь отмечает то, что категория политического порядка выступает в качестве «смыслового ядра» системы понятий, которые определяют ведущие черты политического как специфической сферы социальной реальности. Фундаментальная особенность категории политического порядка заключается в том, что она основывается на сочетании внутренних и внешних гарантий легитимности, которое обеспечивает существование организованных политических общностей. Автором выдвинута и обоснованная интересная формулировка политического порядка как воссоздание институционализированных политических практик.

Вполне можно согласиться и с Е. Баталовым о том, что «политический порядок» можно определить как «структуру системы общественных отношений (что материализуется в разного рода институтах, принципах, правилах), которая обеспечивает сохранение целостности той или другой социетальной системы, – от небольшого поселения к мировому обществу в целом» [29, с. 95]. А воссоздается этот порядок путем принятия и реализации с помощью соответствующих механизмов управленческих решений в зависимости от ситуативных условий, которые сложились в данный исторический период.

Украинская исследовательница Т. Семенченко в диссертации на тему «Политический порядок как форма организации политической жизни: теоретико-методологический аспект» (2007 г.) устанавливает, что «категория политический порядок» раскрывает нормативно-регулятивные принципы политики как человеческой жизнедеятельности и является формой организации политической жизни, построенной на иерархических связях политических актеров, которые формируют властные отношения субординации и координации, при наличии универсальных регулятивных норм и общего пространства политических ценностей, в котором эти нормы действуют». Автор отмечает то, что содержание политического порядка представляет организацию властных отношений на основе градации статусов политических субъектов

по степени значимости и влиятельности и создание между этими субъектами отношений субординации и координации. Политическая иерархия в современном политическом порядке является продуктом конструирования со стороны государства, других социальных институтов и индивидов. По мнению Т.Семенченко, необходимо различать формирование политического порядка в условиях моноцентричного и полицентричного политических пространств, где в первом случае, господствующая группа использует государство для конструирования политической иерархии в конфигурации, наиболее благоприятной для реализации ее интересов, а во втором – действуют механизм интeриоризации проекта иерархии в результате действия пропаганды и агитации или механизм насильственного конструирования иерархии [30].

На основании анализа современных определений политического режима можно выделить следующие его сущностные признаки.

Во-первых, политический режим решает задание социальной и политической стабилизации, он способствует организации масштабных, макросоциальных процессов. Для достижения поставленной цели общественного развития режим требует поддержки гражданского общества. К тому же, отношения власти и оппозиции, граждан и государства являются важными критериями характеристики и типологии политического режима.

Во-вторых, центральной характеристикой режима является формирование и поддержка определенного политического порядка, стабильности политической системы, приведения ее элементов, структурных характеристик в упорядоченное взаимодействие, обеспечение их слаженности и координации.

В-третьих, режим, является системой средств и механизмов воссоздания институционализированных политических практик – многопартийности, политической конкурентности, механизмов формирования власти, взаимодействия гражданского общества и государства.

Опираясь на концептуальные подходы западных, а также современных русских и украинских ученых, предлагаем определение политического режима как системы формирования и поддержки определенного политического порядка, сущность которого заключается в воссоздании институционализированных политических практик. Под институционализированными политическими практиками понимается порядок формирования власти, партийной системы, принятия политических решений и другие правила и процедуры, которые обеспечивают способность политической системы к выполнению определенных Т. Парсонсом функций: интеграции, целедостижения, адаптации и воссоздания собственного культурного образца.

Оксана МАЗУР

Преимущества такого определения заключаются, во-первых, в том, что исследуемый феномен рассматривается как система, а не просто совокупность факторов или принципов организации власти.

Во-вторых, акцентируется внимание на главной сущностной черте – создании политического порядка, в пределах которого могут быть реализованы основные функциональные нагрузки режима.

Литература:

1. Кольер Д., Левіцкі С. Демократія «з прикметниками» концептуальні оновлення у процесі порівняльних досліджень // Демократія: Антологія / Упоряд. О. Проценко, - Киев: Смолоскіп, 2004, с.176-206.
2. Sartori G. Concept Misformation in Comparative Politics // American Political Science Review. - 1970. – Т.64. – р.1040.
3. Категории политической науки: Учебник для студентов вузов / Под ред. А. Ю. Мельвиля. - Москва: МГИМО (У) МИД РФ, РОССПЭН, 2002. - 656 с.
4. Дюверже М. Политические институты и конституционное право // Антология мировой политической мысли. - Москва: Мысль, 1997. - Т. 2, с. 646-647.
5. Политическая наука: Словарь-справочник / Сост. проф. Санжаревский И. И., 2010, Режим доступа. - <http://dic.academic.ru/dic.nsf/politology/1335/%D0%9A%D0%B5%D1%80%D0>
6. Арон Р.Д. Демократия и тоталитаризм / Пер. с фр. Г.И. Семенова. – Москва: Текст, 1993. – Режим доступа umer.info/bibliotek_Buks/Polit/Aron/index.php
7. Macridis R. Contemporary Political Ideologies. / R. C. Macridis – Boston-Toronto: McClelland and Stewart, 1986. – 286 p.
8. Короткий оксфордський політичний словник / За ред. І. Макліна, А. Макмілана. [Пер. з англ.] – Киев: Вид-во Соломії Павличко «Основи», 2005. - 789 с.
9. O'Donnell G., Schmitter P. Transition from Authoritarian Rule. Tentative Conclusions about Uncertain Democracies. – Baltimore MD The Johns Hopkins University Press, 1986. – 81p.
10. Современная западная политическая наука / Под ред. О. Э. Лейста, Москва: Издательство "Зерцало", 2000. - 688 с.
11. Baxter C. Democracy and authoritarianism in South Asia / C. Baxter // J. of intern. affairs. – New York, 1985. – Vol. 38. – №2.
12. Грачев М. Н., Ирхин В. Ю. Актуальные проблемы политической науки: коллективная монография. – Москва: Экономическая демократия, 1996. - 372 с.
13. Теория государства и права. Учебник / Под ред. Спиридонова Л. В. – Москва: Юридическая литература, 1994. - 317с.
14. Данілюк Н. Основні підходи до трактування поняття «політичний режим» // Освіта регіону. – 2009, №3 с. 55-60.
15. Теория государства и права. Учебник / Под ред. Спиридонова Л. В. – Москва: Юридическая литература, 1994. - 87 с.
16. Теория государства и права. Учебник для вузов. / Под ред. Корельского В. М. – М.: Норма, 2001. - 238 с.
17. Марченко М. Н. Курс лекций по теории государства и права. – Москва: БЕК. 2001. - 293 с.
18. Мацієвський Ю. Між авторитаризмом і демократією: політичний режим після «помаранчевої революції» / Юрій Мацієвський // Політичний менеджмент 2006 № 5, с. 11 – 19.
19. Лубнин Д.А. Эволюция, формирование и перспективы развития политического режима в современной России. – Режим доступа <http://www.disserscat.com/content/evolyutsiya-funktsionirovanie-i-perspektivy-razvitiya-politicheskogo-rezhima-v-sovremennoi-r>.
20. Горева Н. А. Трансформация политического режима в современной России. – Режим доступа <http://www.disserscat.com/content/transformatiyapoliticheskogo-rezhima-v-postsovetskoi-rossii>.
21. Арон Р. Д. Демократия и тоталитаризм / Пер. с фр. Г.И. Семенова. – Москва: Текст, 1993, Режим доступа umer.info/bibliotek_Buks/Polit/Aron/index.php
22. Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах – Москва: Прогресс-Традиция, 2004. - 480 с.
23. Там само, с. 28-29.
24. Баталов Э. Я. Мировое развитие и мировой порядок (анализ современных американских концепций). – Москва: Российская политологическая энциклопедия, РОССПЭП, 2005. – 376 с.
25. Кіндратець О. Ризики українського суспільства // Віче. – Режим доступу. - <http://www.viche.info/journal/1623/>.
26. March J. G., Olsen J.P. T The New Institutionalism: Organizational Factors in Political Life // American Political Science Review 1984. с. 49-734.
27. March J., Olsen J. Institutional Perspectives on Political Institutions. – Governance, 1996a, vol. 9, № 3.
28. Панов П. В. Политический порядок: проблема концептуализации и институционализации. Автореф. дис. на соиск. степ. доктора полит. наук. – Москва: МГУ им. М.В.Ломоносова, 2011. – Режим доступа <http://www.famous-scientists.ru/list/10110>.

Оксана МАЗУР

29. Баталов Э. Я. Мировое развитие и мировой порядок (анализ современных американских концепций). – Москва: Российская политологическая энциклопедия, РОССПЭП, 2005. - 376 с.

30. Семенченко Т. В. Політичний порядок як форма організації політичного життя: теоретико-методологічний аспект. Автор. дис. на здоб. наук. ступ. к. пол. н. – Дніпропетровськ: Дніпропетровський національний університет, 2007. - 19 с.

Summary

In the article the modern and classic going is analyzed near determination of the political mode, taking into account system descriptions of this phenomenon and his distinguishing features. Correlation of the political and state mode is investigational, drawn conclusion that the state mode is part of the mode political. Authorial determination of category of the political mode is offered through concept of political order.

Keywords: Political mode, state mode, political order.

Gela TSAAVA,
Ph.D. student,
Ivane Javakhishvili Tbilisi State University

SOME ISSUES OF THE ABKHAZIA COLONIZATION (THE SECOND HALF OF THE 19TH CENTURY - BEGINNING OF THE 20TH CENTURY)

The aspects of the colonial policy of Russia are discussed in the article, reflecting the events of the second half of the 19th century and the beginning of the 20th century. The attempt of Russia to denationalize Abkhazia (Historical part of Georgia) and to assimilate it totally in the Empire space is evident from the material.

Abkhazia, Svanetia, and Shida Kartli regions have always been the subject of Russia's permanent and particular interest, as these areas adjoin Kuban, Kabardo, Karachaevo, Circasia, and Ossetia. It was possible to establish influence across Georgia only by controlling the Shida Kartli region. That is the reason why Russia has always had a special administrative relationship with these regions, and has sought to promote a special administrative regime there. It used all available leverage in order to establish its influence and maximally diminish Georgian administration in Abkhazia, Svanetia, and Shida Kartli [3, pp. 11].

In the 30-ies of the 19th century the task of firm strengthening in Abkhazia and Black Sea North-East coast was the major problem of Russia authorities. Positions of Russia in the South Caucasus could not be firm without resolution of this problem, since this place was cut off Empire centre. Therewith, to struggle against West Caucasus highlanders Abaza and Adyghe (Circassians) tribes, Tsarist Russia needed to strengthen at this convenient bridgehead without fail.

At the beginning of the 30-ies of the 19th century command authorities of Russia refrained from broad offensive operations and were content with Anapa and Gagra fortresses guarding. This place still remained for Russia as Achilles heel.

In August 1831 Infantry General, General-Aide-deCamp, Baron Gr. Rozen was appointed to the post of Vicegerent and Caucasus Corps Commander-in-Chief.

As soon as the new Vicegerent and Caucasus Corps

Commander-in-Chief arrived to Tbilisi, he paid special interest to Abkhazia, which, in his opinion, could reach higher prosperity with its location at the Black Sea coast and with natural wealth.

Tsarist Russia authorities clearly understood the significance of highlanders submission to strengthen firmly in the Caucasus and inevitability of total supremacy in Abkhazia to solve this problem. Russia needed to strengthen at the Black Sea North-East coast and in the West Caucasus to put an end with bullets purchasing and smuggling as well, which inflicted harm to strategic, political and economical interests of the country in the Caucasus.

In the second half of the 19th century Empire authorities of Russia began the process of the assimilationcolonization of the historical lands of Georgia very actively. Well-known Russian historian V. Kliuchevski considered colonization as „main factor of the history of Russia” [6].

At the beginning of 1860 command of Russia stimulated interest in road construction connecting Abkhazia with North Caucasus having not only military and administrative significance but it was important way for final conquest of the country.

In August 1860 the commander of the Russian army, located in Abkhazia, General I. Korganov, arranged punitive expedition in the village Pskhu, 3 thousand militiamen participated in the expedition. At the same time warships of Russia arranged raid at the Ubykhs coast and gave the impression of landing intention. The objective of this operation was to frighten Ubykhs and thus to suppress the possibility of their help to Pskhu inhabitants [5, pp. 36].

In September 1860 Tsar's vice-regent in Caucasus Alexander Baryatinskiy held military meeting in Vladikavkaz to undertake the activities and to end the war in Caucasus rapidly.

Gela TSAAVA

At the meeting it was decided to attack from the river Labi and the river Belaya to subdue West Caucasus and to exile Abadzekhs, Shapsukhs, Ubykhs from mountains to the Black Sea.

If they refused to be exiled to the Stavropol province steppe, they would be exiled to Turkey, and the Russians, mainly Cossacks, would be settled at their land. As High Command of Russia considered, without that, conquest of the Caucasus would not be complete and final [5, pp. 36].

In the West Caucasus Russian authorities attached great importance to the Abkhazia factor and the role of Mikheil Sharvashidze. In April 1862 A. Baryatinskiy¹ wrote to D. Miliutin², the Minister of War: „as I know, influence of Mikheil Sharvashidze in Abkhazia and in the neighboring tribes is still important.....therefore, I think the good opinion of us to this man is needed very much” [4, pp. 38].

In 1864, after Abkhazia principality abolition, Tsarist Russia obtained vast territory for colonization and launched the effort of Abkhazia colonization. Tsarist Russia confiscated the estates of the former prince and the members of the princely house. Great number of the „unoccupied lands” arose in Abkhazia. In that period Russia founded more than 35 villages in Abkhazia, which would be rather enough for full colonization of that region. Russian officials wished to turn Abkhazia into their own native land.

In his report of 1864 on Abkhazians eviction and Russian colonization of Abkhazia Kutaisi generalgovernor D. Sviatopol – Mirski informed: „the only radical way that will decline any danger from the Sukhumi department, – is Abkhazia inhabitant exile to Ottoman Empire, if a part of Abkhazs wants to go to Turkey, we should not prevent. Occupying both shores of Bzipi it will be possible to settle Abkhazia by Russian population“ [1].

Thus, according to the Caucasus headquarters plan, West Caucasus mountaineers would be relocated from their dwellings and the Russians settled there.

From 1872 so called „health-resort colonization” was implemented in Abkhazia. From one to three dessiatinas of land, so called „sanitary plots” in Sukhum and its suburbs were given to Russian officials and officers under preferential terms.

In April 1877 Russia-Turkey war began, the field of which became Caucasus as well. From the beginning of the war rather complicated condition was created in Abkhazia. Dissatisfaction provoked by Russia colonial regime reached culmination by that time and revolt began. On April 29, in such strained and complicated situation Turkey landing party landed troops near Gudauta, which

¹ Prince, Russian General-Field-Marshal, in 1856-1862 viceroy in the Caucasus.

² Military Man and Statesman of Russia, the Count, General-Field-Marshal, in 1861-1881 Minister of War.

was mainly composed of Abkhaz Muhajirs. In April-May Turks had occupied almost whole Abkhazia. At the same time, rebel Abkhazians joined Turks landing party.

From spring 1878 the authorities started practical measures for Abkhazia colonization. In May, 1 1878 the governing board of Pitsunda region made a statement on one year lease of village Anukhvi vineyards and fruit trees gardens. In the Pitsunda region three plots were allocated and granted Russian colonists the possession of land in perpetuity.

In 1879 137 families of Russian peasants were moved into Pitsunda region, but already in 1881 only 99 families remained there. Neither German colonists could settle here. By 1883 only 3 families of 24 German colonists families remained in Abkhazia [5, pp. 58].

Thus, in 60-70-ies of the 19th century colonization progress in Abkhazia was insignificant. In spite of Tsarist Russia great desire, colonization of Abkhazia was delayed. Russians could not adapt themselves to natural conditions of Abkhazia – humid climate, forest, mountainous country, marshy shoreline. Wheat harvest could not be collected, the only cereal crop was corn. Tsebelda land, free of malaria, which was spread so much in the shoreline of Abkhazia, was distinguished by healthy, mild climate, rich soil, therefore, bringing of the population could not cause any problem. So, Tsebelda and Dali could become prosperous place – with wonderful vineyards and fruit-trees gardens, mining, but one more and main condition was needed – to build roads. It was difficult for peasants moved from Russia internal provinces to get accustomed with Tsebelda and Dali mountainous conditions.

Despite the fact, that the lands of Abkhazia were given to Russian officials, territory of Abkhazia was not populated, lands were left uncared – for. In Dali, where before Muhajirs of 1867 the population was about 5 thousand, nobody lived even at the end of 19th century. Georgian figure Petre Charaia wrote about Dali gorge:

„Not long ago Dali was crowded by Abkhazians. In the old days country, famous for bravery of the population is so much neglected today, that nobody lives there” [3, pp. 268].

After Russia-Turkey war (1877-1878) Abkhazians were announced to be “guilty population”. They were forbidden to settle in 20 km. from Sukhumi and in shoreline between rivers Kodori and Psirtskha. After Abkhazs Muhajirity, when the large part of Abkhazia became depopulated and neglected, and Russians and foreigners did not come here to settle with wish, from West Georgia – from Imereti and Samegrelo – peasants, oppressed with land smallness and bareness, moved and settled in Abkhazia, dried marshes, cut down bushes and managed their estates.

In the 80-ies of the 19th century Tsarist Russia abolished ruling by general-governor and reinstated

Gela TSAAVA

ruling by vicegerent. Reactionary Alexander DondukovKorsakov was appointed to the position of vicegerent (1882-1890). He was supported by chauvinists – trustee of the Caucasus educational region (1878-1901) Kiril Ianovski, Egzarkos Paul (1882-1887) and others. First of all Tsarist Russia had attacked national languages and culture. Colonization process was stirred up.

In 1892 expedition, headed by Minister of Agriculture and State-Owned Property of Russia Alexander Ermolov, inspected Sukhumi region (Abkhazia). Head of the Sukhumi region colonel V. Braker made dinnerparty for the members of the expedition, where member of the expedition S. Sharapov delivered his speech and frankly spoke about Russia's intentions in Abkhazia. Particularly, he mentioned: „Through its long historical struggle, aspiring to the South, warm sky and warm sea, people of Russia at the cost of sacrifice at last have this sky and this sea. Here Russian flag flies, Russian eagle waves, but why the Russians do not feel themselves free, why are they oppressed and suffocating? Why are they strange at this warm shore, under the bright sun? I think because owing to Russian kindness here, at this land, which is obtained by Russian blood, every foreigner has settled down at the best places and not only oppresses the Russians but tweaks at them. But it will not last. Our state objectives require this place not only to be named but really to be Russian place soon, the Russians to be here supported, strong and reassured, Gentlemen, let us wish it to come true soon, all local different tribes and different nations mix be cooked in the strong Russian life, this sky and this sea to be really Russian” [5, pp. 59]. In 1896 reactionary Grigori Golitsin was appointed to the position of vicegerent of the Caucasus (1896- 1905), and began Russification actively.

Numerous archival data testify that Russian officials groundlessly chased Georgians in Abkhazia. Distinct expression of the Russian colonization real aims is Russian administration attitude towards ethnically Georgian population, living in Sukhumi region, village Parnauti. Facts on so called „Parnauti matter” evidently testify events, happened in the mentioned settlement, that developed as follows: inhabitants, living there, almost totally gave up to muhajir. This place, remaining without inhabitants was almost entirely neglected and became depopulated, soil became unbroken, it needed much labor and means to return economic purpose.

By this reason Russian colonist peasants refused to settle in Parnauti. Also refused to settle there those, who were taken orderly from the Empire internal provinces and were suggested to settle here free of charge. Russian peasants, who were settled in Abkhazia earlier, also refused to settle in this village. By way of exception, following the request-entreaty, Sukhumi forestry allowed Georgian peasants, who mainly had moved from Zugdidi

and Senaki, to take a lease of the land. And, as they were promised, this lease would be eternal or prolonged. But it should be mentioned as well, that Russian peasants were suggested local land free of charge, Georgians were to pay 6 roubles for one dessiatina. Georgians paid also for cattle: 40 copecks for one in a year. Georgian peasants purchased tooling, cultivating the land, while Russian settlers were given free of charge.

Parnauti new settlers applied great efforts to that place. Their merit was that this settlement, which was fully neglected until then, became one of the distinguished places with the blooming gardens and vineyards in the suburbs of Sukhumi. Those people, who had concluded leasing contract with Parnautis, generally, were representatives of the Russian nation or Russian authorities. As it was ascertained afterwards, they had deceived leaseholders, made them to cultivate and make prettier the wild place and then decided to create Russian village at their personal plots. Moreover, they were announced as slyly crept „invaders”. Russian officials understood that the issue of colonization was very neat and by authorities it was risky, therefore, it was implemented in the politically advantageous period, when reaction raged, after 1905-1907 Revolution severe suppression [1].

Parnauti peasants did not believe that the circumstances would so much be complicated. Probably, as it can be seen from their activities, they hoped that they would legalize occupied personal plots. At first they wrote requests, complaints and explanations with the help of their representatives, hoped to reach equity, but were finally deceived.

Russian chauvinism was seen also from the fact that Parnauti population was not mentioned in any document as Georgians, they were named Megrels. Russian bureaucracy expressed Empire motto „divide and rule over” in it as well. They divided and named Georgian people as Svans, Imeretians, Megrels, Tushis, Khevsurs, Rachvels and so on, that could not be endured by Georgians.

At last, Russian officials moved a part of Georgians, about 30 families, evicted from Parnauti, to the river Kodori gorge [1].

History of Parnauti is an explicit expression of Russian colonial policy in Abkhazia, Abkhaz and Georgian population pursuit and settlement of the mentioned place by Russians.

Very interesting information on Russian colonial policy at the first half of the 20th century is given in the archive data of the Ministry.

In 1900 at the Kutaisi province gendarmerie governing board proceedings were initiated against Georgian patriots group, working in Abkhazia (according to the administrative-territorial division of that time Kutaisi province Sukhumi okrug (region)). As it is ascertained

Gela TSAAVA

from the investigation (according to the investigation data: „Georgian Party Tedo Sakhokia”) the leader of this group Tedo Sakhokia with his likeminded persons actively opposed Russian colonial policy in Abkhazia.

Reports, submitted by Kutaisi Military Governor, Major-General F. Gershelman to Kutaisi colonial administration in the process of investigation are very interesting, that were sent from Kutaisi to Tbilisi with

„confidential” or „secret” stamp. Therefore, Military Governor, Major-General F. Gershelman spoke openly about imperial plans of Russia in Abkhazia. He knew the essence of the Russia colonial policy perfectly well. He had well comprehended the ways of this policy implementation and those problems that Caucasus colonial administration was faced with in the process of colonization in Abkhazia.

Interesting information on Russia Empire colonial policy in Abkhazia are given in the following documents:

1. Kutaisi Military Governor, Major-General F. Gershelman’s report, dated August, 3, 1900 „To the Head of the Caucasus Military-National Board of Administration Ruler’s Office.” [2, pp. 91].

2. Kutaisi Military Governor, Major-General F. Gershelman’s report, dated September, 2, 1900 „On Georgian Movement in the Sukhumi region (okrug)” [2, pp. 91].

Kutaisi Military Governor wrote in September 2, 1900: „Lately, region colonization possibility and obtained use were recognized by Russians, which can be reached, using those territories, that were exempted from the former invaders emigration, affairs in this direction are rather successful and great number of Russian peasants, who expressed the desire for settlement in Sukhumi region, did their part” [2, pp. 91].

Russian Governor forms more clearly the tasks of the colonial policy: Russian colonization of the region has great state significance from the political standpoint. Abkhazs, who are the region population basic mass, until today remain less cultured, less educated nation, from both, development and moral, standpoints. Everything requires especial attention. The situation can be improved by bringing Russian citizenship in the region, which is gradually implemented in, but still much time is needed to achieve the goal and the best way is region colonization by Russians” [2, pp. 93].

It was clear, that deliverance of Abkhazia from Georgia and local population assimilation would be possible only after Georgian language removal. Following the discussion on the necessity of Georgian language removal from Abkhazia church and schools Kutaisi Military Governor concluded: „Taking such arrangements Sukhumi region local population would be reliably protected from Georgian influence . . . it will not matter for Abkhazs, who have not own written language,

will their confessor be Russian or Georgian” [2, pp. 94].

Kutaisi Military Governor also touches upon demographic issue and mentions clearly, that by 1900 only in Sukhumi, lived 1500 Georgians (1300 Imeretians, 200 Georgians) besides Megreles. If only in Sukhumi, besides Megreles lived 1500 Georgians, how would 12 Georgians, besides Megreles live in total Sukhumi?. Statistic data should be considered as falsified [2, pp. 100].

In his report dated September 2, 1900 Kutaisi Military Governor gives such statistics: population of the Sukhumi region is distinguished by particular variety. Population consists of 96.377 both sexes representatives, where Abkhazs prevail – 71 %, Murzakaneli apply to their number – 37,5 % (Abkhazs – 33,5%, Murzakani – 37,5 %). Russian population is 6% of the total population, Megreles, Imeretians, Gurians and Georgians together are 13% of the population, the rest 10% of the population are the other nations [2, pp. 100].

Military Governor considered Murzakani as exactly Abkhazs. So he obtained 71%. In fact, the number of the historical Murzakani population- 37,5 % – should be added to the Georgians number – 13%, though this last number is evidently reduced.

For the Caucasus colonial authorities, particularly for Kutaisi Military Governor, existed one administrative district – Sukhumi region (okrug). But for Kutaisi Military Governor there were two districts in the okrug – Abkhazia (probably, historical territory of the Abkhazia principality) and Murzakani (probably, historical territory of Murzakani).

It is important, that Kutaisi Military Governor had involuntarily slipped in speaking the truth when producing statistics in his report, dated September 2, 1900. It is realized from the archival data, that the Governor recognizes the reality in this letter. The following phrase of the report is as such – „by Georgians, primary by Megreles” i.e. Governor knew, that Megreli is the same Georgian. For the second time the Governor indicates correctly the priests national composition in the Sukhumi region (okrug): „As of today from 80 priests 4 are Russians in Sukhumi region (2 of them work in Sukhumi), 2 Abkhazs, 10 Greeks, and the rest 64 – Georgians (Megreles)” [2, pp. 104].

So, positions of Russia in Abkhazia were gradually strengthened and Tsarist Russia implemented the plan of the whole Caucasus capture successively. Tsarist Russia tried to make Georgia integral part of the Empire, which would stipulate colonization of the country. Empire gave the leading importance to the border territories, among which Abkhazia had the leading duty.

Tsarist Russia tried to deliver Abkhazs from Georgians and to implement the idea of Russian Abkhazia” creation. Anti-Georgian disposition was artificially instilled among Abkhazs imperial-colonialist policy of Russia was fully

Gela TSAAVA

revealed just in this part of Georgia. Abkhazia found itself under imperial principle pressure „disconnect and rule over” and Tsarist Russia policy started working with full sharpness to oppose different parts of Georgia, to remove Abkhazia from Georgia and to dissociate local population historically cultural-religiously.

Russia never adapted to Georgian ethnic prevail at the territory, which was very important for it and all the more, their opposition to defense own country and people. It was necessary to create conditions to carry out Russian

colonization and they fought with all the methods. To create conditions implied first of all prohibition of everything Georgian and who would dare to defense Georgians, to punish them.

The abovementioned facts are the obvious expression of Russian colonial policy in Abkhazia, Abkhaz and Georgian population pursuit and settlement of the place by Russians. It is evident, that Russia tried to assimilate in the imperial space.

Bibliography:

1. Maisuradze G., Russian Colonization in Abkhazia, http://expertclub.ge/portal/cnid__5891/alias__Expertclub/lang_ka-GE/tabid_2546/default.aspx;
2. PLLP – archive edition of the Georgian Ministry of Internal Affairs, Special Issue, 2009, #6.
3. PLLP – archive edition of the Georgian Ministry of Internal Affairs, 04. 10. 2009, #2.
4. Charaia P., Landownership. - „Kvali” newspaper, 1897, N13.
5. Khorava B. Abkhaz’s Muhajirity in 1867 Tbilisi, Publishing House „Artanuji”, 2004.
6. Khorava B. Ethnic and Demographic Processes in Abkhazia in the 19th - 20th Centuries. - See: <http://7days.ge/index2.php?newsid=9618>.

Резюме

В 30-х годах XIX века перед российским правительством остро стояла задача по укреплению своих позиций в Абхазии и на северо-восточном побережье Черного моря. Без решения этой проблемы позиции России на Южном Кавказе были бы непрочными, потому что эта часть страны была отделена от центра империи.

В Царском правительстве хорошо понимали важность покорения горцев для прочного утверждения на Кавказе и, в целях решения этой проблемы, необходимость установления полного господства в Абхазии. Укрепление позиций на Северо-восточном побережье Черного моря и на Западном Кавказе России было необходимо, для того чтобы положить конец торговле пленными и контрабанде, что вредило стратегическим, политическим и экономическим интересам страны на Кавказе.

Царская Россия старалась сделать Грузию неотъемлемой частью империи, что послужило причиной колонизации страны.

Факты колониальной политики России в Абхазии, явно доказывают преследование абхазского и грузинского народа и стремление заселить территорию русским населением. Это наглядно доказывает стремление России к полной ассимиляции Абхазии в имперское пространство, что является явным выражением истинных колониальных намерений.

Ключевые слова: Империя, укрепление позиций, колониальной политики, ассимиляции.

Victor JUC,
Ph. d., professor,
vice director of the Institute
of European Integration and
Political Sciences of Academy
of Sciences of Moldova

Marina GORBATIUC,
scientific researcher,
Institute of European Integration
and Political Science of Academy
of Sciences of Moldova

SCIENTIFIC COOPERATION BETWEEN THE REPUBLIC OF MOLDOVA AND THE EUROPEAN UNION IN THE SEVENTH FRAMEWORK PROGRAMME

The European Union (EU) is an economic and political union of 27 member states who operates through a system of supranational independent institutions and intergovernmental negotiated decisions by the member states. Important institutions of the EU include the European Commission, the Council of the European Union, the European Council, the Court of Justice of the European Union, and the European Central Bank. The European Parliament is elected every five years by EU citizens. The EU's de facto capital is Brussels.

The EU traces its origins from the European Coal and Steel Community (ECSC) and the European Economic Community (EEC), formed by the Inner Six countries in 1951 and 19587 respectively. In the intervening years the community and its successors have grown in size by the accession of new member states and in power by the addition of policy areas to its remit. The Maastricht Treaty established the European Union under its current name in 1993. The latest amendment to the constitutional basis of the EU, the Treaty of Lisbon, came into force in 2009.

The EU has developed a single market through a standardized system of laws which apply in all member states. Within the Schengen Area (which includes 22EU

and non-EU states) passport controls have been abolished. The EU is represented at the United Nations, the WTO, the G-8 and the G-20 [1].

The international cooperation research programme commenced in 1983 when the European Commission launched a dedicated programme called the Science and Technology for Development Programme. It had three editions named STD1, 2 and 3, which ran in parallel with the Community's Research Framework Programmes.

In 1992, the Programme was integrated into the Fourth Research Framework Programme (1994-1998) as the International Cooperation Programme (INCO).

As a result of a Council Resolution in 1995, a Communication on the strategic role of international cooperation for development was jointly presented by Commissioners in charge of Research, External Relations and Development Cooperation in 1997. Thus, INCO was further developed in the Fifth Framework Programme (1998-2002) by strengthening systems and policy research with a view to meet demand for more integrated analyses and respond to the need to develop S&T policy dialogue with the major regions of the world.

In the Sixth Framework Programme (2002-2006) the INCO programme received impetus from the 2001

Victor JUC, Marina GORBATIUC

Communication on the international dimension of the European Research Area (ERA).

The Seventh Framework Programme (2007-2013) placed a new emphasis on international research cooperation, including by mainstreaming international cooperation across the entire spectrum of FP7 activities. The Seventh Framework Programme also included strategic activities underpinning the building of a European Research Area open to the world that require a policy dialogue with major regions of the world and true partnership with those countries with which an S&T Cooperation agreement has been signed.

International cooperation in research and innovation is a cross-cutting priority of Horizon 2020 (2014-2020). To enhance and focus the approach to international cooperation, the Commission adopted a Communication in 2012, proposing a new strategy for developing international actions [2].

Having adopted the Declaration of Independence, the Republic of Moldova established direct relations with the European Union (EU). The period 1991-1994 is one of determining attitudes and identifying the legal framework of initiating the political dialogue between the parties, the European Commission suggesting that the Cooperation and Trade Agreement concluded with the USSR be replaced with the agreement of an intermediary type focused on promoting cooperation, supporting the institutional system and consolidating the civil society.

As a result of the steps taken by the authorities of the Republic of Moldova at the end of 1993, the Partnership and Cooperation Agreement (PCA) was signed on November 28th, 1994, which came into effect on July 1st, 1998. This document institutionalized the relations between the parties, developing them on the partnership level, and offered the necessary normative framework for starting an authentic dialogue on multiple perspectives, being, at the same time, an expression of the EU interest in maintaining and consolidating the sovereignty and independence of the Republic of Moldova. The PCA enabled the Republic of Moldova to extend the area of relations with the EU, laying the foundations of qualitatively new stage from the point of view of both the form and the content of cooperation. The PCA conferred the Republic of Moldova the capacity of a direct partner of the EU, giving it the possibility to identify and develop new procedures dedicated to permanent and deep political dialogue. The PCA stipulated the following objectives: deepening the political dialogue; promoting trade and investments; cooperating in the legislative, economic, social, financial and cultural domains; supporting the Republic of Moldova's efforts in consolidating the democratic institutions; developing economy and finalising the transition to the market economy.

During 1998-2002, the PCA did not undergo an

amendments; however, depending on the evolution of the situation from Moldova and the progress of reforms, the priority emphasis and domains of the Agreement were changing. In the initial stage of cooperation based on the PCA, it was aimed at consolidating the democratic institutions, ensuring the supremacy of law, human rights and freedoms and in concrete domains- at reorganizing the agricultural sector, restructuring the enterprises, training the human resources etc. In May 2001, during the proceedings of the Republic of Moldova – EU Cooperation Council, the European party suggested a more pragmatic approach by narrowing the general framework of objectives and identifying some priorities, and in April 2002 it was agreed on the following basic problems: harmonizing the legislation, customs and trans- border cooperation, struggling against corruption, examining the possibilities of the parties' reciprocal actions in the free trade area; investments.

The PCA formed the legal basis for applying the first instrument of cooperation between the Republic of Moldova and the EU – TACIS programme (Technical Aid to the Commonwealth of Independent States). In a decade and a half, the programme extended comprising the national, regional and trans – border components, the thematic budgetary support as well as the Food Security Programme, the European Initiative for Democracy and Human Rights, macro-financial and humanitarian assistance.

On March 11th, 2003, on the eve of a new stage of extension, the European Commission launched a document through which it stated the EU point of view regarding its relations with the neighbouring countries: "Wider Europe – Neighbourhood: A New Framework for Relations with our Eastern and Southern Neighbourhood". The purpose of the European Neighbourhood Policy (ENP) is to avoid new separation lines between the extended EU and its neighbours, aiming at increasing their prosperity, stability and security. The cooperation refers to such domains as preferential commercial relations and market openness; perspectives for legal migration and person circulation; a more dynamic cooperation in preventing and combating the security risks; a more active political involvement of the EU in preventing the conflicts and overcoming crisis; intensifying the efforts in defending the human rights and in the cultural cooperation; integrating in the transport, power and telecommunication systems as well as in the European field of research.

The Action Plan Republic of Moldova – European Union (APRMEU), provided for three years, was launched by the European Commission on December 9th, 2004 with other six similar documents and was signed on February 22nd, 2005 at the meeting of the Republic of Moldova- EU Cooperation Council. The APRMEU acknowledges the European aspirations of the Republic of Moldova, but it specifies the fact that the PCA

Victor JUC, Marina GORBATIUC

remains valid basis for cooperation, supplementing it. The APRMEU is not a legal document, but a political one and it sets 80 goals and 294 actions/ measures to be pursued in seven main domains: the political dialogue and the reforms; cooperation in working towards a solution to the Transnistrian conflict; the reform and the socio-economic development; the trade, market and the regulatory reform; cooperation in the domain of justice; transportation, electric power, telecommunications, environment and research, development and innovations, inter-human contacts [3].

For the Republic of Moldova the European integration is associated with the modernization of the state, the purpose of the enhancing the functioning of the institutions of state power, building an open democratic society and European aspiration of the people.

The complete name of FP₇ is 7th *Framework Programme for Research and Technological Development*. It will last for seven years from 2007 until 2013. The Programme has a total budget of over 50 billion €. Indeed, FP₇ is a key tool to respond to Europe's needs in terms of jobs and competitiveness, and to maintain leadership in the global knowledge economy.

This money will (for the most part) be spent on grants to research actors all over Europe and beyond, in order to co-finance research, technological development and demonstration projects. Grants are determined on the basis of calls for proposals and a peer review process, which are highly competitive.

In order to complement national research programmes, activities funded from FP₇ must have a "European added value". One key aspect of the European added value is the transnationality of many actions: research projects are carried out by consortia which include participants from different European (and other) countries; fellowships in FP₇ require mobility over national borders. Indeed, many research challenges (e.g. fusion research, etc.), are so complex that they can only be addressed at European level.

But in FP₇ there is also a new action for "individual teams" with no obligation for transnational cooperation.

In this case, the "European added value" lies in raising the competition between scientists in fundamental "frontier" research from the national to the European level. FP₇ is the natural successor to the previous programme, FP₆. It is the result of years of consultation with the research community from both the public and private sectors, with economic actors, and with political decision makers in Europe. FP₇ is both larger and more comprehensive than its predecessors. It is also more flexible, with simplified procedures.

The Framework Programmes for Research have two main strategic objectives:

➤ to strengthen the scientific and technological base of European industry;

➤ to encourage its international competitiveness, while promoting research that support EU policies [4].

On October 11th, 2011 the European Union and the Republic of Moldova have forged closer ties on research and innovation. Maire Geoghegan-Quinn, European Commissioner for Research, Innovation and Science and Acad. Gheorghe Duca, President of the Academy of Sciences of Moldova, have signed a Memorandum of Understanding for the association of Moldova to the EU's Seventh Research Framework Programme (FP₇). The agreement has been reached after a lengthy negotiation process.

"Association" is a specific mechanism allowing for stronger cooperation with third countries under the EU's Framework Research Programme. It is based on specific science and technology cooperation agreements with the European Union and involves a financial contribution by an associated country to the budget of the framework programme. The EU's Framework R&D Programme is in principle open for the participation of organizations from other, non-EU countries, and some of them can even be funded by the EU. Beyond this basic provision, organizations from associated countries can enjoy the status of full participants equal to that of the organizations from the EU member states. For example, all themes and activities of four specific sub-programmes of FP₇ are open for such participation; organizations within associated countries can also more easily initiate, build and coordinate project consortia.

The Republic of Moldova is the 14th country associated with FP₇; the others are Albania, Bosnia and Herzegovina, Croatia, the Faroe Islands, FYROM, Iceland, Israel, Liechtenstein, Montenegro, Norway, Serbia, Switzerland and Turkey. For the Republic of Moldova, this may be a relatively short-term experience, however, given that the country will become formally associated with FP₇ beginning January 1st, 2012, and the last FP₇ calls will be published in 2013.

There are also several questions about the future of the association path as such. The new Horizon programme will incorporate other research-related EU schemes – the Competitiveness and Innovation Programme (CIP) and the European Institute of Technology and Innovation- which do not imply similar "association" options. The associated countries will most likely have to renegotiate their special status under the new programme. In addition, geographic criteria of association are still unclear for the future. For example, the Republic of Moldova is the first Eastern Partnership and the second European Neighbourhood Policy country to be associated with FP₇. And while aspirations to association with FP₇ have been expressed from near (Russia) and far (Australia), they have not brought fruit.

This will allow Moldovan scientists, research institutes, universities and companies to collaborate

Victor JUC, Marina GORBATIUC

with their counterparts across Europe in key research areas, while strengthening their own research expertise and capacity. In practice they will compete for research funding on an equal footing with counterparts in EU Member States. In return Moldova will make a contribution to the overall FP₇ budget.

Commissioner Geoghegan - Quinn welcomed the signature of the MoU, stating "The agreement is only the beginning of a long-term partnership that will benefit Moldova and the rest of the European scientific community. Together we can tackle the big challenges that face our societies like better healthcare, greener transport, and energy security".

Increased sectoral cooperation with Moldova and the other countries of the Eastern Partnership and the broader European Neighbourhood Policy region, through the facilitation of their participation in EU programmes, is a key aspect of the recent communication "A New Response to a Changing Neighbourhood" issued jointly by the High Representative of the Union for Foreign Affairs and Security Policy and the European Commission. FP₇ is the first EU programme in which the Republic of Moldova participates fully.

Association is the strongest form of international cooperation in research and innovation between non-EU countries and the EU. In practical terms Moldovan researchers will be associated for all of the FP₇ calls which are currently open, as these draw on the budget of the 2012 financial year.

Starting with January 2012, representatives of Moldova have the possibility to participate, as observers and for points which concern Moldova, in the management committees responsible for monitoring the specific programmes under the Seventh EC Framework Programme.

In 2011 the Centre of International Projects was nominated the responsible organization to assure the participation of Official Representatives of the Republic of Moldova in the 18 Programme Committees of the Specific Programmes: "Cooperation", "Ideas", "People" etc. [5].

Starting with January 1st, 2012, the Republic of Moldova became the first country in the Eastern Partnership and the second in the European Neighborhood Policy associated to the Seventh Framework Programme of the European Community for research, technological development and demonstration activities (FP₇).

On this occasion, on January 27th, an official launching event was organized to mark Moldova's association to FP₇, a status that will offer new opportunities to cooperate and compete as an equal partner in all calls announced within FP₇, to become a part of European network of scientists and to benefit from the scientific European potential in solving national problems.

The Academy of Sciences of Moldova organized

the event, which was attended by many authorities in partnership with DG for Research and Innovation of European Commission. Academician Gheorghe Duca, President of ASM, expressed words of gratitude to all those that supported ASM in preparing the association, especially to the Directorate General for Research and Innovation, European Union Delegation in Moldova and to the Ministry of Foreign Affairs and European Integration, for the support and assistance during the process of negotiations and association to FP₇.

"I'm very glad that we managed to turn our aspiration into reality, creating new opportunities for scientists from our country", said President of ASM in his speech. He also added, that to increase participation in FP₇ programmes and get the most out of the new statute, the Supreme Council for Science and Technological Development of the ASM has recently adopted Moldova towards Horizon 2020, an Action Plan on the implementation of FP₇ associated country status, and also the "European Charter for Researchers and Code of Conduct for Recruitment of Researchers".

In this context, Natalia Gherman, Deputy Minister of Foreign Affairs and European Integration said that the association to the FP₇ represents a right step in establishing efficient and long-term RM-EU relations. "Due to the association, the scientific community, business and civil society will have more access to opportunities for cooperation in the field of science and technology and to increase the role of research and innovation on the national public agenda", said Mrs Gherman.

Also, at the launch event, the European guests presented more information about possibilities for researchers from Republic of Moldova to participate in the Marie Curie Actions and the Joint Research Centre, suggestions related to the drafting and application procedure, details of new recent launched calls, etc. [6].

Policy dialogue in the field of research and development between the European Union and the Republic of Moldova continues in the framework of the EU- Moldova Cooperation Committee and Subcommittee no. 4 on "Energy, Environment, Transport and Telecommunications, Science and Technology, and Training and Education" meetings.

Eastern Partnership, launched early 2009, brought new opportunities in the view of enhancing the scientific cooperation between the European Union and the Republic of Moldova, Belarus, Ukraine, Georgia, Azerbaijan and Armenia, declared as the core objective of the Platform 4 "Contacts between People" Work Programme 2009-2011 in the field of research: increase the participation of Eastern Partners in the opportunities for cooperative research, capacity building and researcher mobility, offered by the Seventh Framework Programme.

Following the official request of the Republic of Moldova to associate to the Seventh Framework

Victor JUC, Marina GORBATIUC

Programme expressed in May 2008, a short-term Action Plan "Moldova Knowledge Excellence initiative" was launched, aimed at strengthening the scientific potential and management skills for participating in FP7. Thus consolidating the role of science and innovation in the general process of the country's development. The Action Plan was approved by the Decision no. 230 of the Supreme Council for Science and Technological Development of the Academy of Sciences of Moldova on November 27th, 2008.

In this context, by the Decision of the Government of the Republic of Moldova no. 515 of August 17th, 2009, the National Committee for Association of the Republic of Moldova to FP₇ was created. The newly created National Committee has the role of promoting and monitoring the process of association and the measures undertaken for the advancement of Moldova's participation in FP₇, and is composed of representatives of Ministries, at the level of Deputy Minister, other central public authorities and state institutions, targeted by FP₇ priorities [7].

On a bilateral level, ASM has concluded Agreement on scientific cooperation with Academies of Sciences from the following EU - member states and associated countries: United Kingdom, Poland, Hungary, Bulgaria, Romania, Montenegro, Turkey, Austria and the Czech Republic.

In March 2008 was signed a Memorandum of Intentions on scientific and technological cooperation between the Academy of Sciences of Moldova and the German Federal Ministry of Education and Research, on basis of which were implemented two Open Calls for collaborative research project proposals in 2009 and in 2010, respectively. Each year, 10 different projects were accepted for funding. As agreed between funding parties, the project proposal submitted to these Calls must encompass 2 components: (1) basic & applied research component; and (2) a pre- feasibility study component for further collaborative research project proposals under future bilateral calls or other programmes such as the EU Research Framework Programmes (FP₇).

In the framework of the S&T Cooperation Programme between the Romanian National Authority for Scientific Research (ANCS) and the Academy of Sciences of Moldova for the years 2010-2012, signed on October 23rd, 2008, a collaborative Call for Proposals was announced in December 2009. The particularity of the Programme is one of its aims to facilitate the integration of the Moldovan scientific community into the research and development system of the European Union, preparation of Moldovan teams to participate in community programmes, especially the Seventh Framework Programme, as well as to develop towards the collaboration within regional programmes as those of BSEC.

In 2010, negotiations on launching similar

cooperative programmes with the French National Centre for Scientific Research (CNRS), the Italian National Research Council (CNR) and the Ministry of Education, Youth and Science of Bulgaria have begun.

Cooperative activities are also carried out in the framework of the following organizations: Organization of the Black Sea Economic Cooperation (BSEC), NATO Science for Peace and Security Committee, All European Academies (ALLEA), Central European Initiative (CEI), International Union of Academies (UAI - IUA), the International Council for Science (ICSU), Central and Eastern European Networking Association (CEENet), International Atomic Energy Agency (IAEA), UNESCO etc.

Since the 7th Framework Programme was launched, 94 project proposals with the participation of Moldovan research groups (including research institutions, higher education institutions, SMEs and NGOs) were submitted and 15 accepted for funding.

In 1994, the Republic of Moldova joined the Tempus programme. Its initial focus was on university management, curriculum development, and teaching staff retraining in the fields of social work, communication studies, modern European languages, and economics. Since 2000, Moldovan non-academic actors- in particular government organisations, and to a lesser extent, enterprises – have gradually become more active in Tempus projects. For the period of 2009-2011, 8 projects with Moldovan partners were selected for funding.

The gradual integration into the European Research Area is greatly connected to the modernization of the information access in the areas of science and innovation. The informational environment in the area of research and education in the Republic of Moldova is based on the infrastructure of the network RENAM (Research and Educational Networking Association of Moldova), created and continuously developed on the basis of grants provided by NATO (Science for Peace and Security Programme) and the European Commission (FP₆ and FP₇). The RENAM network has an external channel for internet traffic.

In the framework of the Programme on Scientific Co-operation between Eastern Europe and Switzerland (SCOPEs), as a result of the first open call for the period of 2009-2012, were submitted 18 joint project proposals with Moldovan research groups (4 institutional partnerships and 14 joint research projects). In the framework of SCOPEs 2005-2008 were financed 15 projects with Moldovan participation.

Since the beginning of the 21st century, research, development and innovation form the basis of European economic development. This is the motto of the EU Lisbon strategy, to make the EU "the most dynamic and competitive knowledge-based economy in the world capable of sustainable economic growth with more and

Victor JUC, Marina GORBATIUC

better jobs and greater social cohesion, and respect for the environment".

Considering these objectives, the European Union can benefit from strategic research partnerships with non-EU countries, in order to broaden its range of competences and enhance trade with these countries via technology transfers.

Moreover, in our opinion, international scientific cooperation is essential to tackle issues of mutual concern, like climate change or biodiversity protection.

Incidentally, international collaborative research can reinforce diplomatic ties and thus benefit the EU's foreign and neighbourhood policy.

Bibliography:

1. http://en.wikipedia.org/wiki/European_Union
2. Victor Juc. The European option of the Republic of Moldova. Chişinău, 2012. p. 16-19.
3. <http://ec.europa.eu/research/iscp/index>
4. FP7 in Brief. How to get involved in the EU 7th Framework Programme for Research. European Communities, 2008, p. 6-7.
5. http://cpi.asm.md/page_id=20_lang=en
6. <http://www.increast.eu/ru/1337.php>
7. <http://fp7.asm.md/node/457>
8. http://Europa.eu/legislation_summaries

Резюме

В статье рассматриваются процессы установления и расширения научного сотрудничества между Республикой Молдова и Европейским Союзом в условиях ассоциированного членства научного сообщества в 7РП и Горизонт 2020. В статье рассмотрены исследования параметров научного партнерства путем анализа проектов, которые разрабатываются научными сотрудниками и университетскими кадрами Республики Молдова, указывая на необходимость выявления новых возможностей и углубления сотрудничества. Выводы указывают на то, что научное сотрудничество является оптимальным средством по продвижению европейского пути Республики Молдова, на данный момент научное сообщество находится на передовых ролях в реализации европейского выбора.

Ключевые слова: научное сообщество, 7РП, горизонт 2020, научное сотрудничество, Европейский Союз.

Руслан ШЕВЧЕНКО,
доктор истории,
главный специалист Ассоциации
"Мемориал"

АРМЯНО-АЗЕРБАЙДЖАНСКИЙ КОНФЛИКТ В 1988-1994 ГОДАХ: ГЕНОЦИД АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО НАРОДА И ЗАХВАТ КАРАБАХА

Предпосылки этого конфликта закладывались еще за несколько лет до его начала. Этому способствовало и то обстоятельство, что еще с середины 1980-х годов целый ряд предприятий и кооперативов Армении под прикрытием руководства республики наладили производство, доставку огнестрельного оружия, взрывчатых веществ, средств связи и транспорта нелегальным бандформированиям в Карабахе [6, с. 190]. Оккупация Карабаха и соседних районов продолжается и сегодня, потому данная тема по-прежнему актуальна, и не только для исследователей.

Уже со второй половины 1987 г. в Армении активно проводилась кампания по сбору подписей за присоединение Нагорно-Карабахской автономной области. В августе 1987 г. письмо с требованием передать Карабах Армении, подписанное десятками тысяч карабахских армян, было отправлено в Москву. Следом туда отправились и делегации подписантов, чтобы убедить союзное руководство в необходимости этого шага. Более того, карабахский вопрос активно лоббировали и армяне за границей. Еще в 1985 г., на XXIII съезде международной армянской террористической организации «Дашнакцутюн» в Афинах был детально обсужден вопрос расширения Армении. Разногласия вызвал лишь подвопрос, касающийся того, в каком направлении это расширение следует предпринимать - с севера или с юга (западное, «турецкое» направление, памятуя печальный для армян исторический опыт взаимоотношений с Турцией, не затрагивался). В ходе голосования большинством в 1 голос было выбрано карабахское (азербайджанское) направление [4, с. 160-161]. Во исполнение этого решения, в октябре 1987 г. при поддержке «Дашнакцутюн» в Ереване был создан комитет «Карабах», которому было предписано проведение масштабных вооруженных операций с целью изгнания азербайджанцев из Карабаха. Комитет возглавили будущий Президент

независимой Армении Л. Тер-Петросян и И. Мурадян. Тогда же, в ереванском парке им. А.С.Пушкина состоялся и первый митинг «Карабах». А через несколько дней советский лидер М.Горбачев с женой встретились в США с представителями «Дашнакцутюн». Представителям «Дашнакцутюн» было обещано, что они будут иметь в Армении свой офис, печатный орган и информационный центр [7, с. 238-239].

Оригинальное, чтобы не сказать больше, «обоснование» претензиям Армении на Карабах дал бывший первый заместитель Председателя Совета Министров Армении Д. Киракосян в своей беседе с зам.председателя КГБ СССР Ф.Бобковым (уже в 1988 г.): Армении, дескать, нужна земля потому, что из-за отсутствия земли армяне вынуждены покидать Армению и расселяться в разных регионах СССР [2, с. 207-208]. АН Армении подготовила «научно обоснованную» петицию, составители которой пошли еще дальше: они потребовали передать не только Карабах, но и Нахичевань, хотя 97% ее населения составляли азербайджанцы. На сторону соплеменников стал и советник Горбачева А.Аганбегян, который тоже выступил в ноябре 1987 г. в парижском отеле «Интерконтиненталь» перед армянской аудиторией с идеей переподчинения Карабаха от Азербайджана к Армении, заверив собравшихся, что уже имеется согласие М.Горбачева на присоединение Нагорного Карабаха к Армении. Это сенсационное заявление было опубликовано 18 ноября 1987 г. в газете «Umanite» [5, с. 51-52; 6, с. 189-190].

Первые симптомы будущего конфликта явственно проступили в сентябре-октябре 1987 г., жители с. Чардахлы Шамхорского района, протестовали против увольнения директора здешнего совхоза-армянина. Тогда же, осенью 1987 г., началось и активное преследование азербайджанцев, живших в Армении.

Руслан ШЕВЧЕНКО

В результате прошедших в ноябре 1987 - феврале 1988 гг. этнических чисток азербайджанцы, компактно жившие в Кафанском и Мегринском районах Армении, были вынуждены бежать в Азербайджан. Первая волна беженцев докатилась до Баку в январе 1988 г. К тому времени в Азербайджане скопилось уже 4 тыс. беженцев из Армении [5, с. 52-53; 6, с. 190].

Тогдашнее партийно-государственное руководство Азербайджана сочло случившееся «националистическими», «экстремистско-сепаратистскими» процессами и направило в Степанакерт 11 февраля 1988 г. группу партийных деятелей республики во главе со вторым секретарем ЦК КП Азербайджана В.Коноваловым. В нее вошел и отделом административных органов ЦК КП Азербайджана М.Асадов, а также заместители руководителей КГБ, МВД, Прокуратуры, Верховного Суда и милицейская охрана. В ночь на 12 февраля 1988 г в Степанакерте состоялось расширенное заседание Бюро обкома КП Азербайджана, на котором «экстремистско-сепаратистские процессы» были осуждены и вынесено решение провести 12-13 февраля 1988 г. партхозактивы в Степанакерте, райцентрах НКАО и на уровне автономной области с разбором сложившегося положения [5, с. 53].

Действительно, 12 февраля 1988 г. в Степанакерте состоялся городской партхозактив с участием представителей Баку во главе с В.Коноваловым, местных партруководителей, глав госучреждений, предприятий и организаций. Выступавшие поначалу осуждали происшедшее, говорили о нерушимом армяно-азербайджанском братстве и критиковали «отдельные хозяйственные недостатки». Однако на трибуну сумел прорваться некий М.Мирзоян, который публично обвинил первого секретаря Карабахского обкома КП Азербайджана Б.Кеворкова в пренебрежении национальной спецификой Карабаха, «азербайджанизации» госаппарата области и т.д. В результате ситуация вышла из-под контроля и руководство спешно покинуло зал. Неудачно прошло аналогичное собрание в Аскеранском районе, а в Гадрутском уже только его попытка привела к стихийному митингу [5, с. 54].

На другой день, 13 февраля 1988 г. с разрешения Степанакертского горисполкома, обозначившего цель мероприятия – требование о воссоединении НКАО с Арменией, состоялся первый митинг, на котором выдвигается призыв присоединить Карабах к соседней республике. М. Асадов безуспешно пытался сорвать митинг. Власть фактически перешла в руки Совета директоров, куда вошло руководство крупных предприятий области и отдельные активисты. Этот совет решил провести сессии гор- и райсоветов и затем созвать сессию областного совета. Их намерения неожиданно

подогрело и заявление М.Горбачева 18 февраля 1988 г. о необходимости пересмотреть национальный вопрос в СССР. 20 февраля 1988 г. внеочередная сессия Нагорно-Карабахского областного совета приняла решение «О ходатайстве депутатов Нагорно-Карабахской автономной области о передаче НКАО из состава Азербайджанской ССР в состав Армянской ССР». 21 февраля 1988 г. Политбюро ЦК КПСС квалифицировало это ходатайство как противоречащее интересам Азербайджана и Армении, принятое под давлением «экстремистов» и «националистов», однако ограничилось в своем решении только призывами к нормализации обстановки, выработке и осуществлению мер по дальнейшему социально-экономическому и культурному развитию НКАО [1, с. 12; 5, с. 55; 6, с. 190]. Примечательно в этой связи то, что именно 20 февраля 1988 г., одновременно с вышеназванной сессией, в Ереванском Доме писателей была публично обнародована программа действий комитета «Карабах» [7, с. 240].

Но было уже поздно решать назревший конфликт подобными методами. 22 февраля 1988 г. близ Аскерана произошло столкновение большой группы азербайджанцев из Агдама, направлявшейся в Степанакерт, чтобы выразить протест против обращения сессии областного совета НКАО, с местным населением, вооруженным охотничьими ружьями. В ходе столкновения было убито 2 азербайджанца – А. Хаджиев и Б. Гулиев [5, с. 55-56]. Уже 22-24 февраля 1988 г. из различных районов Армении, в основном Кафанского, в Азербайджан стали прибывать большие группы беженцев, изгнанных с родных мест армянскими террористами [7, с. 242]. 22 февраля 1988 г. в Ереване прошла 50000 демонстрация в поддержку требований сессии, а 26 февраля – еще один, полумиллионный митинг с аналогичными воззваниями и призывами к оружию и «давить турок». Тогда же, 26 февраля, М.Горбачев встретился с З. Балаяном и С. Капутикян, с которыми обсудил вопросы дальнейшего развития НКАО. Армянские гости заявили о «твердом намерении» местных армян добиться присоединения Карабаха к Армении [5, с. 55-56]. Так, 26 февраля 1988 г. в Сумгаите состоялся и митинг в 40-50 человек в защиту территориальной целостности Азербайджана, переросший 27-29 февраля в массовые столкновения с армянским населением города. По данным Генпрокуратуры СССР, было убито 26 армян и 6 азербайджанцев (армянские источники увеличили число жертв-армян в десятки раз). Как было установлено, к погромам были привлечены уголовники неместного происхождения, армяне по национальности, убивавшие мужчин и насиловавшие женщин и провокационно призывавшие «мстить всем армянам» [5, с. 56-57; 6, с. 191-192]. Сумгаитские события были обсуждены

Руслан ШЕВЧЕНКО

на заседании Политбюро ЦК КПСС 29 февраля 1988 г. Председательствовавший на нем М.Горбачев сообщил, что в Ереване распространяются листовки с призывом перестать митинговать и братья за оружие, что новое руководство Нагорного Карабаха открыто подстрекает из Армении и что все действия в Степанакерте совершаются в соответствии с инструкциями и приказами из Еревана. Однако руководство Азербайджана более 2 месяцев тянуло с обсуждением сумгаитских событий на Бюро ЦК КП республики, которое состоялось только 7 мая 1988 г., когда ситуация уже резко ухудшилась [6: с. 192].

9 и 21 марта 1988 г. разгоравшийся конфликт стал предметом обсуждения соответственно в ЦК КПСС и на Политбюро ЦК КПСС, но обе конфликтующие стороны категорически отвергали любые компромиссные предложения, а М.Горбачев на заседании 21 марта 1988 г. даже признал, что первый секретарь ЦК КП Армении К. Демирчян не желает слышать ни о каких других путях решения, кроме передачи Карабаха Армении. В марте 1988 г. Президиум Верховного Совета СССР, Совмин СССР и ЦК КПСС приняли несколько постановлений с целью решить возникший межнациональный конфликт в НКАО, разоблачить кредо комитета «Карабах», показать, кому служат армянские националисты, а КГБ СССР получил задание собирать информацию о путях и способах передачи оружия экстремистам [6, с. 192-193]. Однако большинство членов Карабахского облсовета и обкома КП Азербайджана (первым секретарем обкома вместо Б.Кеворкова еще 23 февраля 1988 г. стал Г.Погосян) также поддержали требования о передаче Карабаха Армении, оформленные в соответствующие решения этих органов власти. Не помогла и смена первого секретаря ЦК КП Азербайджана (в мае 1988 г. К.Багиров был смещен А.Везировым). В Карабахе начались проармянские шествия, митинги, забастовки предприятий, организаций и учреждений. Был создан неформальный комитет «Крунк» во главе с директором Степанакертского комбината стройматериалов А.Манучаровым, который, формально заявляя о намерениях изучать историю края, его связи с Арменией и восстанавливать памятники старины, превратился в организатора протестов. Указом Президиума Верховного Совета Азербайджана «Крунк» был распущен, но продолжил свою деятельность уже нелегально. В рамках растущего движения «за присоединение Карабаха» в Ереване был создан комитет «Карабах», лидеры которого потребовали усилить давление на государственные структуры для достижения этой цели. Как следствие, поток азербайджанских беженцев из Карабаха стал усиливаться (только за февраль-май 1988 г. было зарегистрировано около

50 000 азербайджанских беженцев из Армении и Карабаха). Их размещали в 43 районах республики. Карабах стали посещать представители советских и государственных структур СССР. ЦК КПСС и Совет Министров СССР даже приняли в срочном порядке постановление «О мерах по ускорению социально-экономического развития Нагорно-Карабахской автономной области Азербайджанской ССР в 1988-1995 гг.» [4, с. 160; 5, с. 57-60; 7, с. 246].

Однако обстановка продолжала накаляться. 14 июня 1988 г. Верховный Совет Армении «дал согласие» на вхождение НКАО в состав Армении. 13 и 17 июня 1988 г. Верховный Совет Азербайджана принял решение о неприемлемости и невозможности отделения НКАО от Азербайджана в пользу Армении. Тогда 12 июля 1988 г. Совет народных депутатов НКАО принял решение об одностороннем выходе из состава Азербайджана. 13 июля 1988 г. Президиум Верховного Совета Азербайджана, опираясь на Конституции СССР, Азербайджана и Закон об НКАО, объявил это решение незаконным, так как территория союзной республики не могла быть изменена без ее согласия. Президиум Верховного Совета СССР 18 июля 1988 г. решил, что действующие границы Азербайджана и Армении изменять нецелесообразно (однако, несмотря на это, 1 декабря 1988 г. Верховный Совет Армении все равно принял постановление «О воссоединении Армянской ССР и Нагорного Карабаха») [5, с. 58-60; 8, с. 48-49].

Как следствие, в июле 1988 г. в Армении начались многодневные забастовки коллективов предприятий, организаций, учебных заведений и массовые митинги, а 22 сентября 1988 г. была прекращена работа ряда предприятий и городского транспорта Еревана, Лениакана, Абовяна, Чаренцавана, Эчмиадзинского района. В ходе стычек с военными был убит один из митинговавших. К наведению порядка стали привлекать военных. А в Степанакерте предприятия не работали уже несколько месяцев, шествия по улицам города стали ежедневными, образовался и воздушный мост с Ереваном специально для поддержки этих акций. Это происходило, даже несмотря на введение в НКАО с 28 июля 1988 г. режима Чрезвычайного положения. В августе 1988 г., при полном попустительстве властей и милиции были сожжены азербайджанские жилые кварталы города. К сентябрю 1988 г. все азербайджанское население было изгнано из города, а к концу 1988 г. азербайджанцы были депортированы из Армении (на 7 декабря 1988 г. число беженцев из Армении достигло 110 тыс. человек), разрушена была и мечеть в Ереване [5, с. 59-61; 6, с. 194; 7, с. 247]. По данным академика Б. Будагова, это осуществлялось в соответствии с утвержденным ЦК КП Армении 25 ноября 1988 г. чудовищным планом по насильственному изгнанию

Руслан ШЕВЧЕНКО

азербайджанцев с территории Армении, причем в максимально короткие сроки – к 5 декабря 1988 г [7, с. 248]. Кроме того, в том же 1988 г. в Москве был создан «Союз Армян», который обеспечивал впоследствии армянских террористов в Карабахе и самой Армении новыми наемниками, оружием и боеприпасами [7, с. 240]. Закономерным результатом этой изуверской политики стало заявление первого секретаря ЦК КП Армении С.Арутюняна на Первом съезде народных депутатов СССР 2 июня 1989 г.: «По состоянию на 1 июня 1989 г., в Армении нет ни одной азербайджанской семьи» [7, с. 256].

12 января 1989 г., по решению Президиума Верховного Совета СССР, был сформирован впервые в истории СССР Комитет особого управления НКАО во главе с заведующим отделом ЦК КПСС А.Вольским, взявшим на себя всю полноту власти в области и фактически выведшим НКАО из-под контроля властей Азербайджана. В Армении было введено Чрезвычайное положение, лидеры «Карабаха» во главе с будущим Президентом Армении Л.Тер-Петросяном были арестованы. Однако уже в апреле-мае 1989 г., после короткого замешательства, лидеры «Карабаха» и их сторонники приступили к новому этапу борьбы, начав провоцировать столкновения армян НКАО с внутренними войсками и азербайджанцами, возобновились уличные столкновения в Степанакерте и Мардакерте, а уже в начале мая армяне, жившие к северу от НКАО, создали первые военные формирования [5, с. 61]. Только в 1988-1989 гг., по данным Прокуратуры Азербайджана, армянские боевики убили 216 азербайджанцев, в основном детей, женщин и стариков [6, с. 195-196].

26 июля 1989 г. внеочередная сессия Шаумяновского райсовета Азербайджана самовольно приняла решение о вхождении в состав Армении. А 16 августа 1989 г. состоялся «съезд населения НКАО», принявший обращение к азербайджанскому народу, в котором лицемерно выражалось озабоченность отчужденностью между ним и армянами, предложил сотрудничество частям Советской армии, размещенным в регионе и избрал Национальный совет во главе с народным депутатом СССР В.Григоряном, который должен был практически реализовать решения сессии областного совета НКАО от 20 февраля 1988 г. Летом 1989 г. Армения ввела блокаду Нахичеванской АССР, в ответ Народный фронт Азербайджана объявил экономическую блокаду самой Армении (в ноябре 1989 г. из-за постоянных нападений армянских террористов прекратилось и железнодорожное сообщение двух республик). 16 августа 1989 г. «съезд полномочных представителей населения НКАО заявил об отказе признавать статус Нагорного Карабаха в составе

Азербайджана, провозгласил Карабах «независимой союзной территорией», которой управляет созданный самим же «съездом» некий «Национальный совет». Все его «решения» были, разумеется, отменены Верховным Советом Азербайджана 26 августа 1989 г. 17 сентября 1989 г. Верховный Совет Азербайджана принял конституционный закон, который провозгласил право учреждать и упразднять автономии на своей территории. 23 сентября 1989 г., в целях защиты прав азербайджанского народа, Верховный Совет Азербайджанской ССР принял еще один конституционный закон – о суверенитете республики, где указывалось, что он действует и в автономиях, включая НКАО, и что границы республики могут быть изменены только по взаимной договоренности с союзными республиками. 28 ноября 1989 г. Верховный Совет СССР, уступая требованиям властей Азербайджана, упразднил Комитет особого управления НКАО, потребовал от властей Азербайджана создать республиканский оргкомитет и восстановить деятельность Советов народных депутатов НКАО. Оргкомитет возглавил новый второй секретарь ЦК КП Азербайджана В. Поляничко. Однако деятельность Облсовета не возобновилась, а автономия области не была обеспечена. Как следствие, депутаты областной сессии самостоятельно провозгласили возобновление своей деятельности и не признали Республиканский оргкомитет, что привело к созданию в НКАО двух центров власти. 1 декабря 1989 г. Верховный Совет Армении и Национальный Совет НКАО провели совместное заседание, на котором приняли постановление о воссоединении НКАО с Арменией [3, с. 58-59; 5, с. 61-63; 6, с. 194; 7, с. 262].

Более того, 9 января 1990 г. Верховный Совет Армянской ССР принял решение о включении социально-экономического развития Нагорного Карабаха в республиканский бюджет Армянской ССР на 1990 год. А так как армянские власти обосновывали свои претензии на Карабах тем, что он был передан Азербайджану решением Кавказского Бюро РКП (б) 5 июля 1921 г. якобы незаконно (полностью игнорируя тот факт, что Карабах в течение всей своей истории был частью территории Азербайджана), то Постановлением Верховного Совета Армении от 13 февраля 1990 г. это решение 1921 г. было признано незаконным [3, с. 59; 6, с. 185]. В ответ Верховный Совет СССР в своих постановлениях от 10 января и 3 марта 1990 г. вновь подтвердил территориальную целостность Азербайджана, принадлежность НКАО Азербайджанской ССР и признал не имеющими юридической силы с момента принятия все предыдущие решения Верховного Совета Армянской ССР, включая Постановление от 1 декабря 1989 г. А 6 марта 1990 г. и Президиум Верховного Совета

Руслан ШЕВЧЕНКО

Азербайджанской ССР принял резолюцию «О неприемлемости территориальных притязаний Армянской ССР» [3, с. 59; 6, с. 185].

Не прекращались нападения армянских боевиков на азербайджанские населенные пункты в Карабахе и некоторые населенные пункты в самом Азербайджане (Аскеран, Агдам и другие), а уже в декабре 1989 г. крупные армянские подразделения впервые начали наступление на азербайджанские территории вне Карабаха - Ханларский и Геранбойский районы [7, с. 261-263]. Чтобы «окончательно» решить армяно-азербайджанский конфликт, Президиум Верховного Совета СССР ввел 15 января 1990 г. чрезвычайное положение в НКАО, приграничных с нею районах Азербайджана, Горисском районе Армении и погранзоне на госгранице СССР на территории Азербайджана. Была создана комендатура района ЧП, которой были подчинены подразделения внутренних войск МВД СССР, а деятельность общественных организаций, областного, районных советов и обкома партии НКАО – приостановлены. 20 января 1990 г. войска были введены в Баку, якобы для предотвращения захвата власти Народным фронтом Азербайджана. При этом было убито 137 и ранено более 800 горожан [5, с. 63-64]. Свою колоссальную лепту в убийство мирных азербайджанцев тогда же вложили и армяне, численность вооруженных группировок которых уже к середине 1990 г. достигла 15000 человек, в том числе 10000 человек Армянской Национальной Армии [8, с. 67]. Так, например, 23 марта 1990 г. армянские боевики убили в армянском селе Баганис 8 (по другим данным – 11 азербайджанцев). Но только 25 июля 1990 г. в ответ на создание подобных армянских военизированных формирований, члены которых убивали как военных и сотрудников МВД, так и мирных жителей, был издан Указ Президента СССР «О запрещении создания незаконных формирований, не предусмотренных законодательством СССР, и изъятии оружия в случаях его незаконного хранения». В течение 1990 г. было проведено 160 оперативно-войсковых операций по проверке паспортного режима и выполнению этого Указа [5, с. 64-65]. Тем не менее, число беженцев из Армении в Азербайджан, спасавшихся от постоянных терактов, продолжало расти. К сентябрю 1990 г. в Азербайджан из Армении перебрались 201 тыс. азербайджанцев, 2500 курдов, 1500 русских [6, с. 197].

3 апреля 1990 г. Верховный Совет СССР принял Закон «О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР». Этот документ тут же попал в арсенал армянских политиков, пытающихся и поныне доказать, что в Карабахе никогда, и даже в 1918-1920 гг., в состав независимого Азербайджана не входил и

потому, дескать, провозгласив свой суверенитет и независимость, Азербайджан сам открыл для Карабаха дверь к самоопределению. Хотя не составляет особого труда документально доказать, что Карабах и в 1918-1920 гг., и еще ранее являлся составной частью Азербайджана. Кроме того, такой довод возвращает и саму Армению к тому ее состоянию, которое у нее было на 28 мая 1918 г., то есть, значительно меньшей территориально, чем ныне [6, с. 176]. Тем не менее, Верховный Совет Армянской ССР в собственной Декларации о независимости Армении, принятой 23 августа 1991 г., вновь умудрился сослаться на аннулированное Верховным Советом СССР постановление Верховного Совета Армении от 1 декабря 1989 г. о включении Карабаха в состав Армении, основанное на прежних доводах армянской стороны [6, с. 185].

Это, несмотря на принятое в тот же день, 3 апреля 1990 г., решение Президиума Верховного Совета СССР о недопустимости изменения границ и закрепленных Конституцией национально-территориальных единиц между Азербайджаном и Арменией. Однако армянские вооруженные отряды продолжали набеги на азербайджанские населенные пункты вдоль границы с Арменией (всего в 1988-1992 гг. Армения совершила 304 нападения, 1249 раз обстреляла азербайджанскую территорию тяжелой артиллерией). В ходе этих бандитских акций было убито 411 азербайджанцев [6, с. 190].

Сразу после провозглашения государственной независимости Азербайджана (30 августа 1991 г.), воспользовавшись тем, что с конца августа 1991 г. внутренние войска СССР по распоряжению командования фактически прекратили обеспечение режима чрезвычайного положения, руководство армянских сепаратистов в Карабахе вышло из подполья и уже 2 сентября 1991 г. на совместном заседании Советов народных депутатов НКАО и Шаумяновского района Азербайджана, ссылаясь на Закон СССР о порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР, было принято решение о провозглашении «Нагорно-Карабахской Республики» (НКР). Правда, его организаторы упустили из виду, что по тогдашнему советскому законодательству, Верховные Советы республик и Советы народных депутатов автономий должны были совместно рассмотреть итоги референдума и представить результаты оного в Верховный Совет СССР. Этого не было сделано даже формально, что добавило незаконности самовольному решению об отделении Нагорного Карабаха от Азербайджана. Не говоря уже о множестве других доказательств этого, приводимых В.Сеидовым [5, с. 161; 6, с. 172-180]. Все вооруженные группировки (местное ополчение, партийные формирования, отряды из

Руслан ШЕВЧЕНКО

Армении численностью до 15000 боевиков) были сведены в единые «силы самообороны НКР» (позже переименованы в «Армию обороны НКР») и подчинены так называемому «Комитету обороны». На территории собственно Армении и Карабаха были созданы вооруженные силы численностью до 30000 человек, были подготовлены программы увеличения и оснащения вооружением. Возобновился, по решению армянского руководства, призыв армянской молодежи в вооруженные силы СССР, их направляли в учебные центры для подготовки военных специалистов разного профиля [5, с. 161-162].

20-24 сентября 1991 г. нагорно-карабахский конфликт стал предметом обсуждения на встрече президентов России Б.Ельцина и Казахстана – Н.Назарбаева в Железноводске. По итогам обсуждения была подготовлена декларация, предписывавшая разоружение всех вооруженных отрядов в НКАО, формирование местных властей заново, продолжение встреч руководства Азербайджана и Армении, установление режима прекращения огня, выведение из региона частей Советской Армии и МВД СССР, отмену Парламентами Азербайджана и Армении всех своих постановлений по Нагорному Карабаху и отпуск враждующими сторонами всех заложников. Президиум Верховного Совета Азербайджана высоко оценил этот документ, подготовил деловые предложения и 7 октября 1991 г. принял необходимое решение [6, с. 198-199].

Однако вскоре ситуация резко осложнилась. В частности, в октябре-ноябре 1991 г. армянские бандформирования из «Карабаха», после артобстрела из установок системы «Град», предприняли ряд кровавых нападений для изгнания азербайджанского населения с территории Ходжавендского района Нагорного Карабаха, захватив более 30 населенных пунктов [7, с. 278]. 20 ноября 1991 г. армянские боевики организовали крупную провокацию, сбив в воздушном пространстве НКАО, в районе того же Ходжавенда, вертолет, в котором находились государственные и политические деятели Азербайджана и известные журналисты [6, с. 199]. В ответ на это 26 ноября 1991 г. азербайджанский парламент ликвидировал автономию Карабаха, превратив его в обычный район. Это было сделано в ответ на «самоопределение» Карабаха. Но 28 ноября 1991 г. Комитет конституционного надзора СССР отменил это решение, ссылаясь на то, что оно не соответствовало статьям 86-87 Конституции СССР. К слову, такое его решение говорит о том, что данный союзный орган рассматривал только действия законных субъектов [6, с. 181]. Разумеется, армянские сепаратисты в Карабахе предпочли этот документ «не заметить». Война разгорелась с новой силой, армянские наемники сожгли 19

селений близ Степанакерта (Ханкенди), превратив их жителей в беженцев. И сразу же после Беловежского соглашения России, Украины и Беларуси (8 декабря 1991 г.), ликвидировавшего СССР, карабахские сепаратисты провели 10 декабря 1991 г. «Референдум по вопросу независимости НКР», провозгласив «НКР» «суверенной республикой в составе СССР», хотя последний к этому моменту уже прекратил существование, и его структуры действовали лишь формально [6, с. 186, 199]. В этой связи следует подчеркнуть, что после этого «референдума», в январе-апреле 1992 г., в результате сговора с руководством Закавказского военного округа и 7-й гвардейской армии вооруженные силы Армении получили неограниченный доступ к технике, вооружению, боеприпасам, ГСМ и другому военному снаряжению, которое потом использовали в войне с Азербайджаном [5, с. 162-163].

13 января 1992 г. Азербайджан обратился в ООН с просьбой осудить агрессию Армении. Попытка создать в Карабахе незаконные структуры власти была обоснованно названа государственным терроризмом. 12-18 февраля 1992 г. в регионе находилась делегация ОБСЕ, изучавшая обстановку и давшая рекомендации по урегулированию конфликта. 20 февраля 1992 г., по предложению России, в Москве встретились министры иностранных дел Азербайджана и Армении, согласившиеся объявить режим прекращения огня и обязавшиеся соблюдать принципы ОБСЕ. Однако через несколько дней Армения объявила, что урегулирование конфликта – дело только Азербайджана и самого Карабаха. А 26-27 февраля 1992 г. бандформирования Армении при поддержке 366-го полка Советской Армии напали на город Ходжалы и разгромили его, убив 613 человек (437 было искалечено, 1275 пленено и 150 пропало без вести). Потрясение от страшной трагедии в Азербайджане было таким, что Президент А. Муталибов и Председатель Президиума Верховного Совета Э.Кафарова были вынуждены уйти в отставку. Новым Председателем Президиума Верховного Совета и и.о. Президента стал Я. Мамедов [6, с. 200-201; 7, с. 284-293].

В этой ситуации Азербайджан вновь попытался обратиться к мировому сообществу. По решению Совета Министров СБСЕ была создана так называемая Минская конференция, первый председатель которой М. Рафаэлли 7 мая 1992 г. прибыл в регион. Немедленно последовала и реакция на это Армении: после штурма 7-9 мая 1992 г. ее боевики захватили г. Шуша и Шушинский район. Потерявший контроль над ситуацией, бывший Президент Азербайджана А. Муталибов, под давлением Народного фронта республики был вынужден окончательно отказаться от власти (15 мая 1992 г.) и уехал в Москву.

Руслан ШЕВЧЕНКО

Воспользовавшись этим, армянские части захватили 17 мая 1992 г. стратегически важный Лачинский район (1835 кв. км, 60 000 жителей), находившийся уже вне Карабаха и связывавший регион с Арменией [6, с. 202; 7, с. 296-299].

Первый раунд переговоров в рамках Минской группы, прошедший 1-7 июня 1992 г. в Риме, оказался безрезультатным, так как представители армянской общины Карабаха не явились на встречу, где предполагалось подписание итоговых документов. Тем временем, ситуация в самом Азербайджане несколько нормализовалась, что позволило провести президентские выборы. Президентом страны 7 июня 1992 г. стал А.Эльчибей. А 16 июня Азербайджану удалось вернуть под свой контроль Геранбойский район [6, с. 202-203].

18-20 июня 1992 г. в Риме состоялся второй раунд переговоров. Армения потребовала включить в документ об оккупации Шуши и Лачина также Агдари, а Азербайджан – факт агрессии Армении. Эта встреча, как и две последующие, 29 июня – 7 июля и 31 июля – 4 августа тоже оказалась безрезультатной, так как не удалось даже достичь предложенного Минской группой перемирия на 60 суток. Наконец, 27 августа 1992 г. представители Армении, Азербайджана и Казахстана, по инициативе Президента Казахстана Н.Назарбаева, все же подписали Алма-Атинский меморандум, обязывавший стороны прекратить огонь, сроком на 60 суток и подтвержденный т. н. Иджеванским протоколом (3 сентября 1992 г.). Очень скоро, однако, Армения нарушила это свое обязательство. 23 февраля – 1 марта 1993 г. представители Минской группы обсуждали, что делать дальше. Было решено направить в регион экспертов ОБСЕ, провести в апреле 1993 г. новую встречу Минской группы для определения сроков прекращения огня, официального открытия Минской конференции и заключения соглашения о конкретных документах мирного процесса. А 16 марта 1993 г. Президенты России (Б. Ельцин) и Франции (Ф. Миттеран) выступили с совместным заявлением, призвав решить конфликт мирным способом, путем диалога [6, с. 203].

Однако эти призывы не возымели никакого влияния на Армению. 27 марта-3 апреля 1993 г. ее войска, двигаясь из Варденисского района Армении, захватили Кельбаджарский район Азербайджана (1936 кв.км., 62000 жителей), совершая при этом невероятные зверства [7, 306-310]. 1 апреля 1993 г. Азербайджан обратился к Европарламенту, ЕС и ООН, 3 апреля 1993 г. – к Генеральной ассамблее ООН с обращением, которым был выражен протест против этой оккупации, и потребовал вывода армянских войск, а 11 апреля 1993 г. обратился к Генеральному секретарю ООН с просьбой принять

меры по обузданию армянской агрессии. 30 апреля 1993 г. Совет безопасности ООН принял резолюцию №822, в которой потребовал от армянской стороны немедленно покинуть Кельбаджарский район. США, Россия и Турция предложили 3 мая 1993 г. план по урегулированию ситуации, с возвращением армянских войск на позиции до 27 марта

1993 г. Армения этот план отвергла, а ее Президент Л. Тер-Петросян потребовал гарантий прав и безопасности для народа Карабаха, заявив, что не уверен в намерениях Азербайджана отказаться от военного решения «карабахского вопроса» [6, с. 204-205].

Новая фаза политического кризиса в Азербайджане, вызванная захватом Кельбаджарского района, привела к добровольной отставке Президента страны А.Эльчибея. Его 25 июня 1993 г. сменил ставший 15 июня того же года Председателем Верховного Совета Азербайджана, крупнейший политический деятель современного Азербайджана Г. Алиев [6, с. 206]. В середине июля 1993 г. в регион прибыл М.Рафаэлли, который предложил свой план освобождения оккупированных районов. Однако Армения отказалась выполнять резолюцию Совета безопасности ООН и план Рафаэлли. Еще 23-24 июня 1993 г. ее войска захватили Агдамский район (160 000 человек), а 23 июля 1993 г., продолжая наступление на азербайджанские земли, они захватили и райцентр – древний город Агдам. Президент Г.Алиев направил протест Генеральному секретарю Совета безопасности ООН, требуя осадить агрессора. Действительно, 29 июля 1993 г. Совет безопасности ООН принял резолюцию №853, которой признал суверенитет и территориальную целостность Азербайджана и требовал безоговорочного освобождения всех оккупированных территорий [7, с. 311-313].

Однако, несмотря на консультации Минской группы с представителями Армении и Азербайджана (9 августа 1993 г.), в ходе которых предлагались мероприятия по выводу армянских войск (Армения их опротестовала), многократные обращения Азербайджана и к председателю Совета безопасности ООН (30 августа 1993 г.) и странам – членам СБ ООН (23 августа 1993 г.), а также заявление председателя Совета безопасности ООН от 18 августа 1993 г. в котором содержалось требование немедленно освободить захваченные территории, все это не остановило армянских агрессоров. 20-23 августа 1993 г. войска Армении захватили Физулинский (114 000 человек), 25-26 августа 1993 г. Джебраильский (52 000 человек), а 31 августа -1 сентября 1993 г. и Губадлинский (30300 жителей) районы Азербайджана [6, с. 206-207; 7, с. 316-319].

Потерпели крах и новые попытки международных

Руслан ШЕВЧЕНКО

организаций урегулировать конфликт Армении и Азербайджана. График неотложных мероприятий, выдвинутый Минской группой, был отвергнут Азербайджаном, так как в нем не указывалось, что Армения не считается с резолюциями Совета безопасности ООН и заявлением его Председателя, а также не обозначался механизм освобождения Арменией захваченных земель. А на новую резолюцию Совета безопасности ООН от 14 октября 1993 г., признававшую территориальную целостность Азербайджана и незаконность применения силы, а также визит тогдашнего председателя ОБСЕ М. Углас, министра иностранных дел Швеции в Азербайджан, касательно требования положить конец военным операциям, Армения ответила новым актом агрессии: ее войска захватили 23 октября 1993 г. г. Горадиз, а в последние дни октября 1993 г. также и Зангиланский район (707 кв.км. 40000 человек). Таким образом, Армения завершила захват всех окружающих Нагорный Карабах районов Азербайджана [7, с. 319-321].

После этого «горячая» фаза конфликта пошла на спад. Начался этап переговоров, закреплявший временный статус-кво между Азербайджаном и Арменией. 12 ноября 1993 г. Совет безопасности ООН осудил в своей резолюции №884 захват Зангиланского района и поселка Горадиз и потребовал от Армении покинуть все захваченные земли. 18 и 20 января 1994 г. министры иностранных дел Азербайджана (Г. Гасанов) и Армении (Р. Ованесян) вели переговоры со своим российским коллегой А. Козыревым, а 18 февраля 1994 г. представители Азербайджана, Армении и России обсудили подготовленный Россией план освобождения захваченных Арменией территорий. Однако в нем упускались захваченные Шуша и Лачин, а международными разьединительными силами назывался Объединенный Штаб ВС СНГ. Ввиду этого Азербайджан отклонил этот план. Он был отклонен и членами Минской группы на неофициальной встрече в Праге 14-15 апреля 1994 г. Все же 4-5 мая 1994 г. по инициативе Межпарламентской ассамблеи СНГ в Бишкеке, был подготовлен протокол по урегулированию карабахского конфликта. Так как азербайджанский представитель, в отличие от армянского, поначалу не получил права подписать протокол, Азербайджан не стал одобрять его. Позже составители протокола сняли свои замечания, и представители Азербайджана и его общины в Карабахе все же подписали протокол, хотя и с оговорками. 9 мая 1994 г. Армения, Азербайджан и

армянская община Карабаха выразили свое согласие прекратить огонь в регионе, и с 12 мая 1994 г. был установлен режим прекращения огня, существующий и по настоящий момент [6, с. 208-209].

Таким образом, подводя итоги агрессии Армении против Азербайджана, следует констатировать следующее. Было оккупировано более 17000 кв.км. земель (около 20% всей территории страны), погибло более 20000 человек, свыше 50000 получили ранения, более 900 населенных пунктов разграблено, сожжено и разрушено, 6000 промышленных, сельскохозяйственных предприятий и других объектов уничтожено, 150 000 жилых зданий общей площадью более 9 млн. кв.м. разрушено, уничтожено 4366 объектов социально-культурного назначения, в том числе 695 медпунктов. На захваченных территориях полностью выведены из строя сельхозугодия, водное хозяйство, гидротехнические сооружения, весь транспорт, все линии коммуникации, разрушено более 927 библиотек, 464 исторических памятника и музеев, более 100 археологических памятников, 6 государственных театров и концертных студий, из музеев было похищено более 40 000 ценных предметов и редких экспонатов [4, с. 166]. Кроме того, в 1989-1994 гг. армянские террористы и сепаратисты совершили 373 теракта на территории Азербайджана, в результате которых 1568 человек погибло, 1808 было ранено. Судами Азербайджана и иностранных государств в процессуальном порядке было доказано, что как минимум 332 из этих терактов были спланированы и проведены при непосредственном участии спецслужб Армении [5, с. 66].

Таков был страшный итог политики Армении, направленной на отторжение от Азербайджана его исторически составной части – Нагорного Карабаха и прилегающих к нему территорий. Несмотря на сопротивление, которое оказывалось этому преступному курсу властями Азербайджана в труднейших условиях того времени, оказалось невозможным отразить нападение давно готовившего огромные человеческие и материальные ресурсы противника. Однако трагедия 1988-1994 гг. стала важным уроком для Азербайджана, из которого он извлек необходимые для своего дальнейшего развития выводы.

О том, что было сделано для преодоления последствий армяно-азербайджанского конфликта и для возвращения Карабаха, а также и других, незаконно отторгнутых от Азербайджана земель, будет рассказано в последующих статьях.

Руслан ШЕВЧЕНКО

Литература:

1. Алиев Н. Вопросы международного права в нагорно-карабахском конфликте. – Тбилиси, Универсал, 2009. - 98 с.
2. Имранлы К. Создание армянского государства на Кавказе. Истоки и последствия.- Москва, Научно-исследовательский центр «Ладомир», 2006. - 256 с.
3. Маммадов И., Мусаев Т. Армяно-азербайджанский конфликт. История, право, посредничество - Баку, 2008. - 196 с.
4. Мархулия Г. Армяне в поисках Армении. – Тбилиси: Универсал, 2010. - 296 с.
5. Мархулия Г. Армянская национальная идея и конфликты на Кавказе - Тбилиси: Универсал, 2010. - 111 с.
6. От Майендорфа до Астаны: принципиальные аспекты армяно-азербайджанского нагорно-карабахского конфликта. Сборник статей. Под ред. Г.М.Алексеева – Москва: ООО Типография «КЕМ», 2010. - 552 с.
7. Преступления армянских террористических и бандитских формирований против человечества (XIX-XXI вв.). Научный руководитель – Р.Мустафаев. Составители: А.Мустафаева, Р.Севдимальев, А.Алиев, Р.Йылмаз. - Краткая хронологическая энциклопедия. - Баку:ЭЛМ, 2002. - 395 с.
8. Южный Кавказ: истоки сепаратизма, разрешение конфликтов, долговременный мир. Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 90-летию дипломатической службы Азербайджана. - Тбилисский государственный университет им.И.Джавахишвили, 20 ноября 2009 г., Тбилиси: Универсал 2009. - 14 с.

Summary

The period 1988-1994 became one of the most tragical in centuries-old history of Azerbaijan. Claims of Armenia on Nagornyj Karabakh, put forward her within many decades after an establishment of the Soviet authority in this republic, smoothly pererosli in a "hot" phase with the connivance of, and it is frequent also to open support of Moscow. Intending to create «Great Armenia from the sea up to the sea», the Armenian management systematically carried out a genocide of azerbaijani people these years and has managed, at support of parts of the Soviet army, to grasp not only Karabakh, but also a number of areas adjoining to them, caused thus a huge loss to economy of Azerbaijan.

Keywords: History of Azerbaijan, claims of Armenia, soviet authority, azerbaijani people.

Порядок публикации и требования к оформлению статей научного журнала «Право и политология»

Для опубликования статьи в журнале необходимо предоставить в редакцию журнала публикуемые материалы в электронном виде в единичном экземпляре на любом из перечисленных носителей (CD-ROM, DVD-ROM, флэш-носитель) и на бумажном носителе в двух экземплярах. Публикации в журнале подлежат только оригинальные статьи, ранее не публиковавшиеся в других изданиях.

Объем публикуемых материалов не должен превышать, как правило, 20 страниц и 500 Кб.

Публикуемые в журнале статьи состоят из следующих элементов:

- сведения об авторе (соавторах), включающие в себя: Ф.И.О. автора (соавторов), ученая степень автора (соавторов), место работы или учебы автора (соавторов), должность автора (соавторов);
- основной материал (текст) статьи;
- краткая аннотация статьи (500-580 зн.), дающая общую характеристику работе (на русском и английском языках);
- фотография автора размером 4х6 см в электронной версии.

Оформление сносок сквозное: в тексте указывается номер и страница научного источника (в квадратных скобках). Список литературы публикуется в конце, в порядке цитирования, согласно нижеуказанному примеру:

1. Алиев, Н. Г. Проблемы военного права Азербайджана. – Баку: Азернешр, 1999, с. 35.
2. Алмонд, Г. А., Верба, С. Гражданская культура и стабильность демократии. – Полис, 1992, № 4, с. 122-134.
3. Об утверждении Стратегии социальной интеграции лиц с ограниченными возможностями (2010-2013 гг.). Закон Республики Молдова № 169 от 9 июля 2010 г. – Monitorul Oficial al Republicii Moldova, 2010, 12 октября, № 200-201, ст. 660.
4. Речь Президента Ильхама Алиева на политическом брифинге на тему «Европейский Союз и Азербайджан – новые способы сотрудничества», состоявшемся 19 мая 2004 года. – Азербайджан, 2004, 22 мая.
5. Mehdiyev, R. Goris-2010. Season of the theatre of the absurd. – Tbilisi: Universal, 2010. – 185 pp.
6. Осакская декларация по развитию туризма. – www.world-tourism.org.

Статьи, предлагаемые к публикации в журнале, проходят обязательное рецензирование. В качестве рецензента должен выступать как минимум один специалист, имеющий степень доктора наук по специальности данной работы. Содержание рецензии должно подтверждать, что данная статья содержит новые интересные материалы и заслуживает публикации. Решение о публикации статьи в журнале принимается сопредседателями редколлегии журнала.

International scientific journal
LAW AND POLITOLOGY

Международный научный журнал
ПРАВО И ПОЛИТОЛОГИЯ

№ 23